

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

3

2019

VESTNIK RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya»
RSUH/RGGU BULLETIN. “Political Science. History. International Relations” Series
Academic Journal
Quarterly issues.

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. “Political Science. History. International Relations” Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific magazines journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

07.00.00 History and archeology:

07.00.02 Russian history

07.00.03 World history

07.03.09 Historiography, source study and methods of historical research

07.00.15 History of international relations and foreign policy

23.00.00 Political studies:

23.00.01 Theory and philosophy of politics, history and methodology of political science

23.00.02 Political institutions, processes and technologies

23.00.04 Political problems of international relations, global and regional development

23.00.05 Political regionalism. Ethnopolitics

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN “Political Science. History. International Relations” Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. “Political Science. History. International Relations” Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media. 25.05.2015, reg. No. FS77-61886

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993

e-mail: novikova.a@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

07.00.00 История и археология:

07.00.02 Отечественная история

07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)

07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

07.00.15 История международных отношений и внешней политики

23.00.00 Политология:

23.00.01 Теория и философия политики, история и методология политической науки

23.00.02 Политические институты, процессы и технологии

23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

23.00.05 Политическая регионалистика. Этнополитика

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический, рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, 07.08.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 03 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

электронный адрес: novikova.a@rggu.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editors-in-chief

A.P. Logunov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Medushevsky, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Sciences), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A. Filler, Ph. D, assistant professor, University Paris VIII (France)

D.S. Foglesong, Ph.D., professor, Rutgers University (USA)

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Sciences), Cand. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Gushchin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

I. Klyukanov, Ph.D, professor of Communication, Eastern Washington University (USA)

M. Kramer, Ph.D., professor, Harvard University (USA)

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.S. Mirzekhanov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P. Ruggenthaler, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz-Vienna (Austria)

E.Y. Sergeev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T.A. Shakleina, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs, Russia, Moscow, Russian Federation

- B. Shteltzel-Marks*, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz-Vienna (Austria), vice-president of Austrian Commission, UNESCO, Viena (Austria)
- A.D. Voskressenski*, Dr. of Sci. (Political Science), professor, PhD (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation
- A.L. Iurganov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.B. Antonova*, Cand. of Sci. (Pedagogy), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*English texts editor*)
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*English texts editor*)
- A.A. Novikova*, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)
- A.S. Panov*, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

Executive editors:

- N.A. Medushevsky, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor (RSUH)
- A.A. Novikova (RSUH)

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

А.П. Логунов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Павленко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
(*заместитель главного редактора*)

Н.А. Медушевский, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
(*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Ph.D. (Манчестерский университет), Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Гуцин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.С. Мелкумян, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И. Клюканов, д-р филол. н., профессор, Восточно-Вашингтонский университет (США)

М. Крэммер, Ph.D., профессор, Гарвардский университет (США)

В.С. Мирзеханов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П. Руггенталер, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац-Вена (Австрия)

- Е.Ю. Сергеев*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А. Филлер*, Ph.D, доцент, Университет Париж VIII (Франция)
- Д. Фолесонг*, Ph.D., профессор, Университет Ратгерс (США)
- Т.А. Шаклеина*, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация
- Б. Штельцель-Маркс*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана (Грац; Вена), вице-президент Австрийской комиссии ЮНЕСКО, Вена (Австрия)
- А.Л. Юрганов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация.
- И.Б. Антонова*, кандидат педагогических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*редактор текстов на английском языке*)
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*редактор текстов на английском языке*)
- А.А. Новикова*, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)
- А.С. Панов*, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Ответственные за выпуск:

- Н.А. Медушевский, доктор политических наук, доцент (РГГУ)
- А.А. Новикова (РГГУ)

Содержание

Исследования истории России XX в.

- О.В. Шемякина*
Народовольцы и декабристы: проблема преемственности
революционных поколений в народнической мемуаристике
1920–1930-х гг. 12
- Р. Савосткина*
Бытовая реорганизация советского города в дискурсе
журнала «Работница» в первой половине 1930-х гг. 28

Историография и методология истории

- А.Р. Акрамов*
Содержание и противоречие российского
историографического процесса 38
- А.В. Малинов, Е.А. Долгова*
«Общая методология гуманитарных наук» Н.И. Кареева
и преподавание методологии истории в высшей школе:
диахронический и синхронический контекст 48

Политологические исследования постсоветского и европейского пространства

- С.П. Донцев*
Религиозный фактор и угрозы национальной
безопасности России и Беларуси: сравнительный анализ 60
- А.А. Зыков*
Федеральный проект «Дальний Восток в АТР»
на перекрестке интересов местных властей Приморья 75
- А.И. Емельянов*
Трансформация политической элиты России
на рубеже XX–XXI вв. в условиях внешнеполитической
конфронтации 85
- Н.А. Медушевский*
Культура толерантности и историческая память:
столкновение противоположностей
в современном польском обществе 99

Современное востоковедение и международные отношения

- И.Е. Ханова*
Инициативы Казахстана в рамках ЕАЭС (2015–2018 гг.) 112
- Л.А. Печищева*
Стратегия ФРГ в отношении Шри-Ланки в начале 2000-х гг.:
на примере социально-экономической сферы 124
- Н.А. Филин, А.С. Ходунов*
Некоторые особенности персидской культуры поведения
в контексте историко-культурной идентичности
персидского народа 131
- А.В. Цвук, М.М. Кузнецов*
Отношения между Китаем и Швейцарией на современном этапе ... 148

Книжная полка

- М.Н. Грачев*
Император и крестьянин: картины из жизни Австро-Венгрии
накануне Первой мировой войны и в конце эпохи Габсбургов.
Рец. на книгу: Janda K. The emperor and the peasant:
Two men at the start of the Great War and the end
of the Habsburg Empire. Jefferson, North Carolina:
McFarland & Company, Inc., Publishers, 2018. X + 277 p. 163

Contents

Research on 20th Century Russian History

Olga V. Shemyakina

The members of the “People’s Will” and the Decembrists:
the idea of continuity of revolutionary generations
in narodniki’ memoirs of the 1920–1930s 12

Regina Savostkina

Household reorganization of the Soviet city in the discourse
of the magazine “Rabotnica” in the first half of the 1930s. 28

Historiography and Methodology of History

Alexander R. Akramov

Content and contradiction of Russian historiography process 38

Alexey V. Malinov, Evgeniya A. Dolgova

“The General methodology of the Humanities” by Nikolay Kareev
and teaching methodology of history in high school:
diachronic and synchronic context 48

Political Science Research of Post-Soviet and European Space

Sergei P. Dontsev

Religious factor and threats to national security of Russia
and Belarus: comparative analysis 60

Aleksandr A. Zykov

Federal project “The Far East in the Asia-Pacific Region”
at the intersection of interests of local authorities
of Primorsky krai 75

Anton I. Emelianov

Transformation of political elite of Russia at the turn
of 21th–21st centuries in terms of external political confrontation 85

Nikolai A. Medushevskii

Culture of tolerance and historical memory:
the collision of opposites in modern Polish society 99

Modern Oriental Studies and International Relations Studies

<i>Irina E. Khanova</i>	
Kazakhstan's initiatives within the Eurasian economic Union (2015–2018)	112
<i>Lyudmila A. Pechishcheva</i>	
Germany's strategy in Sri Lanka at the beginning of the 2000s: by the example of social and economic sphere	124
<i>Nikita A. Filin, Alexander S. Khodunov</i>	
Some peculiarities of the Persian culture of behavior in the context of historical and cultural identity of the Persian people	131
<i>Anatoly V. Tsvyk, Mikhail M. Kuznetsov</i>	
Relations between China and Switzerland at the present stage	148

Bookshelf

<i>Mikhail N. Grachev</i>	
Review: <i>Janda K.</i> The emperor and the peasant: Two men at the start of the Great War and the end of the Habsburg Empire. Jefferson, North Carolina: McFarland & Company, Inc., Publishers, 2018. X + 277 p.	163

УДК 930.2

DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-12-27

Народовольцы и декабристы: проблема преемственности революционных поколений в народнической мемуаристике 1920–1930-х гг.

Ольга В. Шемякина

*Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева,
Москва, Россия, shemiakina@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается освещение проблемы преемственности различных этапов революционного движения в мемуарах революционеров-народников 1870-х гг., написанных в советский период. Автор опирается на опубликованные мемуары и другие литературные работы старых революционеров, их переписку между собой и стенограмму заседания 1930 г. в Обществе политкаторжан на тему «Связь революционных поколений с декабристами».

В первой части статьи автор анализирует отношение народников-мемуаристов к представлению о народниках как о предшественниках большевиков или эсеров. Вторая часть посвящена раскрытию в литературных трудах старых революционеров декабристской темы – как отдельных упоминаний, так и специальных работ О.К. Булановой-Трубниковой и В.Н. Фигнер. В третьей части рассматриваются мнения о связи между декабристами и народниками, высказанные на заседании в Обществе политкаторжан историками и старыми народовольцами.

Автор приходит к выводу, что для народнической мемуаристики 1920–1930-х гг. было характерно избегание темы преемственности, несмотря на ее популярность среди историков того времени. В то же время старые революционеры достаточно много внимания уделили декабристам, с которыми они ощущали связь морального характера. Этот факт следует рассматривать в контексте интереса к этической стороне народнического движения в целом, свойственного народнической мемуаристике 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: народничество, «Народная воля», движение декабристов, народническая мемуаристика, советская историография, историография революционного движения, В.Н. Фигнер, Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев

© Шемякина О.В., 2019

Для цитирования: Шемякина О.В. Народовольцы и декабристы: проблема преемственности революционных поколений в народнической мемуаристике 1920–1930-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 3. С. 12–27. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-12-27

The members of the “People’s Will” and the Decembrists: the idea of continuity of revolutionary generations in narodniks’ memoirs of the 1920–1930s

Olga V. Shemyakina

*Dmitry Mendeleev University of Chemical Technology of Russia,
Moscow, Russia; shemiakina@yandex.ru*

Abstract. The article examines the idea of continuity of different periods of revolutionary movement as discussed in the memoirs of revolutionary populists written after 1917. The author draws upon published and unpublished sources, such as old revolutionaries’ memoirs and letters, as well as the transcripts of the meeting of the Society of Former Political Prisoners and Exiles (1930), titled “The Continuity of Revolutionary Generations with the Decembrists”.

In the first part the author analyses the attitude of the memoir writers to the idea of narodniks as precursors to the Bolsheviks or the Socialist Revolutionary Party. The second part deals with the discussion of the Decembrists both in the memoirs and special articles by O.K. Bulanova-Trubnikova and V.N. Figner. The third part considers the opinions about the connection between the Decembrists and narodniks, given by historians and narodniks themselves at the meeting of the Society of Former Political Prisoners and Exiles.

The author concludes that the narodniks’ memoirs usually avoided the idea of continuity, although it was popular among contemporary historians. Nevertheless, they felt a moral connection to the Decembrists whom they discussed at length in their works. This should be viewed in the context of the close attention to the ethical dimension of populism which was characteristic to narodniks’ memoirs of the 1920–1930s.

Keywords: populist movement, “People’s Will”, Decembrists, populists’ memoirs, soviet historiography, historiography of revolutionary movement, V.N. Figner, Society of Former Political Prisoners and Exiles

For citation: Shemyakina OV. The members of the “People’s Will” and the Decembrists: the idea of continuity of revolutionary generations in narodniks’ memoirs of the 1920–1930s. *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, 2019;3:12–27. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-12-27

Введение

Большинство наиболее активных представителей поколения революционеров 1870-х гг. погибли в тюрьме или на эшафоте. Однако некоторым из них удалось пережить долгие годы каторги и ссылки и стать свидетелями революции 1917 г. и начала строительства в России нового социалистического общества. В 1920–1930-е гг. их называли «старыми революционерами» или «стариками». К ним относились В.Н. Фигнер, Н.А. Морозов, М.Ф. Фроленко, Н.А. Чарушин, О.В. Аптекман, Л.Г. Дейч и др. Связанные некогда в молодости приверженностью народнической идеологии и совместной революционной деятельностью, в советский период они продолжали поддерживать личное общение и вести переписку. Их объединял также ряд организаций историко-просветительского, правозащитного и благотворительного характера, прежде всего Общество политкаторжан. Несколько раз «старикам» направляли совместные заявления в ЦИК СССР с критикой репрессивной политики большевиков. Но главное, что их сблизало, – это задача сохранения памяти о народническом движении и ушедших товарищах, создания большой «коллективной автобиографии». Они издавали и переиздавали свои воспоминания целыми книгами и небольшими статьями, писали примечания и предисловия к работам друг друга, постоянно уточняя между собой какие-то детали прошлого, активно обсуждали в переписке как сам процесс, так и результат собственного мемуарного творчества.

Воспоминания революционеров 1870-х гг. являются не только важным источником для изучения истории народнического движения. Они представляют ценность как эго-документы, позволяющие понять, как старые революционеры смотрели на пройденный жизненный путь из уже совершенно новой реальности. Такой подход к народнической мемуаристике как к самостоятельному объекту изучения можно встретить в работах Т.А. Сабуровой, Б. Эклофа, Х. Хугенбум [1,2]. Так, Сабурова и Эклоф [1 с. 367, 371] в биографии Чарушина пишут о схожести воспоминаний, созданных народниками в советский период, о наличии в них «странствующего нарратива». Однако само содержание этого общего нарратива по-прежнему остается неясным. Решение этой задачи осложняется тем, что воспоминания народников естественным образом кажутся схожими вследствие того, что тематически они охватывают единый круг исторических сюжетов и отражают комплекс индивидуальных жизненных траекторий, постоянно пересекающихся между собой. Кроме того, для понимания особенностей народнической мемуаристики ее необходимо изучать в сравнении с тем, как и что писали о народническом дви-

жении историки 1920–1930-х гг., принадлежавшие к различным идеологическим направлениям.

В настоящей статье будет рассмотрено освещение в народнической мемуаристике проблемы преемственности в истории революционного движения – одной из наиболее актуальных для советской историографии 1920–1930-х гг. При подготовке статьи были использованы опубликованные мемуары деятелей революционного движения 1870-х гг., написанные в советский период, а также архивные документы – материалы Общества политкаторжан и переписки старых революционеров.

Народники как предшественники

В 1920–1930-е гг. вопросы генеалогии русского марксизма и большевизма стояли в центре многочисленных дискуссий. Значительной части историков-марксистов, изучавших народническое движение или идеологов народничества, было свойственно изображать своих персонажей в качестве предшественников большевиков, находить параллели в их идеологии и деятельности. Вспомним также и ставшую классикой статью В.И. Ленина «Памяти Герцена» 1912 г., где проводилась линия преемственности от декабристов к Герцену, затем к Чернышевскому и «Народной воле», а затем уже к пролетарскому движению. Но и те, кто выступал против подобных аналогий, также, как правило, рассматривали историю общественного и революционного движения XIX – начала XX в. как историю нескольких идеологических течений, приобретавших различные формы на различных этапах. Например, некоторые считали «Народную волю» частью либеральной тенденции.

Для революционеров-семидесятников, создававших свои воспоминания в советское время, такой генеалогический подход, напротив, был крайне нехарактерен. Можно привести лишь несколько примеров-исключений.

Участница хождения в народ Н.А. Головина-Юргенсон в 1920-е гг. написала множество рецензий для журнала «Каторга и ссылка». Для нее наличие попытки проследить связь различных этапов революционного движения выступало в качестве критерия оценки книги. Она подчеркивала, что ее в истории революции интересовали именно «преемственность и перманентность революционного движения»¹. Головина не была членом ВКП(б),

¹ Головина Н. [Рец.] // Каторга и ссылка. 1923. № 6. С. 319. Рец. на кн.: Мануйлова Л. Печали и радости моей жизни. М.: Госиздат, 1922. Она же. [Рец.] // Каторга и ссылка. 1923. № 6. С. 320. Рец. на кн.: Скверин М.П.

но, судя по текстам ее рецензий, была близка к большевикам по своим взглядам. Очевидно, что ее интерес к теме преемственности был вызван тем сложным идейным путем, который ей самой пришлось пройти.

Можно было бы предположить, что сам жанр личных воспоминаний заставлял мемуаристов фокусироваться на детальном описании своего жизненного пути и подробностях различных эпизодов истории народнического движения. Более удобным форматом для подведения итогов и установления связи с современностью могли бы быть краткие автобиографии, написанные в 1925–1926 гг. для «Энциклопедического словаря Гранат». Однако из всех авторов автобиографий, которых можно причислить к народникам 1870-х гг., единственным, кто написал об этом, была Е.Н. Оловенникова:

Я счастлива тем, что мне удалось дожить до осуществления тех идей, которым я отдала свою раннюю молодость, зрелые годы и вообще мою жизнь. Говорю так потому, что уверена, несмотря ни на какие теоретические доказательства от противного, что между русской Октябрьской революцией... и старым народничеством все-таки есть известная генетическая связь².

Но далеко не все революционеры-семидесятники считали советскую Россию воплощением своих идей и, соответственно, они не хотели рассматривать свое революционное прошлое как подготовку к Октябрьской революции.

Народников и народовольцев традиционно считали своими предшественниками эсеры. Кроме того, значительная часть революционеров-семидесятников впоследствии была связана с ПСР (В.Н. Фигнер, П.С. Ивановская, М.М. Чернавский, А.П. Прибылева-Корба, А.В. Якимова и др.). В 1921 г. на вечере памяти Е.С. Сазонова – эсера-террориста, убившего В.К. Плеве, – устроенном Обществом политкаторжан и Исторической секцией Дома печати, В.Н. Фигнер³ в своей речи напрямую отмечала преемственность между «Народной волей» и ПСР: их объединял вопрос о земле, опора на крестьянство, тактика индивидуального террора, создание организации среди военных. Эта тема, однако, не получила

Первая рабочая социалистическая организация в Одессе. Одесса: Госиздат, 1921.

² *Оловенникова Е.Н.* Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России: энциклопедический словарь Гранат. Москва: Советская энциклопедия, 1989. С. 173.

³ *Фигнер В.* Памяти Е.С. Сазонова // Историко-революционный бюллетень. 1922. № 1. С. 7–11.

развития в последующих работах Фигнер или других народников-мемуаристов. Более того, из переписки Фигнер мы узнаем, что тема преемственности между «Народной волей» и эсерами была предложена Фигнер самими строителями вечера, и для должного ее раскрытия Фигнер пришлось обратиться за помощью к С.П. Мельгунову⁴.

Таким образом, в работах революционеров 1870-х гг. в советский период мы видим, скорее, избегание темы преемственности народничества и народовольчества по отношению к последующим политическим движениям. Характерно также и то, что «старики» не приняли участия и не высказались в поддержку ни одной из сторон в дискуссии о «Народной воле», посвященной как раз проблеме генетической связи народничества и большевизма.

Декабристская тема в литературной деятельности «старых революционеров»

На проблему преемственности можно посмотреть и с обратной стороны – кого «старики» считали своими предшественниками? В мемуарах они много писали о той литературе, которую они читали в юности и ранней молодости, и здесь Н.Г. Чернышевский с его примечаниями к «Основаниям политической экономии» Дж. Ст. Милля находится на первом месте по количеству упоминаний [3]. Отмечали и впечатления от выстрела Каракозова и нечаевского процесса. Но все эти имена и связанные с ними организации, движения упоминались как часть той обстановки, в которой происходило формирование мировоззрения семидесятников, а не для указания на своих предшественников.

Отдельно стоит сказать о теме декабристов, которая достаточно активно присутствует в народнической мемуаристике 1920–1930-х гг. В ряде воспоминаний мы встречаем упоминания о каких-то случайных пересечениях революционеров-семидесятников с декабристами.

Л.Г. Дейч в своей брошюре «Почему я стал революционером» 1921 г. перечисляет основные факторы, приведшие его к революционному движению, много внимания уделяет детским впечатлениям. Он называет четыре исторических события, повлиявших на него, три из которых произошли при его жизни: освобождение крестьян, польское восстание 1863 г., покушение Каракозова. Четвертым событием было восстание декабристов. Мать Дейча была

⁴ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1185. Оп. 1. Д. 239. Л. 185–186.

уроженкой местечка Тульчина – центра «Южного общества» декабристов. Она была далека от политики, во времена декабристов была совсем маленькой и знать что-то о них могла только по рассказам других, более старших, жителей Тульчина. Тем не менее она знала имена Пестеля и Муравьева-Апостола, охотно делилась своими воспоминаниями в семейном кругу. Дейч вспоминал:

...Многого из этих разговоров я не понимал, все же кое-что запомнил, а именно, что были генералы, полковники, князья, которые пошли войной против царя. Главным их начальником был полковник Пестель. Но царь его войско разбил, всех забрал в плен, а потом велел кого повесить, кого в Сибирь сослать. Едва ли тогда многие русские дети моего возраста имели даже такие сведения о декабристах. С тех отдаленных времен всегда, когда мне приходилось читать о декабристах, в моей памяти тотчас воскресали рассказы о них моей матери⁵.

П.С. Ивановская-Волошенко⁶ вспоминала, что в ее родное село еще за три года до ее рождения приехал возвращенный по амнистии из Сибири декабрист М.А. Бодиско. Он завязал близкие дружеские отношения с ее отцом – сельским священником, а впоследствии, при его материальной поддержке, Ивановская и ее сестра смогли поступить в духовное училище.

А.И. Корнилова-Мороз в 1920-е гг. свою литературную деятельность посвятила в основном С.Л. Перовской, с которой дружила еще с юности. Она посчитала нужным зафиксировать в биографии Перовской, что в 12 лет она несколько месяцев прожила в одном доме в Женеве с декабристом Поджио и подружилась с его дочерью⁷.

Н.К. Бух⁸ вспоминал, что его отец после смерти Николая I «смягчился», вспомнив, «что и сам был в ссылке и, хотя далеко не по прямой линии, но все-таки приходился несколько сродни только что вернувшимся из Сибири декабристам, которым в тайниках своей души всегда сочувствовал».

О.К. Буланова-Трубникова была внучкой декабриста В.П. Ивашева. Это сыграло большую роль в ее если не революционной, то

⁵ *Дейч Л.Г.* Почему я стал революционером. Пг.: ГИЗ, 1921. С. 9.

⁶ *Ивановская П.С.* Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России... С. 90–96. С. 90.

⁷ *Корнилова-Мороз А.И.* Перовская и основание кружка чайковцев // Каторга и ссылка. 1926. № 1(22). С. 8.

⁸ *Бух Н.К.* Воспоминания. М.: Изд-во Общества политкаторжан, 1928. С. 6.

литературной деятельности. Она посвятила две книги истории своей семье, которая вплеталась в историю революционного и общественного движения России⁹. Книга «Роман декабриста» на основе сохранившейся в семейном архиве переписки рассказывает романтическую историю Ивашева и Камиллы Ле-Дантю, которая поехала за ним в Сибирь, не будучи ни его женой, ни даже невестой, побуждаемая лишь своей любовью к нему. В итоге их семейная жизнь была счастливой, подарила им троих детей, хотя и длилась всего восемь лет, пока болезнь не унесла жизнь Камиллы, а через год и убитого горем Ивашева. Книга также рисует картину нежных и благородных взаимоотношений внутри семьи Ивашева – его родителей и сестер, которые поддерживали декабриста на протяжении всего его непростого пути.

Старых народников с некоторыми декабристами объединяла также общность их положений как революционеров, переживших многолетнюю каторгу и ссылку и пишущих свои мемуары на склоне лет. Об этой параллели упоминал Н.К. Бух, вспоминая о своем заключении в Петропавловской крепости:

Незадолго до этого я в «Отечественных записках» прочитал воспоминания декабриста барона Розена. Прочитал и позавидовал этому старцу, имевшему возможность при конце своих дней сообщить нам о страданиях, испытанных им и его товарищами в период отбывания ими каторги и ссылки. И во мне с особой силой проснулась жажда жизни. Рисовал картину: вот и я, старик, подобно барону Розену, возьмусь за перо и опишу жизнь свою и своих товарищей в период нашей революционной деятельности¹⁰.

В 1925 г. Фигнер написала к столетнему юбилею восстания на Сенатской площади статью «Жены декабристов»¹¹. Она подробно рассказывала о том, в каких тяжелых условиях оказались жены декабристов в ссылке, как самоотверженно они помогали не только своим мужьям, но и другим заключенным. Фигнер сравнивала положение женщины во времена декабристов и в эпоху своей революционной деятельности. В 1870-е гг. женщины сознательно вставали на революционный путь и мысленно подготавливали

⁹ Буланова О.К. Роман декабриста: декабрист В.П. Ивашев и его семья (из семейного архива). М.: Изд-во Общества политкаторжан, 1933. 408 с.; Она же. Три поколения. М.; Л.: Госиздат, 1928. 215 с.

¹⁰ Бух Н.К. В Петропавловской крепости // Каторга и ссылка. 1930. № 11(72). С. 100.

¹¹ Фигнер В.Н. Жены декабристов // Там же. 1925. № 8(21). С. 227–237.

себя к ожидавшей их участи на каторге и в ссылке. Ощущение причастности к великому делу борьбы за социализм и свободу давало им силы пережить лишения. В эпоху декабристов положение женщины было таким, что жены декабристов ничего не знали даже о существовании каких-то тайных обществ. Для них арест их мужей, суд и приговор над ними стал «всесокрушающей катастрофой, к которой ничто не подготовляло среди роскоши и светского блеска их семейных очагов». Через всю статью проходит мотив преемственности – не политического, а нравственного порядка. Фигнер восхищалась духовной красотой жен декабристов и чувствовала связь с ними своего и последующих поколений женщин в революции через те лишения и страдания, которые им пришлось перенести:

Так от начала до конца они были равны и верны себе. Они проявили твердую волю и смелую решимость идти неуклонно к намеченной цели, неусыпную энергию и действенную любовь. ...И после них разве не эти качества русская женщина целыми десятилетиями должна была вносить в наше многострадальное революционное движение? ...И если отвлечься от страстных, жестоких и великих переживаний последних десятилетий и обратить взор в столетнюю даль, – не найдем ли и мы в женщинах то необыкновенное, что поражало и восхищало их современников, и не признаем ли в них со всей искренностью предтечей, светочей, озаряющих даль нашего революционного движения?¹²

Фигнер постоянно пишет об отдаленности эпохи декабристов, об уходящем и покрываемом туманом прошлом:

События и люди, уходящие в такую даль, как целое столетие, всегда покрываются дымкой, и не потому, чтобы память о них молчала, но потому, что «все движется, все течет», и вечно развивающаяся жизнь с каждым десятилетием ставит новые задачи, выдвигает новых людей, подкапывает и разрушает старое и создает новые условия, которые делают необычайное – осуществимым, паразитальное обыденным, и позднейшие поколения перестают удивляться прошлому и восхищаться им¹³.

Фигнер отмечала, что уже в 1870-е гг. влияние движения декабристов отсутствовало: к этому времени «жизнь преодолела прошлое, и память о тех днях и людях сохранилась лишь в смутных

¹² Там же. С. 237.

¹³ Там же. С. 228.

очертаниях». В 1870-е гг. со времен декабристов минуло 50 лет – столько же, сколько разделяло эпоху народничества и 1925 год, когда Фигнер писала свою статью. Возможно, ощущение общности с декабристской эпохой рождалось у Фигнер и потому, что в 1920-е гг. таким же «преодоленным жизнью» и «уплывающим в туманную даль» было и ее собственное революционное прошлое.

Заседание в Обществе политкаторжан «Связь революционных поколений с декабристами»: мнения народовольцев и историков

В воспоминаниях М.Ю. Ашенбреннера – шлиссельбуржца, члена Военной организации «Народной воли», – написанных еще до революции и изданных отдельной книгой в 1924 г., ссылки на опыт декабристов встречаются в связи с планом захвата власти А.В. Буцевича 1882 г., предполагавшим арест Александра III. Здесь Ашенбреннер оговаривается, что возможно было бы только убить царя, но не арестовывать, так как Военная организация рассчитывала только на пешее войско, в отличие от декабристов, имевших в своем составе несколько конных командиров. Оправдывая фантастический план Буцевича, Ашенбреннер прямо ссылаясь на П.И. Пестеля как на авторитета¹⁴.

Отсылки к опыту декабристов отчетливо звучали также в статье П.А. Аргунова¹⁵ – члена кружка «милитаристов», образовавшегося в Москве в 1882 г. независимо от «Народной воли». Он проводил преемственность между декабристами и кружком «милитаристов», саму форму военного заговора он называл «завещанной декабристами», писал об их идеологической правоте и верности избранного ими метода действий. С декабристами Аргунова связывало также и то, что он, как и некоторые другие члены кружка, был родом из Сибири. В своих воспоминаниях он отмечал то революционизирующее воздействие, которое оказала на него политическая ссылка, в том числе память о декабристах.

Все эти упоминания заставили историков поставить вопрос о преемственной связи между декабристами и революционерами 1870–1880-х гг. В мае 1930 г. в Обществе политкаторжан состоялось совместное заседание Секции по изучению декабристов и

¹⁴ *Ашенбреннер М.Ю.* Военная организация «Народной воли» и другие воспоминания (1860–1904 гг.) / Ред. Н.С. Тютчева. М., 1924. С. 97–98.

¹⁵ *Аргунов П.А.* Московский кружок «Милитаристов» (из мемуаров начала 1880-х гг.) // Народовольцы после 1-го марта 1881 года. М.: Изд-во Общества политкаторжан, 1928. С. 88–89.

Кружка народолюбцев на тему «Связь революционных поколений с декабристами»¹⁶. Из историков на нем выступили М.М. Клеветский, С.Я. Елпатьевский, Б.П. Козьмин, М.В. Нечкина, Б.И. Горев, Н.К. Лебедев, из народолюбцев – В.Н. Фигнер, И.И. Попов, Н.Е. Смирнов, А.В. Якимова.

Наиболее развернутым было выступление Фигнер¹⁷. Она отрицала идейное влияние декабристов на революционеров 1870-х гг. и объясняла это как элементарным недостатком информации о движении декабристов, так и принципиально иной политической атмосферой, для которой цели декабристов (отмена крепостного права и Конституция) были неактуальны. Фигнер вспоминала, что во время ее учебы в Швейцарии в 1872–1875 гг. в западном социализме господствовало «антиполитическое» направление, скептически относившееся к участию рабочих в выборах и к политическим свободам при буржуазном строе в принципе. Такое же отрицание «политики» характерно и для раннего этапа народнического движения. Интересно, что весь период революционной деятельности Фигнер в России из ее выступления выпущен, хотя поверхностные параллели между деятельностью декабристов и «Народной волей» очевидны – идеи царевубийства, борьба за политические свободы. В данном случае, отвечая на вопрос о влиянии декабристов, Фигнер придала периоду первой половины 1870-х гг. наибольшее значение как периоду становления революционного мировоззрения своего и поколения «семидесятников» в целом.

Отрицая политическое, идейное влияние декабристов, Фигнер отмечала их духовное, этическое значение для своего поколения:

Думаю, что все те, кто изучал процессы 50-ти, 193-х и множество мелких процессов, знают, что, если их изучишь, нельзя не видеть, что тогдашние социалисты были все этическими социалистами, что главный импульс, который их привлекал к социализму, – это момент этический, считалось, что самое благородное, самое нравственное дело – это борьба за благо народа, за его конечное освобождение, за водворение справедливости в человеческих отношениях, поэтому вопросы политики совершенно ускользали с нашего горизонта. То, что декабристы были казнены, что они являлись мучениками, давало им такой ореол, который привлекал молодежь в самой сильной степени. Тогда еще не знали их показаний, но если бы даже и знали, то ввиду их казни, ввиду того, что они потерпели в Сибири, это было бы поглощено. То, что они шли на верную

¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 533. Оп. 1. Д. 73.

¹⁷ Там же. Л. 8–13.

смерть, что многие из них даже не верили в успех и говорили: наш долг начать это дело, другие будут продолжать, и вот это именно увлекало и привлекало... Таким образом, духовная связь была чисто моральная¹⁸.

Фигнер однозначно отрицала связь между декабристами и идеей создания военной организации «Народная воля» в том смысле, что она была взята у декабристов. «Сама жизнь привела к необходимости искать опоры, когда все надежды на организацию восстания крестьянских масс совершенно уплыли», – говорила Фигнер. И опору эту искали среди рабочих, учащейся молодежи и военных. Отмечала Фигнер и личную роль Н.Е. Суханова, который смог стать для военных «настоящим вождем». Подчеркивая, что практический опыт декабристов никак не использовался Военной организацией, Фигнер даже выразила сожаление по этому поводу: «Меня даже теперь изумляет, что у нас в Исполнительном Комитете не было библиотеки, которая заключала бы в себе всего этого исторического материала, он мог бы нам грандиозную услугу оказать».

Спустя многие годы Фигнер могла восполнить этот пробел. В 1920-е гг. она проявила большой интерес к декабристам и их воспоминаниям, что видно из ее статьи о женах декабристов. В своем выступлении на заседании Фигнер приводила несколько эпизодов из воспоминаний И.Д. Якушкина, а также упомянула воспоминания И.И. Горбачевского, отметив, что после их прочтения «видишь не 14 декабря великим, а то, что было сделано “соединенными силами”».

С позицией Фигнер согласились и остальные выступившие на заседании народовольцы, которые также говорили об этическом влиянии декабристов. Приведем отрывки из выступления Попова:

Я бы сказал, что на меня декабристы очень имели влияние. Если я разберусь в тех фактах, которые я испытал в своей жизни, я скажу, что ни один революционер не прошел мимо влияния декабристов. Наиболее ярким моментом для меня было 14 декабря, только это 14 декабря могло захватить юношество своей героической стороной. Вот именно такой импульс мы получаем в юношестве, когда закладываются те мысли, из которых вырастают революционные ростки. Я имел возможность наблюдать в России и в особенности в Сибири – ни один рядовой деятель из Сибири не вышел, не попав под влияние декабристов. Все Забайкалье было насыщено песнями о декабристах, эти песни затушевывали все. ...Мне невольно вспоминается мое детство. На Адмиралтейской площади, тогда еще не

¹⁸ Там же. Л. 9.

было Александровского сада, были балаганы, мы с бабушкой были на этих балаганах. Вдруг я слышу от бабушки такие слова: а вот тут Нева была залита кровью. И вот когда она это сказала, у меня осталось навсегда, я думаю, что такие толчки у каждого из нас бывали. ...Правильно говорили Вера Николаевна и Сергей Яковлевич [Елпатьевский], которые указали, что декабристы нам открыли глаза, они нас толкнули на тот путь, когда нужно было жертвовать собой. ...Тогда были еще современники этого движения, и так или иначе это должно было в той или иной форме, особенно в интеллигентных семьях, передаваться¹⁹.

В своем выступлении Фигнер также упомянула, что присутствовавший на заседании историк-декабристовед Б.Е. Сыроечковский давно предлагал ей сделать специальный доклад об отношении народовольцев к декабристам. Когда Фигнер сказала ему, что Желябов в беседах с военными указывал на декабристов, Сыроечковский «обрадовался и сказал: “вот-вот, об этом и доложите”»²⁰. Как видно из изложенного содержания выступления Фигнер, энтузиазма историка по поводу такой постановки вопроса она не разделяла. Несмотря на единодушное отрицание старыми народовольцами какого бы то ни было, помимо морального, влияния на них декабристов, историки Клевенский и Козьмин²¹ продолжали попытки найти связь между декабристами и революционерами 1870–1880-х гг. на уровне практического опыта, преимущественно обращаясь к Военной организации «Народной воли» и воспоминаниям Аргунова о кружке «милитаристов». Так, Клевенский, ссылаясь на приведенные выше воспоминания Ашенбреннера, делал вывод: «Здесь мы уже видим прямое использование опыта декабристов»²². Горев не был склонен к подобным аналогиям. Он поддержал слова народовольцев о моральном влиянии декабристов, но постарался объяснить его с классовой точки зрения. Это влияние было важно только для тех революционеров, которых можно отнести к «кающимся дворянам», так как они нуждались в этическом импульсе, «подъеме чисто индивидуальных мотивов», в отличие от народников-разночинцев, которым было присуще «настроение естественной злобы и ненависти». Но даже в его выступлении можно заметить стремление рассматривать историю революционного движения как историю нескольких преемственных идеологических линий. Так, ему понравилось замечание Фигнер

¹⁹ Там же. Л. 13 об.–14.

²⁰ Там же. Л. 11.

²¹ Там же. Л. 4–5, 20–21.

²² Там же. Л. 4–4 об.

о значении южного Общества соединенных славян, так как декабристы Петербурга представляют собой либеральную традицию и, соответственно, не могут быть связаны с народническим движением²³. Таким образом, в ходе обсуждения на заседании в Обществе политкаторжан проявилась существенная разница в подходах к истории революционного движения, характерных для историков и старых революционеров.

Фигнер тем не менее декабристская тема не оставляла. Спустя несколько лет в письме она просила Чарушина написать ей о том, как на него повлияли декабристы²⁴. К сожалению, неизвестно, какова была цель этого вопроса, собиралась ли она еще что-то писать о декабристах. Но сохранился ответ Чарушина, аналогичный тому, что говорили в ходе заседания народовольцы:

Полагаю, что в числе многих других влияний на духовное и революционное развитие, как лично мое, так и моих товарищей по работе и наше поколение вообще, несомненно было, хотя и не прямое, и влияние декабристов, пленявших нас широтой по тому времени замысла, смелостью выступления, мужеством и стойкостью в несчастьи. Непосредственным же и ближайшим толкачом в этом направлении для нас, вне всякого сомнения, были текущая литература и непроглядная русская действительность. В зависимости от этого и наши установки и ближайшие задачи были совсем другие, чем они были у декабристов, что в свою очередь и не дает нам основания рассматривать наше революционное движение как непосредственное продолжение движения декабристов. Преемственной и непосредственной связи между тем и другим движением, полагаю, не было²⁵.

Заключение

В народнической мемуаристике 1920–1930-х гг. тема преемственности осталась практически без внимания, старые революционеры предпочитали ее избегать, несмотря на то что она была популярна среди историков того времени. «Старики» не хотели становиться ни чьими-то последователями, ни предшественниками. Они предпочитали описывать свое революционное прошлое как нечто самоценное. В то же время по мемуарам и архивным документам мы видим, что старые революционеры сравнительно много внимания уделили декабристам. Особенно это характерно

²³ Там же. Л. 16 об.–17.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 77. Л. 14.

²⁵ Там же. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 817. Л. 27.

для Фигнер, которая трижды в разное время специально обращалась к этой теме, хотя в ее личной биографии никаких пересечений с декабристами не было. Казалось бы, движение декабристов было чем-то давно ушедшим в далекое прошлое. Как подчеркивали сами народovolьцы, оно не имело для них большого значения и в 1870-е гг. Однако декабристская тема актуализируется спустя много лет в 1920–1930-е гг. в ходе осмысления народниками своего жизненного пути и истории народнического движения.

В целом для народнических воспоминаний советского периода характерно обращение к истокам народнического и народovolьческого движения – к эпохе первой половины 1870-х гг. Фигнер²⁶, ссылаясь на А.И. Желябова, любила называть ее «розовым периодом», имея в виду, что это было время прекрасных и чистых людей и их иллюзий, не знавшее еще ужаса от гибели товарищей на эшафоте. В описании кружков первой половины 1870-х гг. мемуаристы постоянно подчеркивали этическую составляющую движения, высокий нравственный уровень целей и принципов его участников и отношений между ними. В этих воспоминаниях вопросы идеологии, организации, тактики отходили на второй план. Точно так же, говоря о декабристах, «старики» обращали внимание на нравственное значение их движения, и по этой этической линии устанавливали связь между своим революционным поколением и эпохой декабристов.

Литература

1. Сабурова Т.А., Эклоф Б. Дружба, семья, революция: Николай Чарушин и поколение народников 1870-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.
2. Hoogenboom H. Vera Figner and revolutionary autobiographies: the influence of gender on genre // *Women in Russia and Ukraine*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996. P. 78–93.
3. Колесникова Л.А. Мемуары революционеров 1870-х гг. об идейно-психологическом воздействии на них литературы // *Вопросы истории*. 2005. № 5. С. 96–105.

References

1. Saburova TA., Eklof B. *Friendship, Family, Revolution: Nikolai Charushin and the Generation of Populists of the 1870th*. Moscow: Novee literaturnoe obozrenie Publ.; 2016. 448 p. [In Russ.]

²⁶ Фигнер В.Н. Процесс 50-ти 1877 г. // *Каторга и ссылка*. 1927. № 4(33). С. 7–20. Она же. Памяти Е.С. Сазонова... С. 9. *Прибылева-Корба А.П., Фигнер В.Н.* Народovolec А.Д. Михайлов. Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1925. 231 с. С. 29.

2. Hoogenboom H. Vera Figner and revolutionary autobiographies: the influence of gender on genre. *Women in Russia and Ukraine*. Cambridge: Cambridge Univ. Press; 1996. p. 78-93.
3. Kolesnikova LA. The Memoirs of the Revolutionaries of the 1870s about the Influence of the Literature on Them. *Voprosy istorii*. 2005;5:96-105. [In Russ.]

Информация об авторе

Ольга В. Шемякина, Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева, Москва, Россия; 125047, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 9; shemiakina@yandex.ru

Information about the author

Olga V. Shemyakina, Mendeleev University of Chemical Technology of Russia, Moscow, Russia; bld. 9, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; shemiakina@yandex.ru

Бытовая реорганизация советского города в дискурсе журнала «Работница» в первой половине 1930-х гг.

Регина Савосткина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; savostkina@gmail.com*

Аннотация. Нужды индустриализации поставили перед Советской властью задачи привлечения всех имеющихся ресурсов для реализации цели скорейшего преобразования советской промышленности. Бытовая реорганизация советского города в условиях форсированной индустриализации должна была способствовать максимальному освобождению женщины от домашнего труда с возможностью ее вовлечения в производство. Женщины-пролетарки, жены рабочих, домохозяйки-общественницы должны были сыграть в этом процессе важнейшую роль, создав необходимые условия для массового привлечения женщин к производству. Вовлечение женщин в проекты бытового преобразования имело важное для эпохи значение развития гражданской женской инициативы, которая уже в середине 1930-х гг. начинает подавляться, уступая место централизованному государственному планированию.

В статье рассматривается процесс бытовой реорганизации советского города в условиях форсированной индустриализации в первой половине 1930-х гг. Внимание уделяется тем проектам, в которые вовлекались женщины и на которые они оказывали особое влияние, выполняя, с одной стороны, заказ государства, а с другой – меняя собственные условия бытового уклада.

Ключевые слова: советская женщина, обобществление быта, дошкольные учреждения, система общественного питания, социальные роли женщины, общественная трансформация, социалистическое общество

Для цитирования: Савосткина Р. Бытовая реорганизация советского города в дискурсе журнала «Работница» в первой половине 1930-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 3. С. 28–37. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-28-37

Household reorganization of the Soviet city in the discourse of the magazine «Rabotnica» in the first half of the 1930s

Regina Savostkina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia: savostkina@gmail.com*

Abstract. The needs of industrialization have set the Soviet government had posed a task of attracting all available resources to realize the goal of the earliest transformation of Soviet industry. Household reorganization of the Soviet city in the conditions of accelerated industrialization was supposed to contribute to the maximum exemption of women from domestic work with the possibility of its involvement in production. Proletarian women, the workers' wives, and social activists were to play a crucial role in this process, creating the necessary conditions for the mass involvement of women in production. Involving women in household transformation projects was important for the era of the development of civil women's initiative, which was already begins to be suppressed in the mid-1930s., giving way to centralized state planning.

The article discusses the process of household reorganization of the Soviet city in the conditions of forced industrialization in the first half of the 1930s. Attention is paid to those projects in which women have been involved and on which they exerted a particular influence, fulfilling, on the one hand, the order of the state, and on the other, changing their own conditions of everyday life.

Keywords: soviet woman, socialization of life, preschool institutions, public catering system, social roles of women, social transformation, socialist society

For citation: Savostkina R. Household reorganization of the Soviet city in the discourse of the magazine "Rabotnica" in the first half of the 1930s. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, 2019;3:28-37. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-28-37

Введение

К началу 1930-х гг. безработица в СССР начала стремительно снижаться из-за возраставших потребностей форсированной индустриализации в привлечении новой рабочей силы [1 с. 169]. Пополнение рабочих кадров было возможно или за счет крестьянства, или за счет найма женщин. Привлечение мужчин-крестьян, приезжающих в города с семьями и требовавших и так недостающего жилья, было крайне нежелательно, поэтому уже в середине 1930 г. в журнале «Крестьянка» развернулась целая кампания по агитации домохозяйек и жен рабочих к трудовому участию в реали-

зации задач индустриализации¹. Итогом стало то, что если в 1927–1928 гг. на биржах СССР было зарегистрировано около полумиллиона безработных женщин, то уже к началу 1930 г. этот показатель сократился вдвое² и продолжал снижаться.

В условиях насущной необходимости срочного массового вовлечения женщин в производственную жизнь в начале 1930-х гг., вопросы обобществления быта приобретали особую актуальность. В 1930 г. в выступлении на пленуме ЦК ВКП(б) член ЦК ВКП(б), главный редактор журнала «Работница» А. Артюхина признала, что с организацией быта в Советском государстве дело «обстоит очень слабо»³. Интересы форсированной индустриализации требовали немедленного изменения данного положения. Поэтому консолидация женской активности должна была проявляться не только в труде на производстве, но и в любой общественно полезной деятельности. Советским женщинам было предложено принять непосредственное участие в индустриализации. Так, например, выдвигалась идея не только участия домохозяек в организации обобществления быта, но и в сборе целебных трав и ягод, идущих на экспорт⁴, домашнем птицеводстве⁵ и сборе утильсырья⁶, также необходимых для выручки золота, столь необходимого для потребностей растущей промышленности. Каждая домохозяйка должна была внести свой вклад в общее дело – яйца, травы, ягоды, утиль, собираемый женщинами-горожанками, должны были стать основой для будущих успехов в реализации планов первой и второй пятилеток.

Вовлечение женщин в трудовую деятельность порождало все большую необходимость в реорганизации быта на общественных началах. Если в 1920-х гг. потребность в массовой обобществленной бытовой организации была вызвана в первую очередь требованием социалистических преобразований советской жизни, то к началу

¹ Жен рабочих – на производство! // Работница. 1930. № 33. С. 14; Анцарова А. Стране нужны рабочие руки: Жены рабочих, вас ждут фабрика и завод! // Там же. С. 15–16; Нюрина Ф. Миллионы – от кухни к станку // Там же. 1931. № 4. С. 3–4.

² Женская безработица // Работница. 1930. № 17. С. 12.

³ Артюхина А. За социалистическую переделку быта // Работница. 1930. № 4. С. 1.

⁴ Организуем общественный сбор грибов и ягод // Работница. 1930. № 20. С. 15.

⁵ Акимов М. Дадим стране десятки тысяч тракторов. Соберем 20 тысяч вагонов яиц // Работница. 1930. № 16. С. 18.

⁶ Как работают жены рабочих – домохозяйки // Работница. 1930. № 18. С. 13.

1930-х гг. данная проблема стала приобретать вполне насущные основания. Так, например, как отмечает историк Е.А. Осокина, с окончательной ликвидацией свободной торговли система распределения продовольственных и непродовольственных товаров полностью переходит под контроль государства, которое использует ее как действенный механизм манипуляции населением [2 с. 123].

Именно к началу 1930-х гг. Советская власть окончательно отказывается от утопических проектов 1920-х гг. о строительстве «городов-садов», представлявших в своей основе организацию индивидуальных жилищ, объединенных сетью общественно-бытового обслуживания, обращаясь к реализации проекта коммунального жилья [3 с. 34]. Какие-либо обсуждения архитекторов, общественных деятелей об организации системы общественного устройства были приостановлены. Это стало одной из причин вывода вопроса реорганизации быта на социалистической основе из сферы общественной инициативы женских организаций, деятельности общественниц в сферу интереса государственной власти. С этой целью была предпринята масштабная государственная программа по увеличению сети социально-бытового обслуживания⁷. Но государственных средств не хватало, по этой причине была продолжена агитация самостоятельного участия работниц, активисток в организации системы бытового обслуживания⁸. Коммунарки, работницы, как и в 1920-е гг., принимали активное участие в устройстве детских яслей и садов, для создания которых, например, шел сбор холста и яиц⁹, а вырученные средства должны были пойти за закупку необходимого инвентаря для организуемых детских учреждений.

В условиях недостаточного государственного обеспечения работниц яслями было предложено организовывать платные детские сады¹⁰. Но и эти меры не могли в значительной степени реализовать тот запрос по обеспечению советских пролетарок дошкольными учреждениями, который был необходим. Так, например, председатель секции быта при Госплане Л.М. Сабсович подсчитывал:

⁷ *Богат А.* За 3 млн 775 тысяч ясельных коек! // *Работница.* 1932. № 6. С. 15.

⁸ *Артюхина А.* Миллион работниц – на производство // *Работница.* 1931. № 5. С. 6; *Илюшина М.* Я голосую за бытовую коммуну // Там же. № 16. С. 5–6; *Она же.* Я голосую за самостоятельные детсады // Там же. № 18. С. 5–6; *Сазонова П.* Больше самостоятельности в перестройке быта // Там же. 1932. № 11. С. 12–13.

⁹ *Шукаева.* Ясли в коммуне // *Работница.* 1930. № 33. С. 18.

¹⁰ *Горбунова А.* Организуем платные детские дома // *Работница.* 1930. № 33. С. 18.

...для того чтобы влить в производство 900 тыс. женщин, [требуется] как минимум 240 000 ребят охватить яслями¹¹.

Для этого требовалось около 130 миллионов рублей, которые взять было неоткуда, поэтому было решено вновь обратиться за помощью к общественности:

Нельзя рассчитывать в постройке бытовых учреждений только на то, что отпустит государство, что будет записано в соответствующей смете финотдела. Надо мобилизовать массы работниц и жен рабочих для расширения бытовых учреждений¹².

Призыв Советской власти к участию работниц, жен рабочих в организации сети дошкольных учреждений привлек большое внимание советских женщин. Такой высокий интерес к реализации проекта организации детских площадок, яслей, детских садов объясняется, в первую очередь, разрушением патриархальной семьи, в которой дети оставались под надзором старух, более старших детей. Рабочие семьи в городах оставались одиноки, и надзор за детьми становился насущной потребностью из-за необходимости участия женщин в производстве [4 с. 265]. Со всей страны поступали сообщения о самостоятельном участии женского актива в устройстве яслей. Предлагались проекты по рационализации издержек через посменную работу матерей – работницы и домохозяйки. Как это было заведено и ранее, собирали деньги на обеспечение детских учреждений, организуя субботники, добровольные сборы¹³. Другим распространенным способом поиска средств на общественные нужды в начале 1930-х гг. был сбор утильсырья¹⁴, выращивание на дому домашней птицы с целью продажи яиц за границу¹⁵. Но по-прежнему возникал ряд организационных проблем, с которыми сталкивались общественницы в процессе реализации поставленных перед ними задач: нехватка средств, помещений, сопротивление местных властей инициативам общественниц и работниц в организации дошкольных детских учреждений¹⁶,

¹¹ *Анчарова М.* 900 тысяч женщин – на производство // *Работница*. 1930. № 36. С. 14.

¹² *Наумова А.* На магнитогорском строительстве // *Работница*. 1931. № 8. С. 8–9.

¹³ Как работают жены рабочих – домохозяйки // *Работница*. 1930. № 18. С. 13.

¹⁴ *Акимов М.* Указ. раб. С. 18.

¹⁵ *Шукаева.* Указ. раб. С. 18.

¹⁶ *Наумова А.* Указ. раб. С. 8–9.

а иногда даже и использование денег, собранных на общественные нужды, не по назначению. Как, например, это произошло с собранными средствами на строительство детского интерната в коммунае им. Артюхиной, которые были взяты Сельстроем, а работы не выполнены¹⁷.

Таким образом, Советская власть пыталась максимально использовать женскую активность в первой половине 1930-х гг. как на производстве, так и в общественной работе, которая должна была способствовать успехам социалистического строительства. Вовлекая все больше женщин в производство, государство вынуждено было все больше участвовать в самостоятельной организации системы жилищно-бытового обслуживания. Социальные роли советской женщины – труженицы и общественницы должны были полностью удовлетворить потребности индустриализации, вовлекаясь в производство или, если рабочие места в этот период отсутствовали, то участвуя в организации системы жилищно-бытового обслуживания, детских дошкольных учреждений, контроле за их деятельностью.

Другой важной отраслью обобществления быта, приобретшей особую актуальность в связи с необходимостью привлечения женщин к производственной деятельности, являлась система общественного питания. Организация столовых по-прежнему должна была не только обслуживать интересы работниц в их нужде освободить время для трудовой и общественной деятельности, но и обеспечить рациональное использование топлива, продуктов питания¹⁸:

...правильно организовать питание рабочих масс – значит ежедневно только в городах и рабочих поселках сэкономить два миллиона трудодней, сэкономить ежегодно сотни миллионов рублей и при этом дать каждому такое питание [которое] будет содействовать сохранению и укреплению здоровья, повышению производительности труда¹⁹.

Несмотря на то что государство в начале 1930-х гг. выказало готовность взять на себя задачу по организации системы общественных столовых, от советских пролетарок, жен рабочих, ожидалось активное содействие в реализации данного плана. Участие

¹⁷ *Челиков*. Просим помощи, в долгу не останемся // Работница. 1930. № 40. С. 16–17.

¹⁸ *Соловьева Л.* Общественное питание на службу пятилетке // Работница. 1931. № 26. С. 10.

¹⁹ *Кожаный П.* За здоровое и дешевое питание // Работница. 1930. № 11. С. 14.

женщин-работниц должно было выражаться в двух основных направлениях: во-первых, в непосредственной организации столовых, а во-вторых, в контроле за уже работающими пунктами общественного питания. Содействие пролетарок налаживанию системы общественного питания расценивалось как значимый вклад в выполнение «плана великих работ, принятого XVII всесоюзной партийной конференцией»²⁰.

Невзирая на то что государство участвовало в налаживании системы общественного питания через строительство гигантских фабрик-кухонь, крупных механизированных столовых и общественных комбинатов, предпринимаемых властью мер было недостаточно. Женское участие в этой отрасли обобществления быта должно было компенсировать те недостатки, которые имелись в централизованной работе общепита, – невозможность сделать общественное питание близким и доступным каждой семье, поддерживать качество предлагаемых обедов, чистоту и удобство столовых.

Работницы, домохозяйки в стремлении реализовать задачи бытовой реорганизации проявляли самостоятельность и инициативу в устройстве и налаживании системы общественного питания. Одной из форм такой самодеятельности была работа по устройству бытовой кооперации. В коммунальных квартирах, а также даже в отдельных предоставляемых помещениях, женщины объединялись для совместной организации питания: несколько семей посменно готовили на всех, совместно совершая закупку товаров, высвобождая, таким образом, время для трудовой и общественной деятельности²¹. Такая практика давала возможность приблизить грандиозные задачи обобществления быта к реальным условиям советской жизни – переполненные коммунальные квартиры, теснота в кухонных помещениях превращала выполнение элементарных домашних дел в настоящее испытание. Попытка коллективизации бытового обеспечения должна была на практике способствовать приближению женского населения к идеалам бытового устройства на социалистических началах.

Общественная инициатива организации системы общественного питания поддерживалась и государственной пропагандой. Перед самодеятельными столовыми ставились совершенно конкретные задачи по объемам обеспечения трудящихся обедами²². Выдвигались требования не оставлять ни один дом, общежитие без само-

²⁰ Данилевская М. Общественное питание на службу пятилетке... С. 18.

²¹ Анчарова М. Организуем бытовую кооперацию // Работница. 1931. № 13. С. 10; Илюшина М. Я голосую за бытовую коммуны... С. 5–6.

²² Соловьева Л. Общественное питание на службу пятилетке... С. 10.

деятельной столовой²³. Бытовая кооперация или т. н. бытовые бригады, исполняя заказ власти, брали под свой контроль устройство общепита на фабриках и заводах, выполняя и задачи продуктового распределения²⁴. Участвуя в «сталинской эстафете», жены рабочих, пролетарки, делегатки стремились максимально реализовать поставленные перед ними задачи по реализации плана устройства доступного, качественного и дешевого питания.

Женщина-пролетарка, выполняя свои общественные функции в 1930-е гг., должна была также принять активное участие в организации смотров пунктов общественного питания²⁵. Работа столовых вызывала множество нареканий: «простояв в очереди все 60 минут обеденного перерыва, ничего не получали и возвращались к станкам, не евши»²⁶, что требовало срочного участия общественниц в налаживании уже существующей системы общепита. Существовали серьезные проблемы и с соблюдением гигиены: «на полу всегда кучи окурков и замерзшие плевки, потому что по вечерам в столовке ежедневно или собрания, или занятия кружков»²⁷. Начавшаяся с конца 1920-х гг. пропаганда вовлечения домашних хозяек, жен рабочих и начальствующего состава²⁸ к участию в надзоре за работой столовых должна была помочь наладить работу общепита на таких началах, чтоб каждая женщина-работница могла без отвращения прийти в столовую после тяжелого трудового дня и накормить свою семью²⁹. В эту же эпоху, когда общественные столовые по-прежнему не пользовались особой популярностью среди работниц и членов их семей, предлагалось организовать систему доставки обедов по домам работников³⁰. Но и эта практика не получила широкого распространения по ряду причин: во-первых, из-за

²³ *Данилевская М.* Общественное питание на службу пятилетке... С. 18.

²⁴ Делегатское собрание – лицом к общественному питанию // *Работница*. 1931. № 50–51. С. 22–23.

²⁵ *Кожаный П.* Указ. раб. С. 14–15.

²⁶ Секрет хорошей столовой // *Работница*. 1930. № 38. С. 16–17.

²⁷ *Долова П.* Обеспечить нормальное обслуживание рабочих // *Работница*. 1932. № 1. С. 25.

²⁸ *Чернышева Е.* Жены начальствующего состава Красной армии в борьбе за новый быт // *Работница*. 1930. № 11. С. 17; Как работают жены рабочих – домохозяйки // Там же. № 18. С. 13; Равняйтесь по работницам Пролетарского района // Там же. 1932. № 1. С. 10; Тайга отступила // Там же. 1937. № 1. С. 11.

²⁹ *Целосани М.* За культурную столовую // *Работница*. 1938. № 26. С. 11.

³⁰ Как приблизить общественное питание к рабочей семье // *Работница*. 1930. № 11. С. 15.

дороговизны, во-вторых, из-за низкого качества предлагаемого питания.

Не меньшей проблемой в заводских столовых являлось качество обедов. Обеспечиваемые за счет центральной системы фабрикухонь, часто рабочие пайки по своему качеству оставляли желать лучшего³¹. Преодолеть эту проблему предлагалось за счет участия жен рабочих, самих пролетарок в организации собственных самостоятельных пунктов общественного питания при фабриках и заводах. Это должно было, во-первых, сделать обеды дешевле, а во-вторых, вкуснее и сытнее. И, в свою очередь, помочь власти в еще большем охвате населения страны системой общественного питания.

Реорганизация жилищно-бытовой системы, освобождение женщины-пролетарки от «гнета горшка и ухвата» должно было не только способствовать реализации задач эмансипации советской женщины, но и стать мощным орудием индустриализации. Высвобождение женского населения для производственной деятельности, пропаганда общественной инициативы, участие работниц, жен рабочих в бытовом устройстве, в контроле за реализацией задач строительства и бытового обеспечения должно было способствовать прививанию основополагающих идей социалистического устройства жизни, изменению сознания советских женщин.

Выполнение глобальных задач сопровождалось исполнением и вполне насущных нужд – поощряя ударников производства доступом к лучшим столовым, детским учреждениям, квартирам, власть стремилась улучшить производственные успехи пролетариата, в том числе и его женской части. Идеи необходимости улучшения качества жизни становятся основополагающими к середине 1930-х гг. Символично, что легендарная фраза И. Сталина о том, что «жить стало лучше, жить стало веселее», была произнесена на Первом всесоюзном совещании рабочих и работниц — стахановцев в 1935 г., обозначив новый рубеж трансформации социальной роли советской женщины и коммунального быта уже в условиях строящегося тоталитарного общества.

Литература

1. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм: Социальная история Советской России в 30-е годы: город / [Пер. с англ. Л.Ю. Пантина]. 2-е изд. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 336 с.

³¹ *Холодный Т.* Мария Ивановна и другие // Работница. 1932. № 20. С. 8–9.

2. *Меерович М.Г.* Стратегия централизации и запрет советского архитектурного авангарда // Архитектура сталинской эпохи : опыт исторического осмысления / сост. и отв. ред. Ю. Л. Косенкова. М.: КомКнига, 2010. С. 31–39.
3. *Осокина Е.А.* За фасадом сталинского изобилия: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации: 1927–1941. 2-е изд., доп. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 351 с.
4. *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии: 1920–1930 годы. СПб.: Журнал «Нева» – Издательско-торговый дом «Летний сад», 1999. 320 с.

References

1. Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 30s: city.* Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) Publ.; Foundation of the First President of Russia B.N. Yeltsin Publ.; 2008. 336 p. [In Russ.]
2. Meerovich MG. The strategy of centralization and the prohibition of the Soviet architectural avant-garde. V: Kosenkova YuL (ed., comp.). *Architecture of the Stalin era: experience of historical understanding.* Moscow: KomKniga Publ.; 2010. p. 31-9. [In Russ.]
3. Osokina EA. *Behind the facade of Stalin's abundance: Distribution and market supply of the population during the years of industrialization. 1927-1941.* Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) Publ.; Foundation of the First President of Russia B.N. Yeltsin Publ.; 2008. 351 p. [In Russ.]
4. Leбина NB. *The daily life of the Soviet city: Norms and anomalies. 1920-1930.* St.-Petersburg: Neva Magazine – Summer Garden Publishing and Trading House Publ., 1999. 320 p. [In Russ.]

Информация об авторе

Регина Савосткина, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; ГСП-3, 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; savostkina@gmail.com

Information about the author

Regina Savostkina, graduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, GSP-3, 125993; savostkina@gmail.com

Историография и методология истории

УДК 930.2

DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-38-47

Содержание и противоречие российского историографического процесса

Александр Р. Акрамов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; akramov.a@rggu.ru*

Аннотация. Общеизвестным является представление о том, что каждое поколение пишет свою историю. Для историков всегда возникает вопрос о том, как и на основании чего историю писали их предшественники. В статье предпринимается попытка выявить обстоятельства, при которых вопрос оценивания, осмысления и переосмысления историографической традиции становится наиболее актуальным.

Рассмотрев самые значимые труды Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова и Н.Л. Рубинштейна и обстоятельства, при которых они были написаны и получили общественное признание, автор предпринимает попытку выявить ключевую особенность, при которой научный и обывательский интерес к одному труду сменяется другим. По мнению исследователя, причиной, по которой вопрос осмысления или переосмысления становится наиболее актуальным, являются кризисы, или так называемые переломы.

Для выявления содержания и противоречий российского историографического процесса автор предпринял попытку определить, какие подходы к оценке историографических трудов предшественников существуют. Автор выделяет три подхода к такой оценке. От историографического наследия можно отказываться и попытаться переосмыслить историческое событие, не учитывая опыт исследователей в той или иной области. С другой стороны, можно учитывать историографический опыт предшественников, но пытаться найти неточности и ошибки в их исследованиях; критикуя опыт предшествующих исследований, приходить к иным выводам. Третий подходом можно считать попытку соединить опыт своих предшественников с собственными наблюдениями.

Ключевые слова: историография, историографический процесс, переосмысление, С.М. Соловьев, Н.М. Карамзин, В.О. Ключевский, Н.Л. Рубинштейн

Для цитирования: Акрамов А.Р. Содержание и противоречие российского историографического процесса // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 3. С. 38–47. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-38-47

Content and contradiction of Russian historiography process

Alexander R. Akramov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia; akramov.a@rggu.ru*

Abstract. It is well known that each generation writes its own history. For history researchers, the question always arises of how and on the basis of which history their predecessors wrote history. The author attempts to identify the circumstances in which the question of evaluating, interpreting and rethinking the historiographical tradition becomes the most urgent.

Having considered the most significant works of N.M. Karamzin, S.M. Solovyov, V.O., Klyuchevsky, P.N. Milyukova and N.L. Rubinstein and the circumstances in which they were written and received public recognition, the author attempts to identify a key feature in which one historical work replaces another. According to the researcher, the reason why the question of reflection or rethinking becomes the most urgent is crises or so-called fractures.

To identify the content and contradictions of the Russian historiographic process, the author attempted to determine which approaches to the assessment of the historiographical works of predecessors exist. The author identifies three approaches to such an assessment. From the historiographic heritage, you can refuse and try to rethink the historical events, rather than the works of predecessors. On the other hand, one can take into account the historiographic experience of predecessors, but try to find inaccuracies and errors in their research. A wasteful approach can be considered an attempt to combine the experience of their predecessors with their own observations.

Keywords: historiography, historiographic process, rethinking, S.M. Soloviev, N.M. Karamzin, V.O. Klyuchevsky, N.L. Rubinstein

For citation: Akramov AR. Content and contradiction of Russian historiography process. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, 2019;3:38-47. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-38-47

Введение

Каждое поколение переосмысливает историю по-своему. В основе этого переосмысления, на наш взгляд, преимущественно лежат несколько факторов. Во-первых, необходимость оправдания современности, которая может быть сопряжена с кризисными или негативными явлениями. В этом смысле оправдание современности требует обращения к прошлому как к явлению, которое породило эти негативные тенденции. Критика прошлого, таким образом, становится элементом оправдания тех процессов, которые происходят в реальной современной жизни. В Советском Союзе, например, перестройка начиналась во многом с признания того, что 20-летний период брежневского правления был периодом застоя, который не создал необходимых стимулов для динамичного и поступательного развития. Далее критика распространилась на весь советский период как на период, сопровождающийся постоянными деформациями в социальной, экономической и культурной жизни. Это привело к тому, что современность воспринималась и формировалась как преодоление или отрицание прошлого.

Во-вторых, критика прошлого всегда сопровождается поиском нереализованных и невоплощенных альтернатив. Совершенно неслучайно, что в годы перестройки одними из самых популярных героев становятся П.А. Столыпин и Н.И. Бухарин. Возникают даже специальные клубы и объединения любителей П.А. Столыпина [1 с. 179] и Н.И. Бухарина [2 с. 13–14], тех людей, с чьими именами связываются нереализованные альтернативы. Опыты П.А. Столыпина оцениваются как перспектива модернизации России на основе актуализации экономических и социально-культурных факторов (образование, частная собственность, индивидуальное хозяйство), а опыты Н.И. Бухарина – как поддержка эффективного сельскохозяйственного производства, переход к экономическим способам руководства экономикой. В этих ориентирах, как правило, игнорировались многие негативные моменты, сопровождавшие реформаторские усилия и П.А. Столыпина, и Н.И. Бухарина. Но эти нереализованные альтернативы воспринимались как реальный вызов реализовавшейся практике.

В-третьих, разворачивается активный процесс замены классических текстов. Самым очевидным является то, что советские политические тексты – работы Л.И. Брежнева, М.А. Суслова – практически изымаются из интеллектуального поля, а их место начинает занимать историческая публицистика, часто очень поверхностная, но яркая и эмоциональная (А.И. Солженицын, Р.А. Медведев).

Наряду с этим начинается процесс издания и переиздания классических исторических произведений, которые были недоступны долгое время для рядового читателя (С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, Н.М. Карамзин). Подписные издания этих авторов становились настоящими шлягерами, люди стояли ночами у магазинов в надежде получить данные произведения. В свое время один из классиков марксизма писал о том, что мы хотим, чтобы нас не почитали, а читали [З с. 131], но в период перестройки происходило прямо противоположное: работы классиков историографии не столько читали, сколько почитали. В лучшем случае – пользуясь отдельными фразами или цитатами.

Из русского классического историографического наследия неожиданно наиболее актуальными оказались работы трех гигантов русской историографии – Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева и В.О. Ключевского. Произошло объединение двух векторов. Первый вектор связан с тем, что в этих трудах пытались найти ответы на главные загадки российской истории. Почему мы именно такие? Второй вектор – академический, и здесь находилось стремление и желание понять природу, качества и своеобразие российского исторического процесса. Если мы вышли из марксистской парадигмы, в которой все определялось концепцией классовой борьбы, то как завораживали идеи географического фактора, пространственности, влияния татаро-монгольского ига! Как это все формировало и выстраивало российский исторический процесс! С этими авторами в интеллектуальное пространство вошли совершенно новые герои, это не Чапаев и не Ленин, а цари, патриархи, князья, и они формировали и открывали новые возможности для интерпретации и переинтерпретации.

Конечно, первоначальное осмысление и переосмысление классического историографического наследия было достаточно фрагментарно. Вначале брались на вооружение и использовались в интеллектуальных проектах отдельные идеи и отдельные фрагменты – например, из работ Н.М. Карамзина брались идеи консерватизма и особой роли власти в русской истории. Это было тем более важно, что в данный период реальная власть искала способы и приемы легитимации, и здесь Карамзин оказывался чрезвычайно современным, всеми своими сочинениями обращая внимание на то, что без власти Россия не может существовать как целостное, прогрессивное, динамичное государство. Одновременно он был интересен тем, что обращал внимание на переделы власти и властвования, представив и описав многие ужасы царствования Ивана Грозного. У С.М. Соловьева были интересные сюжеты, посвященные роли и значению географического фактора в истории России и в ее историческом наследии. Это было своеобразным прорывом

в понимании и признании того, что мы можем и не можем делать в определенных условиях. В.О. Ключевский дал еще более радикальный прием расшифровки кода российской истории – он соединил пространство и время как особые факторы русскости и российскости.

Таким образом, актуализация и выявление этих качественных характеристик Российской истории становилась важнейшим фрагментом современной исторической публицистики, а затем политической мысли в целом.

Пройдет несколько лет, и появятся яркие работы Н.В. Илерицкой, А.Л. Юрганова, Я.А. Коменского, Ю.Н. Афанасьева, А.П. Логунова, которые попытаются выявить своеобразие и специфику российского историографического процесса.

Подходы к осмыслению историографического процесса

Возникает вопрос: как же сам Соловьев относится к своим предшественникам, как он интерпретировал их тексты? Сказать, что до С.М. Соловьева не было фундаментальных исследований, нельзя. К моменту написания «Истории России с древнейших времен» история исторической науки уже знала В.Н. Татищева и Н.М. Карамзина. Наиболее интересным, на мой взгляд, представляется сопоставление с позицией Н.М. Карамзина, которого в российской историографии окрестили «единственным официальным историографом России» [4 с. 265]. Главное различие в позициях С.М. Соловьева и Н.М. Карамзина заключается в том, что Н.М. Карамзин выстраивает свою «историю», основываясь на субъективистском подходе [5]. С.М. Соловьев противопоставил ему идею исторического развития, которая смещала акцент с заслуг отдельных личностей в пользу исторических особенностей формирования российского общества [6]. Он считал, что человеческое общество представляет собой единый организм, который формируется под воздействием естественной среды. С.М. Соловьев отказался от периодизации, предложенной Н.М. Карамзиным: он не выделял «норманнский» и «татарский» периоды в русской истории. Таким образом, он сместил акценты с внешних факторов, как, например, завоевания, на внутренние, такие, как колониационные движения, возникновение новых городов, изменение взглядов князей на собственность.

Мы видим, что С.М. Соловьев пишет свою «историю», не беря за основу труды своих предшественников. Его подход к историографии предшественников в данном случае можно охарактеризовать как отказ от историографического наследия и попытку переосмысления событий, а не трудов предшественников.

Третий подход к взаимодействию с историографией своих предшественников и современников достаточно ярко виден в преемственности исследовательских подходов С.М. Соловьева и В.О. Ключевского. С.М. Соловьев был не просто наставником и учителем В.О. Ключевского, он был его идейным вдохновителем. Часто их называют «двумя неразрывно связанными деятелями» [7 с. 14]. В чем же заключается преемственность этих исследователей? Ключевский, как и Соловьев, определял историю России как историю страны, которая колонизируется. Колонизацию они считали основным фактом истории страны [8 с. 82]. Однако Ключевский в «Курсе русской истории» писал, что для того, чтобы составить полное представление об истории, необходимо выявить всю совокупность фактов и факторов (географических, этнических, экономических, политических и т. д.), характерных для каждого периода времени.

Данный подход к отношению к историографии предшественников можно охарактеризовать как попытку принять опыт своего предшественника, дополнив его своим опытом.

Влияние кризисов на историографический процесс

Историографический процесс, т. е. процесс познания прошлого, реализуется через накопление, обобщение, признание, отрицание опыта предшественников. Историографический процесс совмещает в себе непрерывное эволюционное развитие, с одной стороны, и постоянное переосмысление накопленного опыта – с другой. Именно в переломные моменты возникают вопросы о том, кто мы, какие мы и какими были наши предки. Мы можем заметить связь между тем, например, почему Н.М. Карамзин стал менее актуален, когда отменили крепостное право, и тем, когда возник гений С.М. Соловьева. Все это может быть связано лишь с тем, что разные эпохи предъявляют разные требования к прошлому. Александровская и николаевская эпоха возвышает гений Н.М. Карамзина и возносит его до звания «единственного официального историографа» [4 с. 265]. Эта эпоха сменяется другой, которая рождает гений С.М. Соловьева [8 с. 83]. Эпоха конца XIX века рождает В.О. Ключевского и П.Н. Милюкова, которые пытаются разгадать загадки нашего движения. Они апеллируют к особенностям условий жизни (В.О. Ключевский [9 с. 989–993]) и к культурным стереотипам (П.Н. Милюков [10 с. 12]). Следующая эпоха ознаменует один из самых масштабных переломов. Советская эпоха ставит главную задачу для исследователей: переосмыслить всю историю, базируясь на марксистских основаниях.

Главная идея этого переосмысления заключается в том, что всю историю можно рассматривать как историю борьбы и конфликтов. На этих основах выстраивается советская историография. Все предшествующие заключения исследователей, все их концепции и размышления должны быть качественно переосмыслены. Наиболее яркой иллюстрацией в данном случае выступает реформирование сферы образования, которое кардинально меняло дореволюционный вектор исторического образования. Новая система образования ограничивала круг тем, доступных для интеллектуального осмысления. Отныне студенты и все научное сообщество были вынуждены заниматься осмыслением и переосмыслением истории с точки зрения марксизма [11 с. 49].

Практически до конца 40-х годов XX в. исследователи отрицали значимость трудов, написанных историками досоветского периода. Эти знания не носили никакой актуальности. Это подтверждается еще и тем, что сразу после Октябрьского переворота на одном из первых заседаний Совнаркома большевики приняли решение заменить «старый» календарь более «прогрессивным». Декрет «О введении в Российской республике западноевропейского календаря» был принят на заседании правительства 24 января (6 февраля) 1918 г. и подписан Лениным «в целях установления в России одинакового почти со всеми культурными народами исчисления времени»¹. Еще одним подтверждением того, что советская власть пыталась полностью отказаться от прошлого и писать свою историю, является тот факт, что через два дня после своего образования Совет Народных Комиссаров РСФСР издал декрет «О восьмичасовом рабочем дне», в 10-й статье которого были перечислены праздники, которые отныне становятся общегосударственными².

До начала 30-х годов XX в. советская власть отказывалась от принятия исторического наследия. Более того, историческое образование не считалось сколько-нибудь значимым. Однако в 1934 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) впервые возникает вопрос

¹ Декрет «О введении в Российской республике западноевропейского календаря» 24 января (6 февраля) 1918 // Виртуальная выставка к 1150-летию зарождения российской государственности [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Москва, сор. 2012-2019. URL: <http://rusarchives.ru/projects/statehood/08-34-dekret-kalendar-1918.shtml> (дата обращения 4.04.2019).

² Декрет Совета Народных Комиссаров «О восьмичасовом рабочем дне» // Гарант [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Москва, сор. 2002-2019 URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5306/> (дата обращения 4.04.2019).

о качестве преподавания истории в советских школах³. Ровно через 15 дней было принято решение о необходимости в сжатые сроки подготовить комплект новых учебников по истории, а также восстановить исторические факультеты в университетах⁴.

Однако новые вызовы и новые кризисы означают и новый перелом в осмыслении исторического прошлого в целом и историографии в частности. Преодолев масштабный кризис для всей государственной машины в виде Великой Отечественной войны, в Советском Союзе происходит перелом в отношении к прошлому. Мы начинаем понимать, что у нас было прошлое и советский народ во всем его многообразии является великим народом. Таким образом, актуализируется вопрос о знаниях и опыте историков дореволюционного периода. Н.Л. Рубинштейн пишет свой уникальный труд «Русская историография», где он впервые ставит вопрос о том, как наши историки оценивали наше прошлое, как они оценивали нашу историю [12].

Чем же уникальна работа Н.Л. Рубинштейна? Во-первых, он расширяет и раздвигает границы существующего интеллектуального пространства и дает понять, что, оказывается, работы историков, пусть и в буржуазном или феодальном контексте, интересны как опыт познания, что очень важно в общем интеллектуальном пространстве. Вторым существенным прорывом для истории исторической науки являются размышления о том, какие интеллектуальные сюжеты важны для изучения, а какие нет. В частности, он рассматривает «Выступление на дискуссии по книге Г.Ф. Александра “История западноевропейской философии”» под авторством А.А. Жданова [13]. В своем выступлении А.А. Жданов ставит вопрос о том, есть ли смысл в изучении западноевропейской философии, если до К. Маркса философии не было. Жданов придерживается подхода, действовавшего в государственных масштабах до начала 40-х годов XX в., который не учитывал достижений наших предшественников. Позиция Н.Л. Рубинштейна заключалась в том, что в любой области знания важно учитывать опыт, накопленный предшественниками.

³ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О постановке преподавания гражданской истории в школах» 5.03.1934 // Российская газета [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Москва, сор. 2012-2019 URL: <https://rg.ru/2016/09/13/rodina-uchebniki-istorii.html> (дата обращения 4.04.2019).

⁴ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О постановке в школах преподавания гражданской истории и географии» 20.03.1934 // Российская газета [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Москва, сор. 2012-2019 URL: <https://rg.ru/2016/09/13/rodina-uchebniki-istorii.html> (дата обращения 4.04.2019).

Заключение

Проанализировав ряд кризисов и увидев, какая реакция на эти кризисы следует в области исторической науки, можно предположить, что смена отношения к опыту наших предшественников, к их идеям и исследованиям происходит в результате кризисов, разнородных по своей сути. Н.М. Карамзин становится менее актуальным в результате отмены крепостного права, которую с уверенностью можно назвать кризисом в масштабе государства. Кризис этот был связан с тем, что привычные государственные и культурные устои актуализируют совершенно другие проблемы. Следующим кризисом и сменой отношения к прошлому является Октябрьская революция, которая диктует отказ от прошлого. Таким кризисом является период Великой Отечественной войны, который актуализирует знания о прошлом и их необходимость в целом. Кризис является ключевым звеном изменения отношения к прошлому. Кризис может возвысить и актуализировать эти знания, а может послужить причиной полного отказа от прошлого. Как справедливо замечают исследователи, увлеченные историческими сюжетами, проблема смены в значительной степени осмыслена историческим сообществом. Однако в данной статье речь идет не о смене парадигм, а о значении и влиянии кризисов на историческую науку. Выявлен ключевой элемент, способствующий возникновению тенденций к переосмыслению историографического прошлого. По моему мнению, как кризис является индикатором того, что в обществе начнут происходить процессы переоценки собственного прошлого, так и появление работ, направленных на переосмысление прошлого, может свидетельствовать о том, что это общество подвержено влиянию кризиса. Эти явления можно считать взаимосвязанными.

Литература

1. Рыбас С.Ю., Тараканова Л.В. Реформатор: жизнь и смерть Петра Столыпина. М., 1991. 204 с.
2. Островский А. Кто поставил Горбачева? М., 2010. 544 с.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1967. 663 с.
4. Макарова Р.В. «Своими заслугами отечеству обессмертил свое имя...»: к 250-летию историографа Н.М. Карамзина (1766–1826 гг.) / Вестник архивиста. 2016. № 4. С. 265–282.
5. Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: ОНИКС, 2017. 1232 с.
6. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Эксмо, 2017. 1024 с.
7. Любавский М.К. С.М. Соловьев и В.О. Ключевский. М.: Руниверс, 1913. 20 с.
8. Васильев Ю.А. О методологических основаниях русской исторической школы: историографические аспекты. Ч. 2 // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 2. С. 78–88.

9. Солманидина Н.В. В.О. Ключевский о роли природы как социального фона и потенциала формирования русского народа и его ментальности // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 989–993.
10. Дорохов В.Н. Исторические взгляды П.Н. Миллюкова: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Университет Российской академии образования. М., 2005. С. 49–56.
11. Скворцов А.М., Гришина Н.В. Историческое образование в первое десятилетие советской власти: основные векторы развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 2. 412 с.
12. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М.: Госполитиздат, 1941. 659 с.
13. Жданов А.А. Выступление на дискуссии по книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии». М: Госполитиздат, 1952. 46 с.

References

1. Rybas SU., Tarakanova LV. *Reformer: the life and death of Peter Stolypin*. Moscow, 1991. 204 p. [In Russ.]
2. Ostrovsky A. *Who put Gorbachev?* Moscow, 2010. 544 p. [In Russ.]
3. Lenin VI. *Collected Works*. Moscow, 1967. 663 p. [In Russ.]
4. Makarova RV. “With my merit to the fatherland immortalized my name ...” to the 250th anniversary of the historiographer N.M. Karamzin (1766–1826). *Archivist Bulletin*. 2016;4:265-82. [In Russ.]
5. Karamzin NM. *History of the Russian State*. Moscow: ONYX Publ.; 2017. 1232 p.
6. Soloviev SM. *History of Russia from ancient times*. Moscow: Eksmo Publ.; 2017. 1024 p.
7. Lyubavsky MK. *C.M. Soloviev and V.O. Klyuchevsky*. Moscow: Runivers Publ.; 1913. 20 p. [In Russ.]
8. Vasiliev UA. On the methodological foundations of the Russian historical school: historiographic aspects. Part II. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2009; № 2. 249 p. [In Russ.]
9. Solmanidina NV. I.N. Klyuchevsky about the role of nature as a social background and the potential of the formation of the Russian people and its mentality V.G. Belinsky. *Izvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo*. 2012;27:989-93. [In Russ.]
10. Dorokhov VN. Milyukov’s historical views. Abstract of Ph.D. dissertation. Universitet Rossiiskoi akademii obrazovaniya. Moscow, 2005. p. 49-56. [In Russ.]
11. Skvortsov AM., Grishina NV. Historical education in the first decade of Soviet power: the main vectors of development. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2015;2:49-56. [In Russ.]
12. Rubinstein NL. *Russian historiography*. Moscow: Gospolitizdat Publ.; 1941. 659 p. [In Russ.]
13. Zhdanov AA. *Speech at the discussion on the book G.F. Alexandrova “History of Western European Philosophy”*. Moscow: Gospolitizdat Publ.; 1952. 46 p. [In Russ.]

Информация об авторе

Александр Р. Акрамов, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; ГСП-3, 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; akramov.a@rggu.ru

Information about the author

Aleksandr R. Akramov, graduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, GSP-3, 125993; akramov.a@rggu.ru

«Общая методология гуманитарных наук» Н.И. Кареева
и преподавание методологии истории в высшей школе:
диахронический и синхронический контекст

Алексей В. Малинов

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия;
Социологический институт – филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия; a.v.malinov@gmail.com.*

Евгения А. Долгова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, medievalis@list.ru*

Аннотация. Цель статьи – исследование диахронического и синхронического интеллектуального контекста написания одной из последних монографий историка, социолога, методолога науки Николая Ивановича Кареева (1850–1931) «Общая методология гуманитарных наук». Работа была написана в конце 1910-х – начале 1920-х гг. и не была издана в силу цензурных ограничений. Черновики и типографские гранки монографии хранятся в личном фонде Н.И. Кареева в Научно-исследовательском Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. «Общая методология гуманитарных наук» резюмирует методологические изыскания ученого и одновременно является учебным курсом, написанным для факультета общественных наук постреволюционного Петроградского университета. Текст курса удачно вписывается и в новые практики преподавания гуманитарных дисциплин в реформированных вузах (факультеты общественных наук), и в проблемное поле методологических поисков «старой профессуры», продолжающих, с одной стороны, их дореволюционные исследования, а с другой – столкнувшихся с «кризисом метода» в гуманитарной научной мысли. Авторы статьи обращаются к традиции преподавания методологии истории, обозначенной в работах как предшественников Н.И. Кареева – А.С. Лаппо-Данилевского, К.Н. Бестужева-Рюмина, В.И. Ламанского и др., так и его современников – П.А. Сорокина, Л.П. Карсавина, С.Л. Франка, Р.Ю. Виппера. Делается вывод о том, что, несмотря на то, что книга Н.И. Кареева оригинальна, она отсылает, скорее, к сциентистским установкам XIX в., чем соответствует теоретико-методологическим поискам периода кризиса позитивизма.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, методологическое наследие, «Общая методология гуманитарных наук», интеллектуальный контекст, позитивизм, критицизм

Для цитирования: Малинов А.В., Долгова Е.А. «Общая методология гуманитарных наук» Н.И. Кареева и преподавание методологии истории в высшей школе: диахронический и синхронический контекст // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 3. С. 48–59. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-48-59

«The General methodology of the Humanities»
by Nikolay Kareev
and teaching methodology of history in high school:
diachronic and synchronic context

Alexey V. Malinov

*Saint Petersburg State University; Sociological Institute –
Branch of the FNISTS RAS; a.v.malinov@gmail.com.*

Evgeniya A. Dolgova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; medievalis@list.ru

Abstract. The purpose of the article is to study the diachronic and synchronic intellectual context of writing one of the last monographs of the historian, sociologist, methodology of science Nikolai Ivanovich Kareev (1850-1931) “The General methodology of the Humanities”. The work was written in the late 1910s-early 1920s and was not published due to censorship restrictions. Its text is held in the Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. The book summarizes the methodological research of Nikolay Kareev. The course fits well into the new practice of teaching humanities in reformed universities (faculties of social sciences) and in the field of methodological research of the “old professors” in 1920s. The article aims to study the diachronic and synchronic intellectual context of this book. The authors turn to the tradition of teaching the methodology of history, designated in the works as the predecessors of Nikolay Kareev (A.S. Lappo-Danilevsky, K.N. Bestuzhev-Ryumin, V.I. Lamansky, etc.), and his contemporaries (P.A. Sorokin, L.P. Karsavin, S.L. Frank). They conclude that despite the “General Methodology” being an original course. Text solved different problems of the humanities from the point of view of positivism and corresponded to the methodology of XIX century, rather than theoretical and methodological search of the period of the crisis of positivism.

Keywords: Nikolay Kareev, the methodological heritage, “the General methodology of the Humanities,” the intellectual context, positivism, criticism

For citation: Malinov AV., Dolgova EA. "General methodology of Humanities" by Nikolay Kareev and teaching methodology of history in higher education: diachronic and synchronic context. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, 2019;3:48-59. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-48-59

Введение

Творчество историка, социолога, методолога науки Н.И. Кареева (1850–1931) в советский период его деятельности является любопытной фокусной точкой изучения проблемы трансформации/преемственности дореволюционной традиции преподавания методологии истории в высшей школе. Одним из неизученных, но актуализированных в этом отношении источников остается неопубликованный труд ученого «Общая методология гуманитарных наук», сохранившийся в виде рукописных черновиков, машинописных версток и типографских гранок в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки¹. Лекционный курс «Общая методология гуманитарных наук» был одним из последних, прочитанных Н.И. Кареевым в Петроградском университете – почти синхронно с написанием курса университет перестал носить название «Императорского» и быть «столичным», но инерционно продолжал восприниматься как таковой – как безусловно классический, гарантирующий качество и строгость преподаваемых в нем идей. Именно поэтому так важно внимание к указанному курсу: будучи безусловным интеллектуальным наследием петербургской школы историков, он – важный источник по истории гуманитарного знания в указанный период. Курс удачно вписывается и в новые практики преподавания гуманитарных дисциплин в реформированных вузах (факультеты общественных наук), и в проблемное поле методологических поисков «старой профессуры», продолжающих, с одной стороны, их дореволюционные искания, а с другой – столкнувшихся с «кризисом метода» в гуманитарной научной мысли.

Подготовленный к печати в 1922 г. учебный курс «Общая методология гуманитарных наук» в силу обстоятельств не был опубликован; фрагменты его изданы лишь недавно². Объем работы значи-

¹ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 119. К. 39. Д. 1–15.

² *Кареев Н.И.* Общая методология гуманитарных наук / Подгот. А.В. Малинов // Вече: Журнал русской философии и культуры. Вып. 22. СПб., 2011. С. 147–174; *Он же.* Понятие науки и классификация наук /

телен. Текст работы включает «Введение» и 7 глав, состоящих из 400 параграфов:

- 1) «Понятие науки и классификация наук»,
- 2) «Логические предпосылки всякой методологии»,
- 3) «Гуманитарные науки, их классификация и методология»,
- 4) «Непосредственное наблюдение и констатирование фактов в гуманитарных науках»,
- 5) «Научная работа в области исторических повторений»,
- 6) «Теоретические гуманитарные науки»,
- 7) «Нормативное и прикладное знание в гуманитарных науках» [подробнее см. 1].

К «Общей методологии...» в НИОР РГБ приложены примечания, библиография, материалы к работе – выписки Н.И. Кареева из трудов по истории, социологии и психологии, а также список социологических работ автора. История создания текста «Общей методологии» и конкретные обстоятельства подготовки его к печати уже рассматривались [1]. В данной статье предлагается обратиться к диахроническому и синхроническому интеллектуальному контексту написания работы.

В университете Н.И. Кареев возглавлял кафедру всеобщей истории и был известен как специалист по истории Европы в Новое время, в том числе по истории Французской революции. В то же время его исследовательская деятельность не ограничивалась чисто историческими работами. Начиная с докторской диссертации «Основные вопросы философии истории» (1883 г.), он опубликовал ряд сочинений философско-исторической направленности. Более того, Н.И. Кареев, вероятно, первым поставил задачу дать обоснование статуса философии истории как самостоятельной научной и учебной дисциплины [2 с. 159]. Курс «Общая методология гуманитарных наук» стал первым и единственным «философским» предметом, прочитанным Н.И. Кареевым в Петроградском университете. Однако он не был случайным эпизодом в его научной карьере, поскольку во многом подводил итог его философско-историческим и социологическим исследованиям. Одновременно на изменение вектора научных изысканий исследователя оказа-

Подгот. А.В. Малинов // Клио: Журнал для ученых. 2013. № 2. С. 28–34; «Понять чужую душу»: Фрагменты из неопубликованного труда историка, социолога, методолога науки Н.И. Кареева / Подгот. Е.А. Долгова, А.В. Малинов // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 236–247; Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. Гл. 2: Логические предпосылки всякой методологии / Подгот. А.В. Малинов, Е.А. Долгова // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 327–365.

ли влияние и внешние факторы. В анкете, заполненной в 1923 г., Н.И. Кареев подчеркивал, что наиболее подходящей для себя работой он считает «методологическую»³. Хотя под этим в графе анкеты подразумевалась исследовательская работа в целом, без уточнения научной специализации (альтернативами были «организационная» и «административная» работа), там же ученый подчеркивал, что после 1914 г. для него как специалиста по всеобщей истории в силу отсутствия заграничных командировок оказались ограничены возможности ведения конкретно-исторических исследований⁴.

Сам же курс был написан ученым казуально. В мемуарах сам Н.И. Кареев признавался, что после смерти в начале 1919 г. А.С. Лаппо-Данилевского ему был поручен курс «Методологии истории», который с 1906 г. на историко-филологическом факультете Петербургского/Петроградского университета вел его младший коллега⁵. Из этого курса и выросла «Общая методология гуманитарных наук». Читавшийся А.С. Лаппо-Данилевским курс «Методологии истории» был трехгодичным. Работа же Н.И. Кареева над лекциями совпала как с преобразованием самого Петроградского университета, когда был закрыт историко-филологический факультет и сформирован факультет общественных наук, так и с отъездом Н.И. Кареева в Смоленскую губернию из голодного Петрограда, т. е. вынужденным перерывом в преподавании.

Едва ли стоит искать преемственность между преподаванием такого «философского» курса А.С. Лаппо-Данилевским и Н.И. Кареевым. «Методология истории» А.С. Лаппо-Данилевского, известная в трех редакциях (1909, 1910–1913, 1923), фактически представляла собой теорию исторического познания, которая, по мысли ее автора, должна была стать основой теории обществоведения. Н.И. Кареев, предлагая «Общую методологию гуманитарных наук», на первый взгляд реализует программу своего предшественника. Однако это верно лишь «на первый взгляд», даже несмотря на его утверждения о том, что книга «выполнена в духе гносеологии критической философии» и стоит на «точке зрения гносеологического позитивизма»⁶. Последнее выражение более точно передает исследовательскую позицию Н.И. Кареева. Предложенная им методология следует основным постулатам позитивизма, причем в его контовском варианте, который еще на исходе XIX века выглядел старомодным, а к началу третьего десятилетия XX в. воспри-

³ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8612. Л. 340.

⁴ Там же. Л. 342–343.

⁵ *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 285.

⁶ *Кареев Н.И.* Общая методология гуманитарных наук. С. 153.

нимался явным анахронизмом. К этому времени теоретическая рефлексия в исторической науке и гуманитаристике в целом уже опробовала методологию и неокантианства, и герменевтики, и феноменологии, и марксизма, и второго позитивизма. Так, например, в русле эмпириокритицизма были построены теоретико-методологические и философско-исторические опыты Р.Ю. Виппера. А.С. Лаппо-Данилевский, критически переосмыслив некоторые положения позитивизма, активно использовал неокантианскую терминологию. Конечно, предложенный позитивизмом идеал истории как науки сохранял свою онтологическую привлекательность, убеждая историков в том, что они познают мир таким, каков он есть (или был) на самом деле, т. е. что история способна производить истинное знание и имеет дело с самой истиной. Однако даже с точки зрения истории как науки реализуемая Н.И. Кареевым методологическая программа отсылала, скорее, к сциентистским установкам XIX в., чем соответствовала теоретико-методологическим поискам века XX. Позитивистскую ориентацию методологического курса подтверждает и его содержательная близость к «Общим основам социологии», изданным Н.И. Кареевым как раз в 1919 г.⁷ Впрочем, в конкретно-исторических исследованиях самого Н.И. Кареева позитивистская методология работала вполне эффективно, что лишь укрепляло его в правильности выбранной позиции. В своем курсе ученый, вероятно, не только теоретизировал и философствовал на заданную учебной программой тему, но и опирался на свой исследовательский опыт. Конечно, было бы неверно считать Н.И. Кареева исследователем, окончательно закосневшим в правоверном позитивизме. Даже его самоидентификация с «субъективной школой» в русской социологии указывает на восприимчивость и других философских тенденций, в частности кантианства. По отношению к Н.И. Карееву вполне справедливо утверждение, что он был «склонен к прагматически-познавательному эклектизму» [3 с. 63].

Невозможность установить преемственность между курсами А.С. Лаппо-Данилевского и Н.И. Кареева состоит не только в том, что подход Н.И. Кареева был, скорее, «шагом назад» по сравнению с «методологией» А.С. Лаппо-Данилевского, более успешно пытавшегося интегрировать новейшие достижения социо-гуманитарных наук в свое учение. Н.И. Кареев был старше своего предшественника и не без основания был готов считать А.С. Лаппо-Данилевского если и не своим учеником, то по крайней мере «слушателем». Со своей стороны А.С. Лаппо-Данилевский едва ли признавал себя «учеником» Кареева не только в силу институциональных и дис-

⁷ Кареев Н.И. Общие основы социологии. Пг., 1919.

циплинарных различий, но и потому, что не воспринимал философско-исторические и социологические работы Н.И. Кареева в качестве образца, которому стоит следовать. Ссылки на исследования Н.И. Кареева в работах А.С. Лаппо-Данилевского встречаются редко, а контекст их упоминаний как раз показывает, что А.С. Лаппо-Данилевский не считал его сильным теоретиком. В период работы над «Общей методологией гуманитарных наук» Н.И. Кареев обратился к методологическому наследию А.С. Лаппо-Данилевского, о чем свидетельствует его статья в «Русском историческом журнале», посвященной памяти ушедшего из жизни историка⁸, и параграф о А.С. Лаппо-Данилевском в рукописи «Основы русской социологии», над которой он работал в 1920-е гг.

В свою очередь и методологические искания А.С. Лаппо-Данилевского не имели предшественников в Петербургском университете. Его непосредственный учитель Е.Е. Замысловский не проявлял интереса к философии. Оценивший философскую склонность А.С. Лаппо-Данилевского К.Н. Бестужев-Рюмин уже оставил преподавание в университете, а его собственные теоретико-методологические взгляды были разбросаны в виде наблюдений или критических замечаний (как правило, это была критика «государственной школы») в рецензиях, «введениях», «исторических портретах» и многочисленных статьях. Домашние беседы молодого историка с К.Н. Бестужевым-Рюминым могли поддерживать его теоретический интерес, но не могли сформировать систематические взгляды. Философско-исторические предпочтения самого К.Н. Бестужева-Рюмина были далеки от систематической завершенности. Из преподававших в те годы на историко-филологическом факультете Петербургского университета профессоров вполне определенную философско-историческую концепцию предложил лишь В.И. Ламанский, бывший деканом в пору студенчества А.С. Лаппо-Данилевского. В.И. Ламанский разработал оригинальное историософское учение о трех цивилизационных мирах, развивавшее идеи славянофилов [4]. Убедленным славянофилом был и профессор О.Ф. Миллер, руководивший Студенческим научно-литературным обществом, в котором проходило научное становление А.С. Лаппо-Данилевского. Однако молодой ученый не стал славянофилом. В.И. Ламанский и О.Ф. Миллер оказали на него влияние скорее как личности, а не ученые. К ним Лаппо-Данилевский до конца жизни сохранял глубокое уважение.

Фигура К.Н. Бестужева-Рюмина тем не менее имеет принципиальное значение для той исследовательской традиции, к кото-

⁸ *Кареев Н.И.* Историко-теоретические труды А.С. Лаппо-Данилевского // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 112–131.

рой принадлежал А.С. Лаппо-Данилевский. Именно с К.Н. Бестужева-Рюмина задается преемственность, которая позволяет уже говорить о «петербургской исторической школе», в том числе и в смысле определенных методологических установок. Кареев же, сложившийся как ученый в «школе В.И. Герье», в этом отношении стоял в стороне. К.Н. Бестужев-Рюмин пришел в Петербургский университет в 1865 г., через три года после оставления кафедры Н.И. Костомаровым. Надо признать, что роль К.Н. Бестужева-Рюмина в формировании схолярной традиции в Петербургском университете занижается. Определенная вина здесь лежит на его ученике С.Ф. Платонове, претендовавшем на лидерство среди столичных историков в качестве главы «научной школы».

В Петербургском университете мы видим также перерыв в преподавании теории и методологии истории. Первый философско-исторический курс «Историомантия в ее связи с общим развитием цивилизации» читал в 1860–1861 гг. М.М. Стасюлевич, вскоре университет покинувший. Изданный им затем «Опыт исторического обзора главных систем философии истории»⁹ представлял собой историю философии истории. Можно предположить, что М.М. Стасюлевич знакомил студентов с вопросами теории и методологии истории, раскрывая перед ними картину смены философско-исторических концепций. Занимавший кафедру всеобщей истории М.М. Стасюлевич, читал курсы по античной истории и медиэвистике, в частности, «История средних веков от крестовых походов до XVI столетия» (1853–1856) и «История средних веков (по отдельным периодам)» (1858–1861), в которых также касался философско-исторических вопросов. По крайней мере издания этих курсов содержат обширные теоретико-методологические введения, в которых рассматривались цели, задачи, методы истории, а также вопросы методики преподавания¹⁰. Однако говорить о влиянии М.М. Стасюлевича на методолого-исторические построения А.С. Лаппо-Данилевского не приходится. В последней редакции «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского, вышедшей уже после смерти ученого, материал расположен также в виде обзора философских и теоретико-исторических учений. Однако причина такой компоновки скорее методическая и пропедевтическая. А.С. Лаппо-Данилев-

⁹ *Стасюлевич М.М.* Опыт исторического обзора главных систем философии истории. СПб., 1866. 506 с.

¹⁰ *Стасюлевич М.М.* Общий курс истории средних веков. СПб.: В тип. Импер. акад. наук, 1856. 320 с.; *Он же.* История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Т. 1. СПб.: В тип. Иосафата Огризко, 1863. 784 с.; Т. 2. СПб.: В тип. Рогальского и К^о, 1864. 698 с.

ский, желая избежать догматизма, предпочитал излагать свой курс в историческом ключе.

В Петербургском университете за шесть десятилетий (с 60-х годов XIX в.), т. е. на протяжении жизни двух поколений ученых, мы видим несколько самостоятельных, отдельных попыток теоретико-методологического осмысления исторической науки, которые так и не сложились в традицию. Отчасти это вызвано внешними причинами (запрет на преподавание философии в 1850 г., закрытие университета в начале 1860-х гг.), отчасти открытостью историко-филологического факультета различным традициям и направлениям. Так, например, К.Н. Бестужев-Рюмин и Н.И. Костомаров были выпускниками Московского университета (причем К.Н. Бестужев-Рюмин окончил юридический факультет), И.И. Срезневский и Н.И. Костомаров – Харьковского университета, М.И. Владиславлев и Ф.Ф. Сидонский учились в Петербургской духовной академии и т. д. Следствием такого развития стала «относительная аморфность петербургской исторической школы» [5 с. 358], как бы обидно это ни звучало.

Помимо диахронического контекста работы Н.И. Кареева над «Общей методологией гуманитарных наук», пожалуй, больший интерес представляет контекст синхронический. Укажем лишь исследования, тематически пересекающиеся с кареевскими поисками, вышедшие в те же годы. Из коллег по Петроградскому университету надо в первую очередь назвать Л.П. Карсавина, опубликовавшего в 1920 г. «Введение в историю (теория истории)», а перед высылкой из Советской России завершившего работу над одним из своих главных произведений – «Философией истории», изданной в Берлине в 1923 г. В 1922 г. в Москве был отпечатан небольшой «Очерк методологии общественных наук» С.Л. Франка, выросший из курса лекций в Саратовском университете, куда Франк переехал из Петрограда в 1917 г., и в Институте народного хозяйства. Философско-исторические взгляды Л.П. Карсавина и С.Л. Франка надо признать крайней оппозицией подходу Кареева. Более того, Франк прямо обрушивается с критикой на те философские принципы, которые Кареев положил в основу своей «Общей методологии». Негативна была и реакция Н.И. Кареева, выступившего в печати с резкой критикой опубликованной работы С.Л. Франка¹¹. Более близкую позицию Карееву занимал П.А. Сорокин, опубликовавший в 1920 г. двухтомную «Систему социологии», которую в 1922 г. защитил в качестве магистерской диссертации (учитывая, конечно, тот факт, что работа была написана в большей степени

¹¹ Кареев Н.И. Метафизик о «Методологии общественных наук» // *Анналы: журнал всеобщей истории*. 1922. № 9. С. 267–271.

под влиянием механистических идей коллективной рефлексологии В.М. Бехтерева). Н.И. Кареев принимал непосредственное участие в этой защите – как благожелательный оппонент молодого социолога. В 1923 г. стараниями учеников и друзей была издана уже упоминавшаяся неоконченная новая редакция «Методологии истории» Лаппо-Данилевского. В том же году Р.Ю. Виппер опубликовал книгу «Круговорот истории», развивая мысли, высказанные в изданной в Казани в 1921 г. брошюре «Кризис исторической науки», заглавие которой ясно характеризовало положение отечественной историографии.

Заключение

Одной из вероятных причин неудачи Н.И. Кареева в издании своего курса стали как идеологические изменения, так и, возможно, случайный фактор – избранная форма издания его научного труда в виде учебного пособия. В эти годы указанный тип книг подвергался особой цензуре – согласно Постановлению СНК от 2 марта 1922 г. на публикацию учебных пособий требовалось получение особого разрешения из Государственного ученого совета (ГУСа), а их приоритетное печатание сосредотачивалось в Госиздате¹². Новая власть не нуждалась в учебных курсах, содержащих альтернативные теории. На место философии истории и социологии претендовало единственно верное учение, сполна, как верили его сторонники, объяснявшее как природные, так и социальные процессы – диалектический и исторический материализм. Симптоматично, что в 1922 г., когда Кареев потерпел неудачу с публикацией книги, вышло первое издание «популярного учебника» его тезки Н.И. Бухарина «Теория исторического материализма». 1922 г. стал символической датой («философский пароход») в истории русской культуры, завершившей целую культурную эпоху – Серебряный век, для которой было характерно свое «органическое самосознание» [6]. Исследование Н.И. Кареева принадлежало этой ушедшей эпохе, поэтому в неудовлетворительном исходе дела Кареева тоже был свой символизм.

¹² Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-395. Оп. 9. Д. 280. Л. 2–2об.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта «Методологическое наследие Н.И. Кареева: исследование, подготовка к изданию, комментарии» Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 19-09-00109\19.

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project «Methodological heritage Nikolay Kareev: research, preparation for publication, comments», no. 19-09-00109\19.

Литература

1. Долгова Е.А. Из истории издания работы Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук» (1922–1924) // Вестник архивиста. 2012. № 1. С. 239–245.
2. Безлепкина Н.И. Историческая традиция в истории отечественной мысли // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 2. С. 151–164.
3. Мотовникова Е.Н. К истории развития понятия типа (и типологического метода) в методологических работах Н.И. Кареева // *Studia Culturae*. 2018. Вып. 2 (36). С. 60–70.
4. Куприянов В.А. Россия и Европа в раннем и позднем славянофильстве (А.С. Хомяков и В.И. Ламанский) // Соловьевские исследования. 2018. № 2 (58). С. 21–33.
5. Тихонов В.В. Московская и петербургская школы «русских историков» в контексте дихотомии «Москва-Петербург» (конец XIX – начало XX в.) // Люди и тексты: Исторический альманах. 2012. № 2. С. 344–378.
6. Барышков В. Органическое самосознание культурной эпохи // Философский политологический журнал международного центра изучения русской философии. 2017. Вып. 2. С. 65–76. DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2017.2.6>

References

1. Dolgova EA. From the History of the Publication of N. Kareev's General Methodology of the Humanities (1922–1924). *Vestnik arhivista*. 2012;1:239-45. [In Russ.]
2. Bezlepkina NI. Istoriosofskaya tradiciya v istorii otechestvennoj mysli. *Filosofiya i konfliktologiya* 2018;34(2):151-64. [In Russ.]
3. Motovnikova EN. On the history of the concept of type (and typological method) in the methodological works of N. And. Kareeva. *Studia Culturae*. 2018;2(36):60-70. [In Russ.]
4. Kupriyanov VA. Russia and Europe in the early and late Slavophilism (A.S. Khomyakov and V. I. Lamansky). *Solov'evskie issledovaniya*. 2018;2(58):21-33. [In Russ.]

5. Tikhonov VV. Moscow and St. Petersburg schools of “Russian historians” in the context of the dichotomy “Moscow-Petersburg”. *Lyudi i teksty: Istoricheskij al'manah*. 2012;2:344-78. [In Russ.]
6. Baryshkov VP. Organic self-consciousness of the cultural era. *Filosofskij politologicheskij zhurnal mezhdunarodnogo centra izucheniya russkoj filosofii*. 2017;2:65-76. DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2017.2.6> [In Russ.]

Информация об авторах

Алексей В. Малинов, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9; Социологический институт – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия; a.v.malinov@gmail.com

Евгения А. Долгова, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; ГСП-3, 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; medievalis@list.ru

Information about the authors

Alexey V. Malinov, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; bld. 7/9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, Russia, 199034; Sociological Institute – Branch of the FNISTS RAS, St. Petersburg, Russia; a.v.malinov@gmail.com

Evgeniya A. Dolgova, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, GSP-3, 125993; medievalis@list.ru

Политологические исследования постсоветского и европейского пространства

УДК 322(470+476)

DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-60-74

Религиозный фактор и угрозы национальной безопасности России и Беларуси: сравнительный анализ

Сергей П. Донцев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dontsev@gmail.com*

Аннотация. В работе проведен сравнительный анализ религиозного фактора в политике национальной безопасности России и Беларуси. Для выявления и концептуализации религиозной составляющей анализируется нормативно-правовая база и институциональные основания политики национальной безопасности двух государств. Показаны схожесть и различия в объектах политики национальной безопасности и угрозах национальной безопасности в тех аспектах, где выявляется наличие религиозного фактора. Делается вывод о том, что в России более расширен по сравнению с Беларусью перечень угроз, связанных с религиозным фактором национальной безопасности. Анализируется концепт религиозной безопасности как составной части политики национальной безопасности. Делается вывод о возможностях использования данного концепта при формировании целей и задач религиозной политики России и Беларуси. Выделяются и анализируются схожие угрозы национальной безопасности – религиозный экстремизм; прозелитизм нетрадиционных для российского и белорусского общества религиозных объединений; размытие традиционных духовно-нравственных ценностей и потеря религиозной идентичности. Показывается общее и особенное в концептуализации указанных угроз. Делается вывод о специфике проявления религиозного фактора при интерпретации угроз национальной безопасности в России и Беларуси.

Ключевые слова: национальная безопасность, религиозная безопасность, религиозная политика, государственно-конфессиональные отношения, Русская православная церковь, Беларусь

© Донцев С.П., 2019

Для цитирования: Донцев С.П. Религиозный фактор в политике национальной безопасности России и Беларуси: сравнительный анализ // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 3. С. 60–74. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-60-74

Religious factor and threats to national security of Russia and Belarus: comparative analysis

Sergei P. Dontsev

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, dontsev@gmail.com*

Abstract. The paper presents a comparative analysis of the religious factor in the national security policy of Russia and Belarus. The legal framework and institutional bases of the national security policy of the two states are analyzed in order to identify and conceptualize the religious component. The similarity and differences in the objects of national security policy and threats to national security in aspects where the presence of a religious factor is revealed are shown. It is concluded that in Russia the list of threats related to the religious factor of national security has been expanded in comparison with Belarus. The concept of religious security as an integral part of the national security policy is analyzed. The conclusion is made about the possibilities of using this concept in the formation of the goals and objectives of the religious policy of Russia and Belarus. Similar threats to national security – religious extremism; proselytism of non-traditional for Russian and Belarusian society religious associations; degradation of traditional spiritual and moral values and loss of religious identity—are identified and analyzed. The General and special in conceptualization of the specified threats is shown. The conclusion is made about the specifics of the manifestation of the religious factor in the interpretation of threats to national security in Russia and Belarus.

Keywords: national security, religious security, religious policy, state-religious relations, Russian Orthodox Church, Belarus

For citation: Dontsev SP. Religious factor in the national security policy of Russia and Belarus: comparative analysis. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, 2019;3:60-74. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-60-74

Введение

Понятие национальная безопасность сегодня является составной частью публичного дискурса политиков и государственных деятелей, оно используется в официальных документах президента, исполнительной и законодательной власти России, Беларуси и большинства государств постсоветского пространства. Как отметил академик РАН А. Кокошин, национальная безопасность, являясь производной от современной трактовки нации, становится категорией политической и социальной, т.е. понятие «нация» в современной политической реальности превращается де-факто в синоним государства (несмотря на все дискуссии по вопросам интерпретации понятия «нация» в академическом сообществе) [1 с. 7]. Обеспечение же внутренней и внешней безопасности является одной из важнейших функций государства. Может ли на реализацию этих функций влиять религиозный фактор? Сегодня этот вопрос приобретает особую актуальность. Ведь помимо традиционных угроз безопасности государства, связанных с внешней агрессией, нестабильностью политических институтов, демографическими и продовольственными проблемами и т.п., появляются новые угрозы, связанные с вызовами глобализации и меняющимися принципами мироустройства, в которых происходит актуализация религиозного фактора, оказывающего все большее влияние на политические и социальные процессы. Подобная актуализация может быть отнесена к новым вызовам, проявляющим себя в качестве различных угроз национальной безопасности современных государств. Россия и Беларусь не являются здесь исключением. Необходимость изучения влияния религиозного фактора на политику безопасности этих двух государств обуславливается их стратегическим союзом и, как сказано в Концепции внешней политики Российской Федерации, приоритетным курсом на расширение этого сотрудничества в рамках союзного государства и углубление интеграции между странами в рамках Евразийского экономического союза¹. Кроме того, две страны связаны многосторонними соглашениями о сотрудничестве в рамках СНГ, ОДКБ и ЕАЭС, в которых вопросам безопасности также уделено не мало внимания.

Религиозный фактор в политике безопасности двух государств стал впервые фиксироваться в середине 90-х гг. прошлого века. Соответственно, в этот период он стал впервые и предметом науч-

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации: утверждена Президентом Российской Федерации 30 ноября 2016 г. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CртICkV6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения 6.06.2019).

ного анализа в указанном контексте. Среди работ, посвященных данной проблематике, можно отметить исследования Козлова С.В., И.А. Тарасевича, Ю.В. Сластилиной, А.В. Тонконогова, Ю.Г. Носкова, В.В. Пыж, С.И. Петрова и др. [2,3,4,5,6,7]. Большинство исследователей влияние религиозного фактора на политику безопасности России изучалось в рамках разработки концепции религиозной безопасности. Достаточно детально изучены ее особенности как политико-правового института, выделены ее основные характеристики (правовые, институциональные, системные), проанализирована государственная политика в области национальной безопасности Российской Федерации. Белорусские исследования более фрагментарны (здесь можно выделить в первую очередь исследования Старостенко В.В. [8,9]); отдельные аспекты указанной проблематики поднимаются в ряде коллективных монографий, посвященных вопросам национальной безопасности республики Беларусь [10,11,12]. При этом работ, посвященных попыткам сравнительного анализа религиозного фактора политики безопасности России и Беларуси, очень мало. Отдельные работы посвящены сравнениям концепций национальной безопасности двух государств, есть работы, посвященные более масштабной задаче изучения вопросов национальной безопасности Союзного государства России и Беларуси [13,14]. При этом остается нерешенной задача выявления общего и особенного в объектах политики национальной безопасности и угрозах национальной безопасности России и Беларуси в тех аспектах, где выявляется наличие религиозного фактора.

Религиозная и духовная безопасность

Сегодня понятие национальная безопасность можно рассматривать и как социально-политический феномен, и как правовую концепцию, и как философскую категорию. При этом религиозный фактор может выявляться в каждом из указанных аспектов национальной безопасности, но в контексте настоящего исследования интерес будут представлять первые два. Интерпретация понятия «*национальная безопасность*», как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз устоялось и прочно вошло в самые различные документы, концепции и стратегии двух государств. Соответственно, и религиозный фактор может проявлять себя в качестве составных частей различных угроз указанным объектам безопасности, но также он может выступать и как составная часть субъектов политики безопасности, призванных содействовать ее обеспечению. В этом проявляется

ся определенный дуализм – религиозный фактор может быть как субъективизирован, так и объективизирован.

Религиозный фактор как составная часть угроз национальной безопасности двух государств может рассматриваться в рамках концепции религиозной безопасности, а также концепции духовной безопасности. И.А. Тарасевич дает определение религиозной безопасности как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, возникающих в религиозной сфере» [3 с. 56]. Можно сказать, что религиозный фактор в политике национальной безопасности концептуализируется как феномен религиозной безопасности в его субъектно-объектном дуализме. Про духовную безопасность такого сказать нельзя. Термины «духовность», «духовно-нравственные ценности» и различные производные от них чрезвычайно широко используются в нормативно-правовых документах и дискурсе государственных деятелей и политиков России и Беларуси начиная с начала 90-х годов. Интерпретация этих терминов во многом зависит от мировоззренческих установок продуцента дискурса, в результате чего его смысловое наполнение может существенно меняться. В академической науке преобладает позиция о необходимости разграничения терминов «духовный» и «религиозный» – духовная сфера более широка и включает в себя многочисленные проявления культуры, в том числе и несвязанные с религией. Именно поэтому духовная безопасность в ее широком понимании включает в себя религиозную безопасность. Но при этом не каждый общественно-политический сюжет, связанный с актуализацией духовности (в контексте угроз этой духовности, ее защите или укрепления), автоматически подразумевает наличие религиозного фактора. При этом следует отметить, что крупнейшие религиозные организации двух государств (и в первую очередь Русская православная церковь) в своем публичном дискурсе, связанном с духовностью в мире социального и политического, наоборот, зачастую их смешивают – духовное становится синонимом религиозного (мы говорим сейчас не о богословском понимании этого вопроса, а о том, как он транслируется в публичном дискурсе), и соответственно угрозы в духовной сфере априорно переносятся и на религиозную сферу.

Правовые основания религиозной безопасности

Для выявления религиозного фактора в составе угроз безопасности стоит обратиться к концепциям и стратегиям национальной безопасности России и Беларуси.

В России к таким документам относятся концепции национальной безопасности Российской Федерации в редакциях 1997 и 2000 гг.; «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», утвержденная Указом президента 12 мая 2009 г., «Стратегия национальной безопасности», утвержденная 31 декабря 2015 г.. Каждый документ принимался как ответ на новые внутри- и внешнеполитические вызовы и угрозы. Так, концепция 2000 г. появилась в ответ на эскалацию напряженности на Северном Кавказе и усиление террористической угрозы; решение о разработке первой стратегии было принято в 2008 г. во время вооруженного конфликта в Южной Осетии; вторая стратегия 2015 г. появилась после присоединения Крыма и начала конфликта на востоке Украины. Религиозный фактор в качестве одного из поводов к разработке нового документа проявил себя только в 2000 г, в контексте обострения угроз, связанных с исламским радикализмом на Северном Кавказе. Во всех указанных документах религиозный фактор присутствовал. По сравнению с концепциями, носившими более декларативный характер, в Стратегии 2009 г. более четко определялись национальные приоритеты и вводилось понятие «угроза национальной безопасности». Во второй стратегии 2015 г. это понятие было упрощено, и сегодня оно определяется как «совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам»².

В Беларуси же эволюция концепций национальной безопасности (всего было принято четыре ее редакции – 1995 г., 2001 г., 2005 и ныне действующая концепция 2010 г., в которую в 2011 и 2014 гг. были внесены поправки) с одной стороны также шла в русле расширения списка угроз, но принятие новых редакций не столь заметно было связано с особенностями белорусского политического процесса и появлением новых вызовов белорусской государственности, как это наблюдалось в России. Во всех редакциях концепции религиозный фактор присутствовал. Например, в последней редакции девять раз упоминается религиозная сфера и десять раз духовность³.

² Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения 6.06.2019).

³ Указ президента республики Беларусь 9 ноября 2010 г. № 575 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь». URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000575> (дата обращения 6.06.2019).

Различные направления реализации политики национальной безопасности могут быть тесно переплетены друг с другом, и поэтому вопросы и сюжеты религиозной безопасности могут проявляться в самых разных областях безопасности и находить свое отражение в соответствующих документах. В России к их числу в первую очередь относится «Военная доктрина», «Доктрина информационной безопасности», «Основы государственной культурной политики», «Концепция общественной безопасности Российской Федерации».

Например, в «Военной доктрине» к наиболее опасным угрозам и вызовам относится «активность организаций деструктивного толка», которыми могут быть и религиозные. В «Доктрине информационной безопасности» в числе основных угроз обозначено «информационное воздействие на население России в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей», говорится об угрозе разжигания религиозной ненависти либо вражды, пропаганде экстремистской идеологии. («Концепция общественной безопасности Российской Федерации», 2013 г.) Составной частью определения концепта «общественная безопасность» является состояние защищенности «духовных ценностей общества» (ст. 4 Концепции)⁴.

В Беларуси вопросы религиозной безопасности проработаны в значительно меньшем количестве документов. Положения Концепции национальной безопасности в военной сфере также развиваются в Военной доктрине Беларуси, в которой, что показательно, в одном из четырех упоминаний религиозного аспекта военной безопасности допускается, что внутренний вооруженный конфликт может стать следствием эскалации за счет обострения религиозных противоречий⁵. В Доктрине информационной безопасности, принятой в 2019 г., единственное упоминание религиозного фактора носит сугубо декларативный характер – «уважительное отношение ко всем традиционным религиям и вероисповеданиям», при этом духовность в различных контекстах упоминается четыре раза⁶.

⁴ Концепция общественной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 N Пр-2685). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602/ (дата обращения 6.06.2019).

⁵ Военная доктрина Республики Беларусь. URL: https://www.mil.by/ru/military_policy/basic/doktrina/ (дата обращения 6.06.2019).

⁶ Концепция информационной безопасности Республики Беларусь. Утверждена Постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь 18.03.2019 № 1. URL: http://www.pravo.by/upload/docs/op/P219s0001_1553029200.pdf (дата обращения 6.06.2019).

Угрозы национальной безопасности

Для сравнения религиозного фактора в политике национальной безопасности следует оценить, как он проявляется в угрозах безопасности. С одной стороны, действительно, практически все составляющие конституционного строя государства, все общественные институты, а также индивидуальные права и свободы могут становиться объектами угроз, источником которых является религиозная сфера. Другое дело, что эти угрозы могут быть потенциальными и реальными. И в данном случае интерес будет представлять, как государства видят и оценивают подобные угрозы, насколько они представляются значимыми и достойными артикуляции.

На основе анализа концепций и стратегий различных типов безопасности двух государств, можно выделить следующие общие для России и Беларуси угрозы, в которых проявляется религиозный фактор: 1) религиозный экстремизм и преступления, сопряженные с применением насилия и имеющие религиозную мотивацию; 2) прозелитизм нетрадиционных для российского и белорусского общества религиозных объединений (т. н. деструктивные культы), представляющие угрозу для личности и общества; 3) размывание традиционных духовно-нравственных ценностей и потеря религиозной идентичности.

Специфика России заключается в наличии ключевой угрозы, которая отсутствует в Беларуси, в виде этно-религиозного сепаратизма, когда религиозная и этническая самоидентификации народов соединяются и выступают ценностным основанием для формирования сепаратистских взглядов и последующей деятельности, результатом которой могут являться этно-религиозные конфликты. Наличие в России национально-территориальных образований с очагами этно-религиозной напряженности актуализирует значимость религиозного фактора в качестве составной части угрозы территориальной целостности государства.

К предыдущей угрозе, которая также более актуальна для России, примыкает также и угроза межрелигиозных конфликтов. Не смотря на то, что российское и белорусское общество являются поликонфессиональными, конфликтный потенциал российского, в силу наличия очагов этно-религиозной напряженности в национально-территориальных образованиях, является более высоким.

Остановимся также чуть более подробно на общих для двух государств угрозах, в которых проявлен религиозный фактор. Если говорить о религиозном экстремизме (который может быть и не сопряжен с насилием) и религиозно-мотивированном насилии, необходимо отметить, что, хотя оба государства и обоз-

начают их в качестве приоритетных угроз и основывают свою политику в области безопасности на противодействии им, тем не менее, присутствуют и существенные отличия в их понимании. Для России одним из наиболее значимых проявлений экстремизма является исламский религиозно-политический экстремизм. В последние годы в России регулярно проходят процессы о признании деятельности той или иной религиозной организации, группы или их информационных материалов и ресурсов экстремистскими. В подавляющем большинстве это проявления именно исламского экстремизма, хотя и другие религиозные объединения и их материалы оказываются признанными экстремистскими (например, получившее широкий общественный резонанс решение Верховного суда от 20 апреля 2017 г. о запрете и признании деятельности религиозной организации «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» и всех его региональных отделений экстремистской).

В стратегиях национальной безопасности России в качестве наиболее значимых источников угроз выделяется религиозный экстремизм и преступные посягательства, направленных против личности. Понятие религиозного экстремизма более подробно раскрывается в Федеральном законе РФ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, где оно определяется через «экстремистскую деятельность» и широкий перечень соответствующих деяний. Сюда же относятся и нормы Уголовного кодекса, где квалифицирующим признаком преступления является его совершение по мотивам религиозной ненависти или вражды. На сайте Минюста РФ в перечне ликвидированных или приостановленных некоммерческих организаций по основаниям, предусмотренным законом «О противодействии экстремистской деятельности», – 73 наименования, из них 26 являются либо религиозными организациями, либо религиозными группами⁷. Федеральный список экстремистских материалов, включает около 5000 наименований, в котором значительную часть составляют материалы религиозного содержания⁸, и он постоянно пополняется. Закон «О противодействии терроризму» (№ 35-ФЗ от 6 марта

⁷ Перечень некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». URL: https://minjust.ru/nko/perechen_zapret (дата обращения 6.06.2019).

⁸ Федеральный список экстремистских материалов / Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <http://minjust.ru/ru/extremist-materials> (дата обращения 6.06.2019).

2006) предусматривает регулярную публикацию ФСБ России списка организаций, признанных российскими судами террористическими. Сейчас в нем 30 организаций, и из них только пять не связаны с какой-либо религиозной традицией, все же остальные именно религиозные и исламистские⁹.

В Беларуси угроза религиозного экстремизма также существует, но противодействие ему на уровне законодательства идет с некоторым отставанием от российского. Согласно «Концепции национальной безопасности» одним из источников угроз Республики Беларусь является «формирование, проникновение либо распространение идеологии экстремизма, сепаратизма, национальной, расовой и религиозной нетерпимости». В Беларуси только через пять лет после Российского – 4 января 2007 г. – был принят во многом похожий на российский закон «О противодействии экстремизму». В нем также значительное место уделено перечислению признаков этого деяния. В самом определении экстремизма (ст. 1) два раза присутствует религиозный фактор (его субъектами могут быть религиозные организации, а квалифицирующим признаком действий субъектов – разжигание религиозной вражды или розни). Ответственность за экстремизм в Беларуси была усилена в 2015 г.

С 2014 г. Комитетом государственной безопасности Беларуси публикуется «Перечень организаций и физических лиц, причастных к террористической деятельности», он намного более обширен, чем российский: 389 организаций и 710 физических лиц¹⁰. Подавляющее большинство организаций связано с религией, но, в отличие от Российского списка, где основания для включения – решения российских судов, в белорусском перечне в качестве основания для включения фигурирует Санкционный перечень Комитета Совета Безопасности ООН, и, как следствие, в нем находятся организации, фактически вряд ли несущие угрозу Беларуси (как, например, Департамент Пропаганды и Агитации КНДР). Хотя согласно Постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 19. 08. 2006 № 1061 в этот перечень должны включаться организации на основании решений Верховного Суда о признании их

⁹ Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими / Федеральная служба безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения 6.06.2019).

¹⁰ Перечень организаций и физических лиц, причастных к террористической деятельности / Комитет государственной безопасности Республики Беларусь. URL: <http://kgb.by/ru/perechen-inf-ru/> (дата обращения 6.06.2019).

террористическими. Следует также отметить, что при анализе терактов, осуществленных на территории Беларуси с 1991 г. по настоящее время, не удалось выявить ни одного с религиозной мотивацией.

Угроза прозелитизма со стороны нетрадиционных для российского и белорусского общества религиозных объединений и угроза потери религиозной идентичности и размывания традиционных духовно-нравственных ценностей следует рассматривать комплексно, так как второе является следствием первого. Прозелитизм с точки зрения его критиков представляет угрозу не только для отдельной личности (вовлечение в деструктивные культы и т. п.), но и ведет к деградации традиционных ценностей и может привести к изменениям религиозной идентичности в масштабах всего общества. А если государство данную идентичность рассматривает как ценность (в России и Беларуси именно так и происходит), то и противодействие прозелитизму приобретает высшие смыслы, переводя его из плоскости межрелигиозной конкуренции в задачу нейтрализации угрозы национальной безопасности. Миссионерская деятельность (этот термин мы рассматриваем как синоним прозелитизма, как деятельность по вовлечению иных в свою веру, хотя ряд исследователей наделяет термин «прозелитизм» дополнительными негативными смыслами [3, с. 129] в России, в отличие от Беларуси, детально регламентируется. Идеи о том, что возможности ее осуществления для определенных религиозных объединений могут быть ограничены, активно обсуждались на протяжении 90-х гг. в российском и белорусском обществе. Крупнейшие религиозные организации, и в первую очередь РПЦ, были активными участниками этих дискуссий и затем стали субъектами политического процесса, способствуя тому, чтобы государство вводило правовые ограничения на деятельность отдельных (в первую очередь иностранных религиозных организаций) [15, с. 22–28]. В России этот процесс был более заметен и проявился на этапе разработки закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г., который установил критерии соответствия статусу религиозной организации, в том числе и заградительный для иностранных миссионеров 15-летний срок существования организации на территории России (эта норма была отменена только в 2015 г.). В 1999 г. Конституционный суд Российской Федерации постановил, что государство вправе предусмотреть определенные преграды, с тем чтобы «воспрепятствовать миссионерской деятельности», и перечислил условия, являющиеся угрозами безопасности личности¹¹.

¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.11.1999 N 16-П «По делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого

В 2016 г. в закон была введена глава, детально регулирующая миссионерскую деятельность и вводящая ряд ограничений на ее проведение, в том числе для иностранных граждан. В главе также дан обширный перечень целей (которые могут расцениваться как угрозы личности, обществу и государству), следование которым является основанием для запрета миссионерской деятельности¹². Отсутствие подобных норм, регламентирующих миссионерскую деятельность в Беларуси, отчасти компенсируется иными положениями белорусского закона «О свободе совести и религиозных организациях» – необходимостью государственной регистрации всех субъектов религиозной деятельности, требованием, чтобы руководителем религиозной организации был только гражданин Беларуси. Кроме того, отдельно оговаривается регистрация религиозных общин, исповедующих новое вероучение, которые должны приложить обширные сведения об его основах и культовой практике, «об отношении к браку и семье, образованию, исполнению государственных обязанностей, получению медицинской помощи». Очевидно, что подобные сведения позволяют оценить степень потенциальных угроз государству, обществу и личности и принять на основе этого соответствующее заключение¹³. Кроме того, в этом аспекте угроз национальной безопасности российская специфика опять проявилась в наличии регионального законодательства, регулирующего миссионерскую деятельность, в отдельных субъектах федерации.

пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобами Религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения «Христианская церковь Прославления». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25180/ (дата обращения: 6.06.2019).

¹² Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 N 125-ФЗ (ред. от 01.05.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения 6.06.2019).

¹³ Закон Республики Беларусь № 2054-XII от 17.12.1992 «О свободе совести и религиозных организациях». URL: https://belzakon.net/Законодательство/Закон_РБ/199/2002 (дата обращения 6.06.2019).

Вывод

Подводя итоги, можно сказать, что религиозный фактор в политике безопасности России и Беларуси имеет много схожего, и в первую очередь в контексте внутренних и внешних угроз, стоящих перед государствами. Религиозная безопасность как правовая категория отсутствует в законодательстве двух государств, но связанные с ней вопросы и соответствующие правовые нормы широко представлены в нормативно-правовых документах двух государств. Само же понятие «религиозная безопасность» через угрозы, связанные с религиозной сферой, раскрывается в концепциях и стратегиях национальной безопасности. Однако если в России эволюция смыслового наполнения этих документов коррелирует с новыми вызовами, стоящими перед государством, то в Беларуси подобного не наблюдается. Специфика реакции на угрозы, связанные с религиозной сферой в России, определяется особенностями ее территориального устройства, наличием угроз, связанных с этно-религиозным сепаратизмом, и религиозно мотивированным терроризмом. Среди угроз национальной безопасности, связанных с религиозным фактором, наибольшую актуальность для двух государств представляет угроза религиозного экстремизма, противодействию которой и Россия, и Беларусь уделяют повышенное внимание. Однако в России противодействие этой угрозе более детально регламентируется. В России и Беларуси выработаны механизмы противодействия миссионерской деятельности, представляющей в определенных случаях угрозу для государства. Также во многом схоже два государства артикулируют угрозы потери религиозной идентичности и размывания традиционных духовно-нравственных ценностей.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31297.

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 19-011-31297.

Литература

1. *Кокошин А.А.* Национальные интересы, реальный суверенитет и национальная безопасность // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 5–19.
2. *Козлов С.В.* Юридические механизмы обеспечения религиозной безопасности»: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. 138 с.

3. *Тарасевич И.А.* Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации: Дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2016. 376 с.
4. *Сластилина Ю.В.* Свобода вероисповедания в Российской Федерации: правовое регулирование и обеспечение религиозной безопасности: Дис. ... канд. юрид. наук. Архангельск, 2006. 215 с.
5. *Тонконогов А.В.* Обеспечение духовной безопасности в современной России. М.: Академия управления МВД России, 2011. 211 с.
6. *Носков Ю.Г.* Социально-философский анализ воздействия религиозного фактора на национальную безопасность: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 332 с.
7. *Пыж В.В., Петров С.И.* Религиозный фактор и проблемы обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации // Вопросы политологии. 2018. № 12 (40). С. 1173–1188.
8. *Старостенко В.В.* Религия и свобода совести в Беларуси: очерки истории: монография. Могилев: УО «МГУ им. А.А.Кулешова», 2011. 272 с.
9. *Старостенко В.В.* Религия и свобода совести в контексте реализации идеологии Белорусского государства и обеспечения национальной безопасности // Духовно-нравственные ценности в формировании современного человека. Минск: Белорусская наука, 2011. С. 369–383.
10. Безопасность Беларуси в гуманитарной сфере: социокультурные и духовно-нравственные проблемы / О.А. Павловская [и др.]; под ред. О.А. Павловской. Минск: Беларус. навука, 2010. 519 с.
11. Национальная безопасность Республики Беларусь: Современное состояние и перспективы / Мясникович М.В., Никитенко П.Г., Пузиков В.В. и др. Минск: ИООО «Право и экономика», 2003. 562 с.
12. Национальная безопасность Республики Беларусь / С.В. Зась [и др.]; под ред. М.В. Мясниковича, Л.С. Мальцева. Минск: Беларус. навука, 2011. 557 с.
13. *Якушов С.С.* Национальная безопасность союзного государства Беларуси и России: конституционно-правовые проблемы. М.: Изд-во РГТЭУ, 2006. 199 с.
14. *Якушов С.* Общее и особенное в концепциях национальной безопасности Российской Федерации и Республики Беларусь // Закон и право. 2007. № 8. С. 9–12.
15. *Донцев С. П.* Русская православная церковь и государство на рубеже XX–XXI вв.: проблемы взаимодействия. Москва: РГГУ, 2014. 230 с.

References

1. Kokoshin A.A. National interests, reality of sovereignty, and national security. *Voprosy filosofii*. 2018;10;5-19 [In Russ.]
2. Kozlov S.V. *Mechanisms of Law of providing religious liberty*: Dissertation for Cand. Of Sci. (Law), Rostov-on-Don. 2016. 138 p. [in Russ.]
3. Tarasevich I.A. *Constitutional and law bases of religious liberty of Russian Federation*: Dissertation for Doct. Of Sci. (Law). Tyumen. 2016. 376 p. [In Russ.]
4. Slastilina Yu.V. *Freedom of conscience in Russian Federation: regulation by law and providing of religious security*: Dissertation for Cand. Of Sci. (Law). Archangelsk. 2016. 215 p. [In Russ.]

5. Tonkogolov A.V. *Provision of spiritual security in contemporary Russia*. Moscow: Akademia upravleniya MVD Rossii Publ.; 2011. 211 p. [In Russ.]
6. Noskov Yu.G. *Social and philosophical analysis of influence of religious factor on national one*: Dissertation for Cand. Of Sci. (Law) Moscow. 2000. 332 p. [In Russ.]
7. Pyzh V.V., Petrov S.I. Religious factor and problems of provision of national security in Russian Federation. *Voprosy politologii*. 2018;12(40);1173-1188 [In Russ.]
8. Starostenko V.V. *Religion and freedom of conscience in Belarus: essays on history: monography*. Mogilev: UO "MGU im. A.A. Kuleshova" Publ. 2011. 272 p. [In Russ.]
9. Starostenko V.V. Religion and freedom of conscience in context of realization of ideology of Belorussian state and provision of national security. V: *Moral and Spiritual values in formation of modern man*. Minsk: Belorusskaya Nauka Publ. 2011. P.369-383 [In Russ.]
10. Pavlovskaya OA., ed. *Security of Belarus in sphere of humanities: socio-cultural and religious-moral problems*. Minsk: Belarusskaya navuka. 2010. 519 p. [In Russ.]
11. Myasnikovich M.V., Nikitenko P.G., Puzikov V.V. *National security of Republic of Belarus: contemporary state and perspectives*. Minsk: IOOO "Pravo i ekonomika" Publ.; 2003. 562 p. [In Russ.]
12. Myasnikovich MV., Maltsev LS., eds. *National security of Republic of Belarus*. Minsk: Belarusskaya navuka. 2011. 557 p. [In Russ.]
13. Yakushov S.S. *National security of united state of Belarus and Russia: constitutional and law problems*. Moscow: RGTEU Publ.; 2006. 199 p. [In Russ.]
14. Yakushov S.S. Common and specifics in concepts of national security of Russian Federation and Rebnulic of Belarus. *Zakon i pravo*. 2008;8;9-12. [In Russ.]
15. Dontsev S.P. *Russian Orthodox Church and the state at the turn of XX–XXI centuries: problems of interplay*. Moscow: RGGU Publ. 2014. 230 p. [In Russ.]

Информация об авторе

Сергей П. Донцев, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; ГСП-3, 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; dontsev@gmail.com

Information about the author

Sergei P. Dontsev, Cand. of Sci. (Political Sciences), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, GSP-3, 125993; dontsev@gmail.com

Федеральный проект «Дальний Восток в АТР» на перекрестке интересов местных властей Приморья

Александр А. Зыков

*Дальневосточный федеральный университет, Владивосток,
Россия, sutysh_84@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу соотношения интересов разновеликих акторов в процессе реализации на территории Приморского края проекта развития Дальнего Востока и интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион (далее АТР). Последние 10 лет российское руководство особенно активно старается консолидировать общенациональные усилия по продвижению в АТР. Концентрация на масштабных задачах привела к абстрагированию от перманентно транслируемых конкурентных интересов местного сообщества (Приморье – яркий пример), как следствие – обнажила слабость управленческого потенциала дальневосточной стратегии России. В итоге непоследовательная политика по управлению локальным уровнем власти усугубила социально-политическую обстановку, в первую очередь в тех муниципалитетах края, которые занимают знаковое место в планах развития Дальнего Востока России. Статья обращает внимание на то, что любая деятельность на территории «преломляется сквозь призму» местных условий и испытывает противодействие естественной и социально-политической среды. Игнорирование этого обстоятельства грозит увеличением затрат и усилий на продвижении к желаемой цели.

Ключевые слова: региональное развитие, Дальний Восток России, политические отношения, Приморский край, трансграничный регион, политика, уровни власти

Для цитирования: Зыков А.А. Федеральный проект «Дальний Восток в АТР» на перекрестке интересов местных властей Приморья // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 3. С. 75–84. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-75-84

Federal project “The Far East in the Asia-Pacific Region” at the intersection of interests of local authorities of Primorsky Krai

Aleksandr A. Zykov

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, sunych_84@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the balance of interests of different-sized actors in the process of implementing in the territory of Primorsky Krai as a project for the development of the Far East and Russia's integration into the Asia-Pacific Region (hereinafter the APR). For the past 10 years Russian leadership has been especially actively trying to consolidate national efforts to advance in the APR. Concentration on large-scale tasks simultaneously led to abstraction from the permanently transmitted competitive interests of the local community (Primorye is a vivid example), and, as a consequence, revealed the weakness of the management potential of Russia's Far Eastern strategy. As a result, the inconsistent policy of managing the local level of government exacerbated the socio-political situation, primarily in those municipalities of the region, which occupy a significant place in the development plans of the Russian Far East. The article draws attention to the fact that any activity on the territory is “refracted through the prism” of local conditions and is opposed to the natural and socio-political environment. Ignoring this circumstance threatens to increase costs and efforts to move towards the desired goal.

Keywords: regional development, the Far East of Russia, political relations, Primorsky Krai, cross-border region, politics, levels of power

For citation: Zykov A.A. Federal project “The Far East in the Asia-Pacific Region” at the intersection of interests of local authorities of Primorsky Krai. *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, 2019;3:75-84. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-75-84

Введение

Приморье уже не первое десятилетие представляет собой пространство федерального проектирования. Край находится в авангарде «восточного поворота» внешней и внутренней политики России: в 2012 г. во Владивостоке прошел саммит АТЭС, регион включен в федеральные целевые программы социально-экономического развития Дальнего Востока, здесь ежегодно проходит Восточный экономический форум, реализуются механизмы территориального опережающего развития (ТОР) и Свободного порта [1].

Тема развития Дальнего Востока России и его восточноазиатского вектора сотрудничества не является новой, и несмотря на многочисленность публикаций продолжает наращивать свою актуальность. С момента образования Российской Федерации осколки советской автаркии активно встраиваются в строй интенсивных глобальных политико-экономических связей и их региональных ответвлений. Вызовы, риски и перспективы этого многогранного процесса описали такие административно-политические деятели, как И.С. Иванов [2], В.И. Ишаев [3], В.В. Горчаков [4].

В политологии сложились представления о пределах самостоятельности субнациональных образований, путях и средствах повышения их международного значения, законодательном регулировании и формах политико-экономической деятельности. Проблемы полномочий и механизмы сотрудничества локального уровня власти получили развитие в целом ряде работ российских политологов: И.М. Бусыгиной [5], А.С. Макарьчева [6], Р.Ф. Туровского [7], М.Х. Фарукшина [8], М.Ю. Шинковского [9] и других экспертов. В ряде работ затронут вопрос об ограничении свободы действий регионов рамками политико-правового режима, геополитическими и геоэкономическими обстоятельствами [10;11;12;13].

В условиях ломающегося миропорядка государство ставит целью консолидацию национальных сил для успешного развития региона и повышения потенциала страны в целом. Однако усилия прилагаются не к пустому пространству: за перестроенные годы в Приморье успели сформироваться и укрепиться местные элиты с собственными интересами в освоении региона. Важным представляется анализ сквозь призму интересов разновеликих акторов специфики политических отношений в Приморском крае, сложившейся по ходу продвижения Дальнего Востока России в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Слабое звено дальневосточной стратегии России

По справедливому замечанию историка А.Е. Савченко, эффективность губернатора во все времена определялась его взаимоотношениями с внутрирегиональной периферией, его способностью мобилизовать ресурсы местного сообщества и направить на достижение поставленных задач [14 С. 99].

В связи с этим властям субъектов РФ, в том числе ДВФО, руководство страны поручило до 27 ноября 2014 г. завершить работу по законам о перераспределении полномочий между муниципальным

и региональным уровнями власти¹. В регионах это восприняли как возможность выстроить политическую вертикаль, укрепить власть губернаторов и повысить управляемость территорий. Повсеместно были введены должности глав администраций, работающих по контракту [15].

Однако тренд быстро изменился. В начале следующего 2015 г. была законодательно закреплена новая модель избрания глав городских округов и муниципальных районов. Для предотвращения проявлений коррупции (только за период с 2013 по 2016 г. под уголовные дела попали одиннадцать бывших и действующих мэров и сити-менеджеров из Приморского края²) и повышения эффективности управления территориями был ужесточен механизм отбора кандидатов. Кандидатуры на пост местного главы теперь отбирает комиссия, сформированная на паритетных началах губернатором и местным представительным органом, и только после этого утверждается депутатским корпусом муниципального образования. Согласно новой модели, городской или районный глава также исполняет обязанности главы администрации. С момента вступления в законную силу (с 7 марта 2015 г.) данного порядка избрания в большей части крупных муниципальных образованиях была опробована эта модель (в 22 из 34 городских округов и муниципальных районов). В 2015 г. на конкурсной основе были избраны главы Артема, Шкотовского, Партизанского, Ханкайского, Черниговского, Михайловского и Красноармейского муниципальных районов. В 2016 г. – ЗАТО Фокино, Находки и Спасска-Дальнего, Анучинского, Кировского, Октябрьского и Пожарского районов. В 2017 г. – Владивостока и Лазовского района. В 2018 г. – Находки, Большого Камня, Партизанска и Хасанского района. В 2019 г. – Владивостока, Партизанска, Арсеньева и др.

¹ Губернаторы ДФО побывали на ковре у Трутнева [Электронный ресурс] / Информационное агентство PrimaMedia. URL: <http://primamedia.ru/news/401961/> (дата обращения 20.11.2014).

² Обзор крупных уголовных дел, возбужденных в отношении глав городов и районов Приморья [Электронный ресурс] / Информационное агентство PrimaMedia. URL: <http://primamedia.ru/news/509972/> (дата обращения 03.06.2016).

Обратный эффект политики управления локальным уровнем власти

Однако даже после принятия новой модели локальным элитам удавалось провести своего кандидата на пост главы муниципального образования или заставить понервничать провластного кандидата³. При этом вероятность конфликта между уровнями власти повышалась в зависимости от потенциала территории, занимающей знаковое место в цепи дальневосточной экономики и трансграничных отношений. Так, в публичное пространство вылились демарши местных элит в шести муниципалитетах. Так, глава города – спикер Думы Большого Камня – на протяжении пяти лет саботировал назначение сити-менеджера, контролировал исполняющего обязанности. Проработавшая чуть более года Дума г. Спасска-Дальнего осенью 2015 г. распустилась, чтобы избрать главу по новым правилам. В 2015 г. в Думу Спасского района прошли непарламентские силы, которые пытались назначить своего главу. В 2016 г. был избран не согласованный с губернатором глава г. Находки. В 2019 г. Дума г. Арсеньева, состоящая целиком из членов «Единой России», проголосовала против утвержденного администрацией края, региональным и местным отделением партии и фракцией кандидата на должность главы города. Эта же участь грозила до недавнего времени краевой столице – Владивостоку.

В Большом Камне работает судостроительный ГОР, к тому же на ликвидацию статуса закрытого административно-территориального образования правительство выделило миллиардный трансфер (на период 2015–2017 гг.). Территория Спасска-Дальнего и Спасского района входят в территорию опережающего развития «Михайловский», также здесь расположен единственный на Дальнем Востоке и части Сибири цементный завод (контролируемый И.С. Пушкаревым, бывшим с 2008 по 2017 г. мэром Владивостока). Находка – третий по величине город края – является ключевым логистическим центром. В Арсеньеве расположены авиационный завод «Прогресс» и оборонное предприятие «Аскольд». Т. е. все вышеперечисленные муниципалитеты занимают знаковые места в экономике Дальнего Востока и внешнеэкономических планах России в АТР.

За ресурсы края еще с 1990-х гг. развернулась острая борьба с участием местных и московских промышленных и финансово-экономических групп [16]. В политическом поле эта борьба отра-

³ Мэр Находки замахнулся на властную вертикаль [Электронный ресурс] / Информационное агентство PrimaMedia. URL: <http://primamedia.ru/news/454759/> (дата обращения 12.08.2015).

зилась в перманентном противостоянии губернатора и главы краевого центра, в том числе на концептуальном уровне и в публичном пространстве.

И.С. Пушкарев неоднократно подчеркивал свою роль в развитии Владивостока как центра международных коммуникаций. Привлекались эксперты для развития концепции, выделяющей особую роль города в интеграции России в Восточную Азию; продвигался принцип совместного развития трансграничных территорий, предполагающий создание инфраструктурного кольца вокруг Японского моря (так называемого Приморско-Сахалинского кольца); планировалось расширение международных транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2» за счет создания Владивостокской кольцевой автодороги⁴.

Местные власти на протяжении всей постсоветской истории старались согласовать в Москве многие проекты развития и интеграции. В течение продолжительного времени федеральные власти небезосновательно опасались разрыва экономического пространства, как продолжения дезинтеграции советской социально-экономической и геополитической общности. Сейчас федеральный центр форсирует развитие инфраструктуры, экспортоориентированного производства и сотрудничества с зарубежными партнерами, прежде всего за счет свободного порта Владивосток⁵.

Местные интересы под угрозой замещения

Если затронуть в целом население, то яркой иллюстрацией его настроения может послужить отмена результатов выборов губернатора в сентябре 2018 г. (формально из-за нарушений допущенных командами оппонентов во втором туре), на которых произошла консолидация протестного голосования. Обострение ситуации произошло во время проведения Восточного экономического форума 11–13 сентября 2018 г., что не могло способствовать повышению имиджа России в глазах иностранных партнеров и потенциальных инвесторов. И это не сиюминутный порыв: за последние

⁴ Формат трансграничной агломерации предложили Владивостоку [Электронный ресурс] / Информационное агентство PrimaMedia. URL: <https://primamedia.ru/news/400756/> (дата обращения 14.11.2014).

⁵ Эксперты Приморья по инвестициям просят у власти конкретики по ТОРУ «Надеждинская» [Электронный ресурс] / Информационное агентство PrimaMedia. URL: <http://primamedia.ru/news/economics/20.03.2015/427603/eksperti-primorya-po-investitsiyam-prosyat-u-vlasti-konkretiki-po-toru-nadezhd.html> (дата обращения 20.03.2015).

семь лет край покинули 144 тысячи приморцев. Росстат продолжает фиксировать убыль населения⁶.

При этом важно учесть, что примерно десять лет назад стройки к саммиту АТЭС-2012 способствовали увеличению доли иностранных работников из стран Средней Азии в Приморье (СМИ и эксперты сообщали о въезде 140 тысяч человек). В 6,3 раза выросла численность выходцев из Узбекистана [17 с. 14]. Налицо если не тенденция этнокультурного замещения, то явное увеличение нагрузки по социальной адаптации новоприбывших на местное сообщество.

На площадке Восточного экономического форума неоднократно обсуждали необходимость формирования кадрового капитала региона на основе развития местных трудовых ресурсов. Но пока эффект мультипликатора после начала работы ТОРов и других инициатив не сработал. Малые участники рынка не видят для себя новых возможностей для увеличения заработка или расширения производства⁷.

Заключение

С момента саммита АТЭС во Владивостоке прошло семь лет, а в 2019 г. пройдет пятый Восточный экономический форум, растет число резидентов ТОРов и Свободного порта Владивосток, несмотря на обострение геополитической среды, руководство России систематически продвигает проект освоения Дальнего Востока и активизации трансграничного сотрудничества с АТР. Подходит время демонстрировать достижения поставленных целей, положительную социально-экономическую динамику. Но, как было выше показано, непоследовательная политика управления с локальным

⁶ Развитие Дальнего Востока привело к демографическому взрыву на Кубани [Электронный ресурс] / Информационное агентство Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/2367489.html> (дата обращения 15.01.2018); Миграция в Приморье: печальная статистика [Электронный ресурс] / Сетевое издание VladNews. URL: https://vladnews.ru/2018-10-04/139237/migraciya_primore (дата обращения 04.10.2018); Россияне бегут с Дальнего Востока [Электронный ресурс] / Информационное агентство Deita.ru. URL: <http://deita.ru/ru/news/rossiyane-begut-s-dalnego-vostoka/> (дата обращения 27.01.2019).

⁷ *Абашева Е.* ТОР «Михайловский» принимает по-крупному / Е. Абашева [Электронный ресурс] / газета «Золотой рог». URL: http://www.zrpress.ru/business/primorje_01.06.2016_78049_tor-mikhajlovskij-prinimaet-po-krupnomu.html (дата обращения 01.06.2016).

уровнем власти и игнорирование интересов местного сообщества только усугубляет социально-политическую обстановку, отвлекает ресурсы от поставленной цели. Приморье яркий пример системного характера проблемы несбалансированности отношений между уровнями власти, в результате региональная политика реагирует на ситуативные вызовы и обстоятельства, а не формирует желаемую реальность. Как следствие – социально-политические обострения возникают в муниципалитетах, занимающих знаковое место в планах развития Дальнего Востока России.

Литература

1. Russian's Turn to the East / Ed. by H. Blakkisrud and E. Wilson Rowe. Oslo, Norway: Norwegian Institute of International Affairs, 2018. 117 p.
2. Иванов И.С. Выход регионов на международную арену – отличительная черта нового российского федерализма // Междунар. жизнь. 1999. № 7. С. 15–22.
3. Ишаев В.И. Международное экономическое сотрудничество: региональный аспект. Владивосток: Дальнаука, 1998. 120 с.
4. Горчаков В.В. Стратегия развития приграничных отношений России: взгляд из региона // Таможенная политика на Дальнем Востоке. 2007. № 3. С. 21–29.
5. Бусыгина И.М. Российские регионы в международном сотрудничестве / Современные международные отношения и мировая политика / Отв. ред. А.В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004. С. 963–986.
6. Макарычев А.С. Федерализм и регионализм: европейские традиции, российские перспективы // Полис: Политические исследования, 1994. № 5. С. 152–156.
7. Туровский Р.Ф. Субнациональные регионы в глобальной политике (на примере России) // Полит. исследования. 2011. № 2. С. 99–117.
8. Фарукишин М.Г. Субъекты Федерации в международных отношениях // Полит. исследования. 1996. № 1. С. 48–56.
9. Шинковский М.Ю. Российский регион: становление политического режима в условиях глобализации. Владивосток: ДВФУ, 2000. 336 с.
10. Азиатские соседи России: взаимодействие в региональной среде / Институт экономики РАН. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2016. 200 с.
11. Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-тихоокеанского региона: колл. монография / Под ред. А.Б. Волынчука. Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. 626 с.
12. Россия в АТР: роль, интересы и приоритеты обеспечения региональной безопасности и ускоренного экономического развития: монография / Под ред. С.В. Севастьянова. Владивосток: ДВФУ, 2016. 240 с.
13. Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия / Под ред. В.Л. Ларина. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. 386 с.
14. Савченко А.Е. Может ли Дальний Восток стать локомотивом модернизации страны? (Перспективы региона в контексте его новейшей истории) // История

- и культура дальневосточной России и стран АТР: XII всерос. науч. конф. молодых ученых, 19–21 апреля 2010 г., Владивосток: тезисы / Отв. ред. Ю.В. Латушко, И.В. Ставров. Владивосток, ИИАЭ ДВО РАН, 2010. С. 99–101.
15. *Сурначева Е.* Закон сохранения выборов. Российских регионов, сохранивших выборность мэров, оказалось меньше двух десятков // *Коммерсантъ/Власть*. 2014. № 49. С. 18.
 16. *Шинковская Н.В.* Городское самоуправление в современной России: границы возможного (запрограммированная девиантность владивостокского опыта) // *Полит. наука*. 2008. № 3. С. 197.
 17. *Сердюк М.Б.* Приморская умма: изменения в национальном и этноконфессиональном составе на протяжении 150 лет // *Приморская умма: история формирования и проблема современного развития: Сборник материалов научно-практического семинара*. Владивосток: Мор. гос. ун-т им. адм. Г.И. Невельского, 2013. С. 11–14.

References

1. Blakkisrud H., Wilson Rowe E., eds. *Russian's Turn to the East*. Oslo, Norway: Norwegian Institute of International Affairs, 2018. 117 p.
2. Ivanov IS. The output of the regions on the international arena – a distinctive feature of the new Russian federalism. *International affairs*. 1999;7:15-22. (In Russ.)
3. Ishaev VI. *International economic cooperation: regional dimension*. Vladivostok: Dalnauka Publ.; 1998. 120 p. (In Russ.)
4. Gorchakov VV. Strategy of development of Russian border relations: view from the region. *Customs policy of Russia in the Far East*. 2007;3:21-9. (In Russ.)
5. Busygina IM. Russian regions in international cooperation. V: Torkunov AV., ed. *Modern international relations and world politics*. Moscow: Prosveshcheniye Publ.; 2004. 963-986 p. (In Russ.)
6. Makarychev AS. Federalism and regionalism: European traditions, Russian prospects. *Polis: Political studies*. 1994;5:152-56. (In Russ.)
7. Turovsky RF. Sub-national regions in global politics (on the example of Russia). *Polis: Political studies*. 2011;2:99-117. (In Russ.)
8. Farukshin MG. Subjects of the Federation in international relations. *Polis: Political studies*. 1996;1:48-56. (In Russ.)
9. Shinkovsky MY. *The Russian region: the formation of a political regime in the context of globalization*. Vladivostok: FESU Publ.; 2000. 336 p. (In Russ.)
10. Toloray G., ed. *Asian Neighbor of Russia: Cooperation in a Regional Context*. Moscow: Dashkov and K° Publ.; 2016. 200 p. (In Russ.)
11. Volynchuk AB., ed. *Geopolitical potential of cross-border cooperation between the countries of the Asia-Pacific region*. Vladivostok: Dalnauka Publ.; VGUES Publ.; 2010. 626 p. (In Russ.)
12. Sevastyanov SV., ed. *Russia in the Asia-Pacific region: the role, interests and priorities of regional security and accelerated economic development*. Vladivostok: FEFU Publ.; 2016. 240 p. (In Russ.)
13. Larin V.L., ed. *Integrating Pacific Russia into the North Pacific region: experience and potential of regional and cross-border cooperation in the beginning of the XXI century*. Vladivostok: IHAЕ FEB RAS, 2017. 386 p. (In Russ.)

14. Savchenko AE. Can the Far East become the engine of the country's modernization? (Prospects of the region in the context of its recent history). V: Latushko YV., Stavrov IV., eds. *History and culture of Far Eastern Russia and Asia-Pacific countries: XII Russian scientific conference of young scientists, 19-21 April 2010, Vladivostok: abstracts*. Vladivostok: IHAЕ FEB RAS Publ.; 2010. p. 99-101. (In Russ.)
15. Surnacheva E. The law of preservation of elections. Russian regions that have preserved the election of mayors, was less than two decade. *Kommersant" Vlast'*. 2014;49:18. (In Russ.)
16. Shinkovskaya NV. Urban self-government in modern Russia: the limits of the possible (programmed deviance of the Vladivostok experience). *Politicheskaya nauka*. 2008;3:194-223. (In Russ.)
17. Serdyuk MB. Ummah of Primorsky Krai: changes in national, ethnic and religious composition of over 150 years. V: *Ummah of Primorsky Krai: history of formation and the problem of modern development: Collection of materials of scientific-practical seminar*. Vladivostok: Maritime state University Publ.; 2013. p. 11-4. (In Russ.)

Информация об авторе

Александр А. Зыков, соискатель, Восточный институт – Школа международных и региональных исследований Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия; 690091, Россия, г. Владивосток, ул. Суханова, д. 8; sunych_84@mail.ru

Information about the author

Alexander A. Zykov, applicant, Institute of Oriental studies – School of Regional and International studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; bld. 8, Sukhanova str., Vladivostok, Russia, 690091; sunych_84@mail.ru.

Трансформация политической элиты России
на рубеже XX–XXI вв.
в условиях внешнеполитической конфронтации

Антон И. Емельянов

*Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, anton.politolog@ya.ru*

Аннотация. В статье изучаются вопросы трансформации политической элиты в Российской Федерации на рубеже веков. Автором рассмотрена внутривнутриполитическая ситуация и ее влияние на процессы эволюции политической власти, а также смену политической элиты в связи с уходом с должности Президента России Б.Н. Ельцина. Выдвигается гипотеза, что политические преобразования в России оказали влияние не только на внутреннее развитие страны, но и на ее позиции на международной арене, а политический курс, выбранный администрацией В.В. Путина, ставит своей целью защиту суверенитета страны и реализацию ее национальных интересов. В завершении статьи автор делает вывод, что современная политическая элита является следствием эволюции советской номенклатуры и ее синтеза с близким окружением первых лиц государства, которые подавляющую часть своей профессиональной карьеры проработали в структурах государственной безопасности, а ее основными целями стали единство страны, бескровная передача власти, неприкосновенность частной собственности, а также политическая и социально-экономическая стабильность. Кроме того, автором сделано предположение о том, что Россия будет развиваться в рамках курса, проложенного действующим Президентом России, в долгосрочном ключе независимо от того, кто сменит его в должности в обозримом будущем.

Ключевые слова: внешняя политика, внутренняя политика, государственное управление, демократический транзит, политическая элита, Россия

Для цитирования: Емельянов А.И. Трансформация политической элиты России на рубеже XX–XXI вв. в условиях внешнеполитической конфронтации // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 3. С. 85–98. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-85-98

Transformation of political elite of Russia at the turn of 20th – 21st centuries in terms of external political confrontation

Anton I. Emelianov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, anton.politolog@ya.ru

Abstract. The article examines the transformation of the political elite in the Russian Federation at the turn of the century. The author studies the internal political situation and its influence on the processes of political power, as well as the change of political elite in connection with the resignation of the President of Russia Boris N. Yeltsin. It is hypothesized that the political changes in Russia had an impact not only on the internal development of the country, but also on its position in the international arena, and the political course chosen by the administration of V. Putin aimed to protect the sovereignty of the country and the realization of its national interests. At the end of the article the author concludes that the modern political elite is the result of the evolution of the Soviet nomenclature and its synthesis with the close environment of the first persons of the state, who have worked in the structures of state security, and its main objectives were the unity of the country, bloodless transfer of power, inviolability of private property, as well as socio-economic and political stability. In addition, the author suggests that Russia will develop within the framework of the course laid by the current President of Russia in the long term, regardless of who will replace him in office in the foreseeable future.

Keywords: domestic policy, democratic transit, foreign policy, political elite, public administration, Russia

For citation: Emelianov AI. Transformation of political elite of Russia at the turn of 20th – 21st centuries in terms of external political confrontation. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, 2019;3:85-98. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-85-98

Введение

В конце XX в. политическая ситуация в России была неопределенной, а дальнейшее развитие политической системы было трудно прогнозируемым. С момента формирования и становления Российской Федерации страна пережила не одну волну демократизации и либерализации. В результате снижения темпов экономического развития и падения уровня жизни происходило закономерное ослабление политических позиций центральной власти, а рейтинг

действующего на тот момент Президента России был критически низким. На этом фоне шло бурное развитие капиталистической общественно-экономической модели, происходило сращивание капитала с властью разных уровней [1 с. 510]. В данной ситуации набирали политический вес оппозиционные политические партии. Как подчеркивали социологи: «...активизировались политические и экономические элиты, которые не были заинтересованы в смене политической системы, а стало быть, и изменении внутреннего и внешнего политического курса» [2 с. 30].

Поиск преемника

В условиях политической и экономической турбулентности страна нуждалась в программном курсе, ориентированном на сохранение целостности государства и улучшение жизни граждан до соответствующего уровня. В этой ситуации политологи и различные эксперты прогнозировали победу сторонников возвращения к принципам активного участия государства в рыночных отношениях. Ярким представителем этого лагеря был Е.М. Примаков. На его стороне был парламент страны, в котором ему оказывали поддержку КПРФ и депутаты-одномандатники, что давало им большинство в парламенте и позволяло блокировать принятие важных решений президентом страны, а сам Е.М. Примаков был более политически активным, нежели Б.Н. Ельцин, и пользовался популярностью среди электората и части политических элит.

За свою карьеру Е.М. Примаков успел побывать кандидатом в члены ЦК КПСС, директором Службы внешней разведки Российской Федерации, Министром иностранных дел и Председателем Правительства Российской Федерации. И даже несмотря на свой почтенный возраст (70 лет) давал фору многим политикам того времени.

В этой ситуации действовавшая власть не имела другого варианта, как поиск нового кандидата на пост президента, чтобы не допустить пересмотра итогов приватизации и судебного разбирательства в отношении Б.Н. Ельцина, против которого в конце прошлого века в парламенте была инициирована процедура импичмента. Администрация Президента России приложила значительные усилия по продвижению своих интересов, чтобы убедить парламентариев не голосовать за инициацию этой процедуры. Главой Администрации Президента в тот момент времени был А.С. Волошин. Он был инициатором всех начинаний властей по сохранению статус-кво в политической и экономической сферах.

В своих поисках Администрация проявляла вариативность, пыталась сделать ставку на разных политиков, например, мэра Москвы Ю.М. Лужкова. Но этот вариант себя не оправдал, так как мэр не ассоциировал себя с действующей администрацией и выбрал свой дальнейший политический путь. Он создал политическую партию «Отечество» (в дальнейшем «Отечество – вся Россия», или ОВР), чтобы укрепить свое влияние в Государственной Думе Российской Федерации. Политической кампанией этой партии руководил В.В. Володин. Таким образом, сформировался оппозиционный лагерь, в числе которого были Е.М. Примаков, М.Б. Ходорковский, В.А. Гусинский и др. Кроме того, оппозиционные силы пользовались поддержкой верхней палаты парламента, т. е. регионов страны.

Противовесом со стороны властей стал В.В. Путин, который занимал на тот момент должность директора Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Пройдя политический отбор и заняв должность Председателя Правительства Российской Федерации, В.В. Путин получил возможность проявить себя на фоне появившихся резонансных инфоповодов, например, активизации чеченских боевиков в Республике Дагестан и взрывах жилых домов в Москве. Рейтинг нового государственного деятеля стал расти.

Определившись с выбором преемника, который отвечал установленным требованиям, появилась задача по созданию ему поддержки из стен парламента. Для того, чтобы поддержка нового кандидата в президенты исходила также из стен парламента, была создана новая политическая партия «Единство», лидером которой стал С.К. Шойгу. Заручившись необходимой информационной поддержкой от государственных каналов телевидения в лице Б.А. Березовского, прогосударственная партия заняла второе место на выборах в Государственную Думу и сумела образовать фракцию, объединив депутатов-одномандатников. Возглавлял политическую кампанию В.Ю. Сурков, который смог выстроить стратегию для достижения нужных результатов.

После выборов в парламент рейтинг В.В. Путина достигал 30 %, в то время как Е.М. Примакова готовы были поддержать 20 % избирателей [2 с. 31]. Неопределенность была развеяна с уходом в отставку Б.Н. Ельцина. Исполняющим обязанности президента стал В.В. Путин, а внеочередные выборы должны были быть назначены на март 2000 г. Это подразумевало, что Е.М. Примаков не сумеет догнать и опередить на выборах своего оппонента, который на его фоне выглядел более выигрышным кандидатом в глазах общественности в силу более юного возраста, амбиций и прочих факторов. В результате Е.М. Примаков принял решение не баллотироваться на пост президента. Закончился же самый серьезный

этап политической карьеры Е.М. Примакова изменением расстановки сил в парламенте, когда сторонники партии «ОВР» перешли в лагерь «Единства», и Е.М. Примаков не сумел получить позицию спикера парламента, на которую рассчитывал. Через полгода он покинул Государственную Думу, тем самым уйдя с главных ролей на политической арене. В результате выборов победу предсказуемо одержал В.В. Путин.

Мировая политика

Следующим этапом начинавшего президентскую карьеру народного избранника стало признание на международной политической арене. В. Путин провел встречи на высшем уровне с Т. Блэром в Санкт-Петербурге и Москве, затем отправился с рабочим визитом в Лондон. В 2000 г. Президент отметился выступлением на Генеральной ассамблее ООН, где выступил пятым по счету после президента США Б. Клинтона, который открывал съезд тысячелетия своим выступлением. Ввиду того что президентство Б. Клинтона подходило к концу, большие надежды наше руководство возлагало на Дж. Буша-мл. [3]

Политический дискурс того времени содержал в себе явное стремление политической элиты продолжать развитие по европейскому пути, строить либерально-демократическое государство. Знаковыми событиями 2000 г. стали заявления В.В. Путина о закрытии военных баз Камрань во Вьетнаме и Лурдес на Кубе. Мировая общественность увидела в этом шаге желание Москвы идти по пути десоветизации своего прошлого и встроиться в мировую капиталистическую систему. Отчасти это было так, хотя де-факто руководство исходило из соображений прагматизма, т. к. ни центр по радиолокационной разведке, ни военно-морская база не использовались по прямому назначению, но отнимали у российского бюджета огромные средства на их содержание.

В дальнейшем внешнеполитический курс начал менять свое направление. Это было вызвано тем, что США стали проводить более агрессивную политику в Евразии (военные операции на Ближнем и Среднем Востоке, Центрально-Азиатском регионе; осуществлялось давление на Россию через международные организации, МВФ, «Парижский клуб» и др.). Решающим моментом стала развязанная США война против иракского лидера С. Хуссейна, который воспринимался российской общественностью и политической элитой как легитимный лидер [4].

Внутренняя политика

На фоне бурного мирового экономического роста и резко возросшей цены на энергетические носители бюджет России впервые за долгое время стал профицитным, что позволило досрочно рассчитаться по внешним займам, обременяющим российский бюджет. Для улучшения социально-экономической обстановки были проведены необходимые реформы, в том числе введение плоской шкалы налогообложения, разработка налогового кодекса, что способствовало оздоровлению экономики, а также увеличению благосостояния населения. В политической сфере была проведена реформа верхней палаты Федерального Собрания Российской Федерации, в которой на места губернаторов пришли представители регионов, по одному от исполнительной и законодательной ветвей власти. Администрация Президента справедливо посчитала, что сохранение подобного института с прежними функциями создаст давление на недостаточно закрепившегося национального лидера. Реформа снижала политический вес Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и его влияние на принятие важных решений. Кроме того, эту реформу можно назвать шагом в сторону «управляемой демократии», при которой повышался контроль над регионами, снижалось влияние лоббистских групп, тормозивших проведению ряда реформ.

Затем был запущен процесс по уменьшению влияния оппозиционных сил, а также ряда прозападных СМИ, что, впрочем, было более показательным актом, нежели целенаправленным. Учитывая жесткость информационной войны, развязанной федеральным телеканалом НТВ против кандидата в президенты В.В. Путина, а также долги телеканала перед кредиторами, в том числе перед банками с государственным участием, объектом политического воздействия стал и сам В.А. Гусинский. Российский олигарх согласился передать свой канал в государственную собственность, после чего покинул Россию и начал кампанию по обличению действующих властей, их якобы неправомерной политики по приватизации государственных активов. Репутации В.В. Путина был нанесен удар, хотя и не столь сильный, учитывая достижения нашего лидера на мировой арене.

В результате этого во внутренней политике произошли изменения, которые охватили ряд сфер. Во-первых, произошла смена роли бизнеса во внутренней политике: вместо активного участия в политических процессах бизнес занял роль наблюдателя. Те, кто не смог или не захотел принять новые правила игры, были отстранены от управления стратегическими предприятиями. При этом степень вовлечения государства в рыноч-

ные отношения увеличилась. На места олигархов пришел новый вид собственников, которые, в отличие от поколения приватизаторов, не принимали активного участия в политической жизни.

Во-вторых, произошла монополизация самых прибыльных отраслей экономики, которые стали контролироваться через государственные компании. Эти компании исправно платили налоги за использование природных богатств, и эти средства стали основой фонда национального благосостояния и резервного фонда Российской Федерации.

В-третьих, административный ресурс перестал играть ключевую роль в принятии политических решений. В то же время повысился статус «силовиков» и бывших сотрудников спецслужб в контексте влияния на внутривластные решения.

В-четвертых, начался процесс поиска сплачивающей национальной идеи, которая бы могла включить в себя компоненты православия, патриотизма, поддержку сильного лидера и единства страны. Основной опорой новой власти стали «бюджетники». Эта опора является самой массовой и в то же время сильно финансово-зависимой от госбюджета. В такой ситуации в случае прекращения выплаты зарплат расстановка сил на политической арене может измениться.

Изменения политической системы страны

К концу первого срока президентства В.В. Путина должны были пройти парламентские выборы, на которых угрозу пропрезидентской партии «Единая Россия» представляла КПРФ. В противовес им было создано синтетическое объединение национально-патриотического толка «Родина». Имевшие ранее влияние и потерявшие материальную поддержку либеральные партии в результате потеряли свои места в Государственной Думе нового созыва.

После ухода в отставку В.В. Волошина место главы Администрации Президента занял Д.А. Медведев. Одной из первых его инициатив стала реформа Администрации, которая носила скорее структурный характер, при сохранении всех действующих лиц, но изменении названий их должностей. Также был принят закон «О государственной службе», который повторял по своей сути Табель о рангах Петра I Великого, цель которого заключалась в создании иерархии в системе государственной гражданской службы. С этого же времени начался рост государственного аппарата и числа государственных служащих.

В свою очередь, должность Председателя Правительства Российской Федерации занял М.Е. Фрадков, который провел правительственную реформу, сократив число вице-премьеров, министров и министерств, но значительно увеличив число федеральных агентств в рамках министерств (вместо шести вице-премьеров оставался один, вместо 23 министерств – 14).

Политологи подчеркивают, что «в рамках программы по укреплению национального единства руководству страны не были нужны неуправляемые региональные лидеры, которые могли поставить свою личную политическую борьбу выше национальных интересов страны» [5]. В этой связи произошло еще одно изменение во внутренней политике нашей страны – состоялась отмена выборов глав регионов. Теперь они назначались указом президента. Это стало изменением политической системы страны в целом, формы государственного устройства России в частности, и наша страна фактически стала унитарной [6].

Новые вызовы и угрозы на мировой арене

Во внешней политике назревали противоречия: Россия не могла найти поддержку со стороны мировой общественности для сдерживания расширения НАТО и предотвращения приближения этого блока к своим границам, что создавало и продолжает создавать напряженность в двустороннем диалоге. Ответом на размещение элементов системы ПРО в Европе стало разветвление российских ракет на территории Калининградской области. Активное участие США в поддержании геополитической напряженности в Средней Азии и на Ближнем Востоке привело к распространению исламского фундаментализма, цель которого заключается в создании халифата, в том числе за счет территории России. В активную фазу входит обсуждение вопроса о приравнивании нацизма и коммунизма, что было начато уже сразу после окончания Второй мировой войны [7].

Деятельность США и их союзников по созданию нового кольца сдерживания вокруг России не осталась без ответных российских мер. Поиск союзников привел к активизации переговоров с Китаем, Венесуэлой и другими государствами-членами ШОС, БРИКС и др. Во избежание газового шантажа со стороны нового правительства Украины и других стран было объявлено о создании Северного и Южного потока для обеспечения коридора для поставки российского газа, т. е. доходов в российский бюджет.

Таким образом, из-за своей внешнеполитической деятельности в XXI в. Россия осталась для англосаксонской цивилизации,

а также государств, идентифицирующих себя с указанной цивилизационной общностью, врагом «номер один».

Особенно резко это стало проявляться после того, как на Украине произошла «оранжевая» революция, за проведением которой были отмечены группировки идеологически обработанной молодежи. На Украине молодежная организация называлась «Пора», а в Грузии, власть которой также не смогла устоять перед натиском оппозиционных прозападных групп, существовало объединение «Кмара» (с груз. «Хватит»). Именно оно привело к власти М. Саакашвили. Таким образом, на территории постсоветского пространства произошли государственные перевороты: Грузия (2003), Украина (2004), Киргизия (2005) и др. Стоит отметить, что подобная практика смещения правительств показала свою эффективность и продолжает применяться в разных частях света.

Ответом В.В. Путина на эти и другие события стала его знаменитая речь 2007 г. на Мюнхенской конференции по безопасности, где он заявил о несогласии России быть ведомой в мировом политическом процессе. В идеологическом плане В.В. Путин отметил, что в 2007 г. сумел выступить посредником в объединении Русской православной церкви (Московского патриархата) и Русской православной церкви за рубежом, что ознаменовало окончание раскола, вызванного Октябрьской революцией 1917 г. [8].

В результате было принято решение действовать на опережение и создать молодежные организации патриотического толка, например, движение «Наши», молодежную организацию «Молодая гвардия» и др. Это движение стало флагманом антипротестной доктрины, которая должна была предотвратить выступления антиправительственных сил.

В связи с тем, что одну из ключевых ролей в событиях на Украине играли неправительственные организации, спонсировавшие протестующих, а именно Freedom House, Human Rights Watch, Amnesty International, USAID, «Врачи без границ», их деятельность на территории России была ограничена. Ограничение проявилось в принятии закона о статусе «иностранный агент» для зарубежных компаний, осуществляющих социально-политическую деятельность на территории России в интересах других государств. Таким образом, они были включены в реестр организаций, чья деятельность в России считалась опасной [9].

Тем не менее политические действия властей России можно расценивать больше как реагирование на раздражители, нежели следование определенному плану действий. Данное предположение объясняется тем, что программа действий обозначенная в начале президентства В. В. Путина не нашла своей полной реализации,

оставляя стратегическую инициативу геополитическим оппонентам нашей страны.

На этом фоне в стране начала развиваться «суверенная демократия». Именно так эту идею назвал главный идеолог Кремля В.В. Сурков. Согласно этой модели демократии Россия находится в окружении воинственной к нам англосаксонской цивилизации, которая видит своей целью уничтожение российского суверенитета, ее дробление и установление внешнего управления. Таким образом, она стала доработанной версией модели «управляемой демократии» А.С. Волошина.

Президентство Д.А. Медведева

В преддверии выборов 2008 г. В.В. Путин имел возможность пойти на третий срок президентства, но, не желая нарушать Конституцию и придерживаясь принципа легитимности, им было принято решение не баллотироваться. В дальнейшем, после победы на выборах, Д.А. Медведев предложил В.В. Путину возглавить Правительство России. Далее, в целях сохранения достигнутых результатов, планировалось создать несколько рычагов давления на политические процессы внутри страны. Во-первых, на должность президента требовался человек, от которого ожидалось уступчивость, координация в действиях и минимальная инициативность. Вторым рычагом влияния должен был стать подконтрольный парламент. В этой связи были проведены изменения в избирательной системе, в частности, была усложнена процедура регистрации политических партий, повышен минимальный барьер для прохождения в Госдуму (с 3 % до 7 %), выборы должны были отныне проходить не по смешанной, а по пропорциональной системе, что подразумевало голосование списками. Все это гарантировало относительную безопасность в переходный период [10].

Для поддержания секретности в ходе подготовки к выборам 2008 г. не было изначально объявлено, кто станет преемником В.В. Путина. Так, в Правительстве России на первый план выдвинулись два новых человека, Д.А. Медведев и С.Б. Иванов. Они являлись противовесами и одновременно давали В.В. Путину место для маневра, но в результате Президентом стал Д.А. Медведев.

Долгое время в тандеме Президента России и Председателя Правительства России было четкое распределение ролей, но эта идиллия прекратилась весной 2011 г., когда Д.А. Медведев повел себя недальновидно во время «ливийского кризиса». В результате председатель правительства В.В. Путин сделал внушение Президенту Д.А. Медведеву, на которое последний ответил встречным

выпадом. На него В.В. Путин не отреагировал, но отметил для себя подобную реакцию. На этом фоне выглядела подозрительной активная деятельность Д.А. Медведева в сети Интернет, которая становилась главной площадкой для политического дискурса в стране. Собирая армию поддержки, Д.А. Медведев мог стать противовесом В.В. Путину во время президентской компании 2012 г. Такой формат поддержки в лице «фолловеров» из числа пользователей была восполнена проектом по созданию Народного фронта. Этот проект В.В. Володина, созданный с целью укрепить позиции В.В. Путина накануне выборов, нашел поддержку у избирателей и показал его популярность, в том числе Д.А. Медведеву. Если он испытывал трудности в поиске поддержки, то в Народный фронт вступали целые рабочие коллективы и профсоюзы.

Альтернативой этому проекту стала партия, которая появилась практически на пустом месте и получила популярность благодаря своему новому лидеру и меценату. Политическая партия «Правое дело» представляла собой новую политическую партию правого уклона, программа которой была подстроена под либеральные круги российской элиты. Считалось, что в решающий момент эта партия должна была перейти под контроль Д.А. Медведева и стать его платформой в преддверии выборов президента. В этой небольшой битве победу одержал В.В. Путин и его политические союзники. Во время съезда Единой России 24 сентября 2011 г. В.В. Путин объявил о стабильности тандема перед предстоящими выборами [11].

В результате Д.А. Медведев сумел остаться в команде В.В. Путина. Вероятно, это объясняется тем, что, несмотря на все шероховатости, Д.А. Медведевым была выполнена его главная задача – «сделать рокировку» через четыре года. Он с этой задачей справился. В то же время началась кампания по ликвидации всех инициатив Д.А. Медведева, которые оказались негативно восприняты В.В. Путиным и его политическим штабом, в т. ч. изменение количества часовых поясов и др. Это является подтверждением выражения, которое появилось в эпоху В.В. Путина, что «за плохую работу не увольняют – увольняют за нелояльность».

В результате политических преобразований во внутренней политике нашей страны были созданы заделы для дальнейшего развития России как демократического государства:

1. Политическая система страны стала более закрытой, сохраняя в то же время гибкость под влиянием внутреннего и внешнего политического давления.

2. Отсутствие вариативности и иногда излишний патернализм компенсируется относительной экономической и политической стабильностью на фоне турбулентности в мировой политике.

3. Отсутствие политической идеологии восполняется идеей патриотизма, который должен стать шагом по формированию новой национальной идеи России.

4. Поддержка президента большинством населения является «щитом» от открытой агрессии Запада в отношении России, как это было в 2008 г., когда вооруженные силы Грузии атаковали российских миротворцев, находившихся на линии разграничения между грузинскими территориями с Абхазией и Южной Осетией в соответствии с мандатом СНГ и Сочинским соглашением 1992 г. .

В то же время несменяемость элит и слабость социальных лифтов способствует возникновению клановости и трайбализма, что создает условия для борьбы за власть в случае отсутствия единого кандидата на должность преемника В.В. Путина, а следовательно, ведет к политической напряженности в середине XXI в.

Сложившаяся ситуация во внутренней политике и высокий авторитет института президентства привели к тому, что Россия вернулась на мировую политическую арену в качестве сильного и активного актора. В последнее время были обнародованы «Стратегия национальной безопасности» и «Концепция внешней политики», в которых изложена позиция России как сторонницы мирного разрешения противоречий, нерушимости принципов Устава ООН, а также цивилизационного многообразия в мире.

Таким образом, можно говорить о том, что после дезинтеграции СССР Российская Федерация в качестве его правопреемницы сумела приостановить распад страны и демографический спад путем невероятных затрат. Политическая изоляция, увеличивающееся число санкций, рост военного бюджета западных государств и их политика по дискредитации нашего лидера и всей страны в целом, а также преследование граждан нашей страны и арест их счетов подразумевает новый виток напряженности во взаимоотношениях наших государств. Данная ситуация будет стимулировать диверсификацию отношений нашей страны с Китаем, Индией и другими странами. Тем не менее несмотря на заверения в близости России и указанных стран не стоит забывать, что «друзья познаются в беде», что можно увидеть во время голосований в стенах ООН, где Россия часто оказывается в кольце врагов и «друзей» одновременно. Для достижения значимых результатов необходимо развивать внутреннюю и внешнюю политику, отталкиваясь от четко прописанной стратегии, которая поможет России закрепиться на мировой арене, а также поддерживать социально-политическую и экономическую стабильность внутри страны, что имеет первостепенное значение на фоне смены политических элит и транзита власти, а также выбора преемника.

Литература

1. Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть: Две истории одной страны: Россия на изломе тысячелетий: 1985–2005. М.: АСТ, 2007. 554 с.
2. Бойков В.Э. Установки сознания и политические предпочтения избирателей // Социология власти. 1999. № 4. С. 28–35.
3. Глобальные вызовы XXI века – геополитический ответ России / Под ред. И.И. Халеевой. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. 318 с.
4. Белозёров В.К. Истоки и перспективы глобального американского проекта // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. № 1. С. 126–134.
5. Аль-Дайни М.А. Манипулятивные идеологии: методологические и политологические аспекты проблемы // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2009. № 2. С. 110–118.
6. Медведев Р.А. Владимир Путин: четыре года в Кремле. М.: Время, 2005. 656 с.
7. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
8. Михалев Ю.А. Безопасность в современном мире // Безопасность Евразии. 2009. № 3. С. 403–405.
9. Гимазова Ю.В., Знаменский Д.Ю., Омельченко Д.А., Харичкин И.К. Взаимодействие государства и социально ориентированных некоммерческих частных организаций. М.: Государственный университет управления, 2015. 191 с.
10. Медведев Р.А. Дмитрий Медведев: Двойная прочность власти. М.: Время, 2009. 288 с.
11. Татарникова Н.Ю., Харичкин И.К. Политический имидж политической элиты сквозь призму электоральных предпочтений // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. № 4. С. 89–94.

References

1. Pikhoya RG. Moscow. Kremlin. Power. Two histories of one country. Russia at the turn of the millennium: 1985–2005. Moscow: AST Publ.; 2007. 554 s. [In Russ.]
2. Boikov VEh. Settings of conscience and constituents' preferences. 1999;4:28-35. [In Russ.]
3. Khaleeva II., ed. Global challenges of XXI century – geopolitical answer of Russia: a monograph. Moscow: MGLU Publ.; 2012. 318 s. [In Russ.]
4. Belozerov VK. Origins and prospects of global American project // *Problemyi analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*. 2015;1:126-34. [In Russ.]
5. Al'-Daini MA. Manipulative ideologies: methodological and political aspects of the problems. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*. 2009;2:110-18. [In Russ.]
6. Medvedev RA. Vladimir Putin: four years in Kremlin. Moscow: Vremya Publ.; 2005. 656 s. [In Russ.]
7. Arendt Kh. Origins of totalitarianism. Moscow: TsentrRKOМ Publ.; 1996. 672 s. [In Russ.]
8. Mikhalev YuA. Security in modern world. *Bezopasnost' Evrazii*. 2009;3:403-5. [In Russ.]

9. Gimazova YuV., Znamenskii DYu., Omel'chenko DA., Kharichkin I.K. Cooperation of state and socially oriented non-commercial private organizations. Moscow: Gosudarstvennyi universitet upravleniya Publ.; 2015. 191 s. [In Russ.]
10. Medvedev RA. Dmitri Medvedev. Double durability of power. Moscow: Vremya Publ.; 2009. 288 s. [In Russ.]
11. Tatarnikova NYu., Kharichkin IK. Political image of political elite through a lens of electoral preferences. *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya)*. 2012;4:89-94. [In Russ.]

Информация об авторе

Антон И. Емельянов, кандидат политических наук, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1; anton.politilog@ya.ru

Information about the author

Anton I. Emelianov, Cand. of Sci. (Political Science), Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 38, Ostozhenka str., Moscow, Russia, 119034; anton.politilog@ya.ru

Культура толерантности и историческая память: столкновение противоположностей в современном польском обществе

Николай А. Медушевский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; lusk5659@yandex.ru*

Аннотация. Современное европейское общество сегодня часто представляют как гармоничное и объединенное высокими ценностями права и толерантности. Данные качества часто противопоставляются в прессе консерватизму, религиозности, ксенофобии и маргинализации, которые распространены в обществах Ближнего Востока, Африки и даже на постсоветском пространстве. Тем не менее обращение к анализу региональных европейских социальных и политических практик демонстрирует выраженную специфику развития отдельных государств, включенных в состав Европейского союза.

В данной статье особое внимание уделяется ситуации, сложившейся в Республике Польша после ее вступления в ЕС в 2004 г. Показательно, что изначально включившись в интеграционный процесс на общих для Европейского союза условиях, с течением времени и под воздействием экономического и миграционного кризисов Польша в последние годы все сильнее отходит от толерантной европейской традиции. Это находит свое выражение, в первую очередь, в политической риторике, которая сводится к популистским тезисам, заявлениям о недопустимости принятия мигрантов, христианстве как основе общественных отношений, спасении традиционной Европы и т. д. В то же время политический популизм в Польше небеспочвен. Он основан на мощной социальной поддержке, которая, в свою очередь, обусловлена формами исторической памяти поляков, связанных с историей их государства в XX в. и в более ранний исторический период. Так, множество политических и военных кризисов польской истории создали мощный потенциал нетерпимости к различным национальным и этническим группам, в числе которых евреи, цыгане, украинцы, русские, немцы и др. Именно эти формы исторической ксенофобии в условиях современных проблем европейской интеграции начинают резонировать в польском национальном сознании, противопоставляя традиционное польское общество идеям толерантности и диалога.

© Медушевский Н.А., 2019

Ключевые слова: толерантность, историческая память, политика памяти, антисемитизм, ксенофобия

Для цитирования: Медушевский Н.А. Культура толерантности и историческая память: столкновение противоположностей в современном польском обществе // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 3. С. 99–111. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-99-111

Culture of tolerance and historical memory: the collision of opposites in modern Polish society

Nikolai A. Medushevskii

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia; lucky5659@yandex.ru*

Abstract. Modern European society today is often presented as homogenous and united by highly valued law and tolerance. These values are often contrasted in mainstream media with conservatism, religiosity, xenophobia, and marginalization, which are common in the societies of the Middle East, Africa, and even in the Post-Soviet space. Nevertheless, an appeal to the analysis of regional European social and political practices demonstrates pronounced specifics of the development of individual states-members of the European Union.

This article focuses on the situation in the Republic of Poland after it joined the EU in 2004. It is significant that, having initially joined the integration process on conditions common to the European Union, over time and under the influence of economic and migration crises, Poland, in recent years, is steadily moves away from the tolerant European tradition. This is firstly reflected in political rhetoric which boils down to populist thesis, such as statements about the inadmissibility of accepting migrants, Christianity as the basis of social relations, saving traditional Europe, etc. At the same time, political populism in Poland is not groundless. It is rooted in powerful social support, which, in turn, is based on the forms of historical memory of the Poles associated with the history of their state in the XX century and in an earlier historical period. Many political and military crises of Polish history have created a powerful potential for intolerance towards various national and ethnic groups, including Jews, Roma, Ukrainians, Russians, Germans, etc. It is these forms of historical xenophobia that begin to resonate within the Polish national consciousness, contrasting traditional Polish society with the ideas of tolerance and dialogue in the face of modern problems of European integration.

Keywords: tolerance, historical memory, memory policy, anti-Semitism, xenophobia

For citation: Medushevskii NA. Culture of tolerance and historical memory: the collision of opposites in modern Polish society. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, 2019;3:99-111. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-99-111

Введение

В 2019 г. исполняется 15 лет с тех пор, как Республика Польша стала членом Европейского союза. По историческим меркам – это достаточно короткий срок, однако для данной страны он представляется крайне важным. Эта значимость обусловлена многовековым путем исторического развития польского государства, на протяжении которого данная страна стремилась к политической независимости и европейскому признанию. Географически являясь частью Европы, Польша неоднократно становилась объектом раздела более крупных государств, а в XX в., уже обретя свою независимость, страна более чем на 40 лет стала частью социалистического мира, ориентированного во многом на неестественные для Польши просоветские коллективистские ценности.

В конечном итоге снова обретя независимость, уже в конце 1980-х гг., Республика Польша приложила огромные усилия для европейской интеграции и искоренения советского наследия. Тем не менее сегодня, по прошествии 15 лет европейской интеграции, в стране все громче звучат слова о необходимости пересмотра правил интеграции, о ценности исторической памяти нации, которую следует защищать, и об исторической ответственности других государств за те проблемы, с которыми сегодня сталкивается республика.

В условиях нарастающей волны дискуссий и многоаспектной критики возникает вопрос о том, чего хотят польские политики и польское общество и как они видят будущее государства через призму его прошлого. Ответ на данный вопрос может дать лишь многосторонний анализ исторической памяти польского общества, основанный на широком разнообразии источников.

Социальный климат

Одним из важнейших источников, отражающих реальное положение вещей в любой стране, выступает общественное мнение. Несмотря на то что Польша является демократическим государством, можно было бы предположить, что определенные действия по моделированию национальной политики памяти исходят исключительно от политиков и продиктованы их корыстными

интересами. Тем не менее обращение к статистической информации показывает, что это не вполне верно.

Одним из вопросов, на которых мы особо концентрируем внимание, является уровень толерантности в польском обществе. Обращение к толерантности неслучайно, так как, во-первых, толерантность является ключевой парадигмой европейской интеграции и представляет своего рода язык универсального европейского общения [1], а во-вторых, толерантность является средством преодоления исторических противоречий, которые когда-то раскалывали общество по этническому, религиозному и иным признакам [2].

Характеризуя уровень толерантности польского общества, следует отметить, что он достаточно низок по европейским меркам. Это, к примеру, демонстрирует сравнение статистических показателей разгара миграционного кризиса в Европе. Тогда, в 2015 г., Польша продемонстрировала один из самых низких показателей лояльности не только к мусульманам (хотя страна не была затронута потоком беженцев), но и к евреям и цыганам, которые исторически проживали на данной территории. В соответствии со статистикой, 48% польских респондентов не хотели бы жить рядом с цыганами, 56% выступили против мусульман и 28% не хотели бы видеть своими соседями евреев¹.

Возможно на тот момент общественные настроения подогревались политической антиэмигрантской риторикой, которая в 2015–2016 гг. как раз достигла своего апогея. Возникает вопрос, почему эти настроения продолжают сохраняться и сегодня. На их сохранение, в частности, указывают различные интервью польских политиков западным СМИ. Так, к примеру, польский законодатель Доминик Тарчинский в откровенном интервью о миграционном кризисе настаивал на том, что правительство его партии «Право и справедливость» не брало и не возьмет ни одного нелегального мигранта, потому что таково было обещание его партии электорату. На уточняющий вопрос он ответил следующим образом:

Мы взяли более двух миллионов украинцев, которые работают, которые являются мирными... Мы не возьмем ни одного мусульманина, потому что это то, что мы обещали... вот почему было избрано наше правительство, вот почему Польша в такой безопасности, вот почему у нас не было ни одного теракта².

¹ Stokes B. Faith in European Project Reviving. Pew research. 02.06.2015 URL: <https://www.pewglobal.org/2015/06/02/faith-in-european-project-reviving/> (дата обращения 14.05.2019).

² Polish Official: “We Will Not Receive Even One Muslim” in Poland. New America. 05.07.2018. URL: <https://www.thenewamerican.com/world-news/>

В другой статье, опубликованной в *Washington Times*, американский журналист Д. Пайпс делится своими впечатлениями от польской провластной риторики. В частности, он приводит в пример слова польского премьер-министра Матеуша Моравецкого, который сделал экстраординарное заявление о том, что он и его правительство (партия «Право и справедливость») хотят «преобразовать [Европейский союз], чтобы заново его христианизировать»:

Я обнаружил, что решающим является то, что поляки видят огромные ошибки своих западных соседей и решают не повторять их... По мере того как страны, начиная с Италии, пытаются контролировать свои границы и изгонять нелегальных мигрантов, получая напряженность, восстания и насилие, Польша (и ее бывшие соседи по советскому блоку) переживут этот кризис и могут принять мигрантов уже из Западной Европы³.

Здесь можно констатировать, что не партия правых популистов «Право и справедливость» формирует мнение общества, а сам электорат создает запрос на сохранение стабильности, в том числе за счет ограничения толерантных практик. В данной связи показательна уже более современная статистика, характеризующая текущий уровень толерантности в Польше⁴.

По данным американского аналитического *Pew Research Center*, развитие исламофобской и антисемитской проблематики неслучайно и имеет социальные корни. Аналитики констатируют, что, к примеру, не более 70% поляков приняли бы евреев как соседей или сограждан. Почти каждый пятый поляк (18%) говорит, что не хотел бы принимать евреев в качестве граждан своей страны, и также пятая часть граждан (20%) заявляет, что не хотела бы иметь еврейских соседей. Более 30% респондентов говорят, что не приняли бы еврея в свою семью⁵.

europe/item/29454-polish-official-we-will-not-receive-even-one-muslim-in-poland (дата обращения 14.05.2019).

³ *Pipes D.* Poland's Muslim Ban. *Washington Times*. 01.07.2018. URL: <http://www.danielpipes.org/18402/poland-muslim-ban> (дата обращения 14.05.2019).

⁴ *Masci D.* Most Poles accept Jews as fellow citizens and neighbors, but a minority do not. *Pew research*. 03.28.2018. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/03/28/most-poles-accept-jews-as-fellow-citizens-and-neighbors-but-a-minority-do-not/> (дата обращения 14.05.2019).

⁵ *Stokes B.* Faith in European Project Reviving. *Pew research*. 02.06.2015. URL: <https://www.pewglobal.org/2015/06/02/faith-in-european-project-reviving/> (дата обращения 14.05.2019).

Несмотря на достаточно агрессивные заявления, которые приводит Pew Research Center, польские источники заявляют о позитивной динамике в отношении восприятия евреев поляками⁶. Как следует из национального исследования, с 1994 по 2017 гг. в Польше противоборствовали две тенденции. В соответствии с одной из них изменялся уровень симпатии к еврейскому меньшинству, а с другой – менялся уровень антипатии (обиды). В 2017 г. уровень антипатии составил 26% от общего числа респондентов, а уровень симпатии около 37%⁷.

Такие показатели все равно демонстрируют раскол общества и констатируют высокий уровень антисемитизма. Тем не менее польские аналитики отмечают, что существующие показатели в целом положительны, на что указывает общая структура ксенофобии польского общества, в которой еврейское меньшинство занимает только седьмое место, о чем заявляет польский Fundacja Centrum Badań Opinii Społecznej. Первые позиции в данной иерархии отводятся арабам (59% населения относится к ним с наибольшей антипатией), цыганам (50%), туркам (42%), румынам (35%), русским (38%) и украинцам (32%)⁸.

Показательно, что польские аналитики рассматривают проблему ксенофобии примерно в том же ракурсе, что и западные, на что указывают данные американского Pew Research Center. В их отчете, в частности, констатируется, что примерно четверо из десяти взрослых поляков говорят, что не хотели бы, чтобы мусульмане были гражданами их страны (41%), их соседями (43%) или членами их семьи (55%). Кроме того, по крайней мере трое из десяти поляков не приняли бы цыган в качестве сограждан (30%), соседей (38%) или членов семьи (49%)⁹.

⁶ *Sawka N.* Antysemityzm w Polsce: Co nam mówią dane? SONAR. 31.01.2018. URL: <http://sonar.wyborcza.pl/sonar/7,156422,22965715,antysemityzm-w-polsce-co-nam-mowia-dane.html?disableRedirects=true> (дата обращения 14.05.2019).

⁷ Там же.

⁸ Stosunek do innych narodów. KOMUNIKATzBADAŃ NR 21/2017. Warszawa, 02.2017. URL: https://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2017/K_021_17.PDF (дата обращения 14.05.2019).

⁹ *Masci D.* Most Poles accept Jews as fellow citizens and neighbors, but a minority do not. Pew research. 03.28.2018. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/03/28/most-oles-accept-jews-as-fellow-citizens-and-neighbors-but-a-minority-do-not/> (дата обращения 14.05.2019).

Таблица 1

Изменения уровня ксенофобии поляков
к представителям других народов 1993–2017 гг.¹⁰

НАРОД	Показания респондентов по датам исследования																							
	'93	'94	'95	'96	'97	'98	'99	'01	'02	'03	'04	'05	'06	'07	'08	'10	'11	'12	'13	'14	'15	'16	'17	
Американцы	9	13	10	9	6	10	12	14	12	17	20	24	16	21	18	16	19	16	21	21	17	17	13	
Англичане	16	20	17	13	12	16	15	18	15	19	17	19	15	14	15	12	16	15	15	20	15	16	16	
Арабы	-	-	-	-	-	-	-	-	54	60	59	70	66	55	49	43	42	46	-	-	-	-	67	59
Литовцы	43	43	33	31	30	34	29	24	24	26	21	31	24	22	17	15	19	23	25	27	22	27	20	
Немцы	53	45	38	31	30	39	39	36	31	38	34	38	33	39	32	28	27	24	28	30	22	26	22	
Цыгане	-	75	73	70	71	69	64	56	60	61	56	65	58	59	51	47	49	50	52	55	58	67	50	
Русские	56	59	59	57	53	55	57	47	43	49	53	61	47	46	41	31	34	33	39	42	50	50	38	
Румыны	66	68	68	70	66	66	63	56	55	58	54	62	52	51	40	35	40	39	41	45	43	47	35	
Словаки	27	27	22	21	22	26	21	15	17	20	16	26	18	15	13	11	11	10	13	15	12	13	10	
Турки	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	53	48	46	37	31	33	37	35	38	36	45	42	
Украинцы	65	66	63	60	60	59	58	49	48	51	34	50	42	39	31	29	33	32	33	33	32	34	32	
Венгры	18	21	14	16	16	20	15	15	14	19	13	25	18	16	13	10	12	13	16	17	14	17	12	
Евреи	51	47	45	41	41	48	49	47	46	47	45	50	45	40	32	27	31	29	34	33	32	37	26	

¹⁰ Stosunek do innych narodów. KOMUNIKATzBADAŃ NR 21/2017. Warszawa, 02.2017. URL: https://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2017/K_021_17.PDF (дата обращения 14.05.2019).

Таким образом, сегодня антисемитизм в польском обществе можно рассматривать как бытовой и обусловленный исторической преемственностью. Однако он получает новый статус и новое выражение, сливаясь с другими категориями социальной нетерпимости, и в данной связи, возможно, представляет наибольшую опасность, так как исторические обиды общества под воздействием нового политического контекста получают вторую жизнь и создают комплексный импульс социальной ксенофобии.

Современный антисемитизм и политика памяти

Несомненно, что современные проявления антисемитизма имеют глубокие исторические корни. Евреи проживали на территории Польши на протяжении столетий, но после Второй мировой войны, а затем после распада СССР и открытия границ большинство из тех, кто пережил войну, эмигрировали. На сегодняшний день по разным оценкам еврейская община Польши насчитывает от 7¹¹ до 12¹² тыс. человек. Только каждый пятый поляк заявляет, что он когда-либо имел личные контакты с евреями. В таких условиях возникает вопрос: почему «еврейский вопрос» до сих пор будоражит польское общество? Ответ на данный вопрос связан именно с политической памяти, и именно с тем негативным образом, который был сформирован исторически.

Одним из ключевых вызовов, которые до сих пор будоражат польское общество, стали работы Яна Томаша Гросса – польского эмигранта еврейского происхождения, который подробно описал роль поляков в геноциде евреев, фактически открыв новую страницу в изучении репрессий периода Второй мировой войны. В числе его работ следует назвать «Соседи: История уничтожения еврейского местечка» [3], «Fear: Anti-Semitism in Poland After Auschwitz» [4], «Golden Harvest» [5] и др.

Кроме того, и в этом основная суть провокации Гросса, в интервью немецкому СМИ он заявил, что «во время немецкой оккупации поляки убили больше евреев, чем немцев». Высказывание было

¹¹ Postrzeżanie Żydów i stosunków polsko-żydowskich. KOMUNIKAT-zBADAN NR 112/2015 Warszawa, 09.2015. URL: https://www.cbos.pl/SPI-SKOM.POL/2015/K_112_15.PDF (дата обращения 14.05.2019).

¹² *Sawka N.* Antysemityzm w Polsce: Co nam mówią dane? SONAR. 31.01.2018. URL: <http://sonar.wyborcza.pl/sonar/7,156422,22965715,antysemityzm-w-polsce-co-nam-mowia-dane.html?disableRedirects=true> (дата обращения 14.05.2019).

частью публикации на сайте проекта Project Syndicate¹³ и привело к расследованию в отношении автора и предложению лишить его государственных наград.

Причина, по которой слова Гросса получили такой общественный и политический резонанс, на наш взгляд, связана с тем, что польская историческая память, ориентированная на Европу и европейские ценности, очень уязвима. Фактически она констатирует уязвленный характер польской государственности, которая пострадала от нацизма и от коммунизма, и в данном ключе требует поддержки, признания, защиты и реабилитации, но никак не компромата, который диссонирует с высокими целями «спасения Европы», о которых, к примеру, заявлял Матеуш Моравецкий. В данной связи естественным выглядит и «Закон о клевете»¹⁴, принятый польским парламентом в 2018 г. Данный закон можно обозначить как продукт реализации правой политики, начатой партией «Право и справедливость» еще в 2015 г.

Данный закон интересен тем, что он запрещает обвинять поляков как нацию в участии в Холокосте, совершенных нацистской Германией, и в том числе называть концентрационные лагеря на территории Польши польскими лагерями. В соответствии с вышеупомянутым законом законодательство предусматривало тюремное заключение сроком до трех лет за ложное приписывание преступлений нацистской Германии Польше, однако впоследствии были внесены смягчающие изменения.

Показательно, что президент страны представил данный закон как попытку защитить репутацию страны от искажения исторического прошлого, сославшись на практики других стран, включая законы, криминализирующие отрицание Холокоста.

Многочисленные оговорки президента и других политиков о том, что закон не направлен на защиту отдельных поляков, помогавших нацистам, не убедили критиков из США и Израиля в справедливости принятого акта и вызвали острую внутривнутриполитическую дискуссию. В частности, Славомир Нойманн из Центристской партии «Гражданская платформа» обвинил президента Польши

¹³ Польская прокуратура допросила профессора Принстона из-за статьи об убийстве евреев в Польше. Yahoo News. 14.04.2016. URL: <https://meduza.io/news/2016/04/14/polskaya-prokuratura-doprosila-professora-prinstona-iz-za-stati-ob-ubiystve-evreev-v-polshe> (дата обращения 14.05.2019).

¹⁴ *Gera V., Scisłowska M.* Polish president signs law barring some Holocaust speech. Associated Press 06.02.2018. URL: <https://www.chicagotribune.com/news/nationworld/ct-poland-holocaust-bill-20180206-story.html> (дата обращения 14.05.2019).

Анжея Дуду в том, что он поддался давлению националистов и антисемитов и заявил, что его подписание «углубляет дипломатический кризис»¹⁵. Фактически за несколько дней после принятия закона антисемитская риторика переместилась в основное русло польской политики и стала достоянием широкой общественности, причем из теоретического измерения перешла в практическое. В частности, остро встал вопрос о том, что Польша не должна и не будет платить компенсации за предвоенную еврейскую собственность, конфискованную нацистами, так как евреи лишились этой собственности по вине Германии.

Сенатор от правящей партии Ежи Червински заявил, что «мы знаем, что еврейские круги, в том числе американские, но в основном государство Израиль, пытаются получить реституцию имущества или хотя бы компенсацию»¹⁶, усугубив этим заявлением разгоревшийся из-за закона о клевете дипломатический кризис.

Неудивительно, что после принятия закона о клевете резко вырос уровень публичного антисемитизма, однако статистические исследования его показателей за 2018–2019 гг. пока отсутствуют. Тем не менее можно говорить о проведении или попытках проведения различных националистических шествий, направленных на противостояние с Израилем и демонстрацию антисемитской позиции¹⁷.

Истинная причина польской ксенофобии

Несмотря на рост антисемитизма и демонстративные шаги власти против традиционного взгляда на Холокост, сегодня нельзя однозначно заявлять, что польская идентичность неразрывно связана с идеями антисемитизма. Скорее наоборот, сообщества меньшинств, проживавших до середины XX в. на территории Польши,

¹⁵ Gera V., Scisłowska M. Polish president signs law barring some Holocaust speech. Associated Press 06.02.2018. URL: <https://www.chicagotribune.com/news/nationworld/ct-poland-holocaust-bill-20180206-story.html> (дата обращения 14.05.2019).

¹⁶ Gera V., Scisłowska M. Polish president signs law barring some Holocaust speech. Associated Press 06.02.2018. URL: <https://www.chicagotribune.com/news/nationworld/ct-poland-holocaust-bill-20180206-story.html> (дата обращения 14.05.2019).

¹⁷ Karpieszuk W. Wojewoda zamyka ulicę przed ambasadą Izraela. ONR i MW odwołują pikietę. Wyborcza.pl 31.01.2018 URL: <http://warszawa.wyborcza.pl/warszawa/7,54420,22963844,demonstracja-narodowcow-przed-ambasada-izraela-ma-byc-blokada.html> (дата обращения 14.05.2019).

стали фактором консолидации польской нации, в том числе через идею борьбы, сопротивления и, в ряде случаев, отрицания прав отдельных групп.

Такая точка зрения находит свое подтверждение в современных статистических исследованиях, которые, в том числе, подчеркивают, что шесть из десяти поляков (57%)¹⁸ заявляют о приоритете моноэтнического и монорелигиозного общества над обществом этнического, религиозного или культурного разнообразия.

Религия, и в данном случае католицизм, в формировании польского национального самосознания занимает особое место. Так, 64% поляков также связывают свою религию с национальной идентичностью, говоря, что важно быть католиком, чтобы быть «настоящим поляком»¹⁹. Более того, в современной Польше крепнет и идея о национальной приоритетности, что очевидно вступает в диссонанс с идеями европейской интеграции и принципом плюрализма. Около 55% поляков согласны с утверждением: «наш народ несовершенен, но наша культура превосходит другие»²⁰, что является очевидным мостом к ксенофобии и принижению социального статуса иных социальных групп.

Таким образом, приведенные данные, собранные различными польскими и международными аналитическими центрами, демонстрируют общий рост польского национализма, индикаторами которого, в свою очередь, становятся проблемы как исторического характера (например, проблема сосуществования поляков и евреев), так и новые, современные проблемы, обусловленные участием страны в международных политических блоках и альянсах. Подобная комплексность проблемы и ее многосторонний характер дают основания предполагать, что рост ксенофобии и национализма – это не только проблема современной Польши, но и фактор, оказывающий влияние на многие страны региона, которые, как и Польша, пытаются защитить свой международный статус и отстаивать свое право на историческое прошлое.

Здесь показательно исследование американского Pew Research Center, аналитики которого предполагают, что ситуация является

¹⁸ Masci D. Most Poles accept Jews as fellow citizens and neighbors, but a minority do not. Pew research. 03.28.2018. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/03/28/most-poles-accept-jews-as-fellow-citizens-and-neighbors-but-a-minority-do-not/> (дата обращения 14.05.2019).

¹⁹ Masci D. Most Poles accept Jews as fellow citizens and neighbors, but a minority do not. Pew research. 03.28.2018. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/03/28/most-poles-accept-jews-as-fellow-citizens-and-neighbors-but-a-minority-do-not/> (дата обращения 14.05.2019).

²⁰ Там же.

общей для 17 стран Центральной и Восточной Европы²¹, большинство из которых ранее относились к социалистическому лагерю, и которые после 1991 г. вынуждены были включаться в политическую игру на условиях стран Запада. Таким образом, вопрос отношения к евреям и проявления бытового антисемитизма фактически становится лакмусовой бумагой, отражающей наличие в обществе определенной неудовлетворенности восприятия собственного исторического прошлого ввиду его противоречивости и наличия в нем определенных неприятных воспоминаний.

Вывод

Подводя итог данной статье, следует отметить, что Польша на современном этапе европейского развития занимает специфическое и во многом уникальное положение. Вполне очевидно, что европейский интеграционный процесс в том виде, в каком он представлялся в начале 1990-х гг., не состоялся и вряд ли в принципе был возможен. Слишком различны оказались страны, принятые в «европейскую семью» после второй волны интеграции. Более того, многие из них, в том числе и Республика Польша, не смогли мириться со статусом стран-сателлитов, которые должны следовать в фарватере большой европейской политики. Таким образом, неслучайно, что в Польше, как и во многих других странах Восточной Европы, в последние годы заметен ренессанс национальной истории, которая все больше трактуется через конфликты и противоречия исторического характера. Здесь следует упомянуть и разделы Польши, и немецкую оккупацию, и пакт Молотова-Риббентропа, и годы в составе Варшавского блока. Все это сегодня трактуется с позиции «упущенной выгоды» как совокупность факторов, обеспечивших несправедливый статус Польши на мировой арене. Как следствие, историческая память, а точнее ее негативные образы, начинает противопоставляться идеям примирения и толерантности, суть которых – сохранение текущего статуса Польши как одной из многих второстепенных стран ЕС, чья историческая идентичность постепенно растворяется в универсальных западных ценностях.

²¹ Там же.

Литература

1. *Медушевский Н.А.* Основы толерантности и правовой культуры. М.: ЛЕНАНД, 2014. 408 с.
2. *Ковтун С.П.* Толерантность в контексте политики и культуры: размышления над идеями С. Жижекa // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2015. № 6. С. 140–148.
3. *Гросс Я.Т.* Соседи: История уничтожения еврейского местечка. М.: Текст, 2002. 155 с.
4. *Gross J. T.* Fear: Anti-Semitism in Poland After Auschwitz. New York: Random House, 2006. 320 p.
5. *Gross J. T., Grudzińska-Gross I.* Golden Harvest. New York: Oxford University Press, 2012. 160 p.

References

1. Medushevskii NA. Fundamentals of Tolerance and Legal Culture. Moscow: LENAND Publ.; 2014. 408 p. [In Russ.]
2. Kovtun SP. Tolerance in the context of politics and culture: reflections on the ideas of S. Zizek // *Bulletin of Udmurt University. Series "Economics and Law"*. 2015;6:140-48. [In Russ.]
3. Gross JT. Neighbors: The story of the destruction of the Jewish town. Moscow: Text Publ.; 2002. 155 p. [In Russ.]
4. Gross JT. Fear: Anti-Semitism in Poland After Auschwitz. New York: Random House, 2006. 320 p.
5. Gross JT., Grudzińska-Gross I. Golden Harvest. New York: Oxford University Press, 2012. 160 p.

Информация об авторе:

Николай А. Медушевский, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; ГСП-3, 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; lucky5659@yandex.ru

Information about the author:

Nikolay A. Medushevskii, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, GSP-3, 125993; lucky5659@yandex.ru

Современное востоковедение и международные отношения

УДК 327.7(574)

DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-112-123

Инициативы Казахстана в рамках ЕАЭС (2015–2018 гг.)

Ирина Е. Ханова

*Кандидат философских наук,
доцент кафедры стран постсоветского зарубежья РГГУ,
Москва irkh_76@mail.ru*

Аннотация. В данной статье предпринята попытка проанализировать конкурентные преимущества Казахстана в рамках ЕАЭС, инициативы Казахстана по созданию Международного Финансового Центра в Астане, что особенно актуально в связи с введением финансово-экономических санкций против РФ. Статья также рассматривает инициативы реализации проекта «Великий Шелковый Путь», а также реализацию технологии блокчейн в рамках ЕАЭС и те результаты, которые получает Республика Казахстан от данного проекта. Рассмотрены вопросы, связанные с развитием международной арбитражной системы, необходимостью введения единой электронной валюты в рамках ЕАЭС на согласованных участниками правилами.

Ключевые слова: современное состояние, перспективы развития, Республика Казахстан, ЕАЭС, международный финансовый центр, великий шелковый путь, технологии блокчейн

Для цитирования: Ханова И.Е. Инициативы Казахстана в рамках ЕАЭС (2015–2018 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 3. С. 112–123. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-112-123

Kazakhstan's initiatives within the Eurasian economic Union (2015–2018)

Irina E. Khanova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia; irkh_76@mail.ru*

Abstract. An attempt was made to analyze the competitive advantages of Kazakhstan within the in the EEU, discussed Kazakhstan's initiative to establish an International Financial Center in Astana, which is especially important in connection introduction of economic and financial sanctions against the Russian Federation; the initiatives of the project "Great silk Road" and the implementation of blockchain technology in the framework of the EAEU and the results that accrue to the Republic of Kazakhstan from the project. The issues related to the development of the international arbitration system, the need for the introduction of a single electronic currency within the EAEU on the rules agreed by the participants.

Keywords: current state, prospects of development, Republic of Kazakhstan, EEU, international financial center, great silk way, technologies blockchain

For citation: Khanova IE. Kazakhstan's initiatives within the Eurasian economic Union (2015–2018). *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, 2019;3:112-123. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-112-123

Введение

В современном мире инвестиции страны являются инструментом реализации национальных интересов. Государство выполняет функцию мощного экономического агента, которое располагает огромным потенциалом в сфере влияния на экономические процессы.

Ниже рассмотрим возможности Республики Казахстан, которые реализуются в рамках его участия в региональном интеграционном объединении ЕАЭС.

Создание МФЦ в Астане

XVI съезд партии «Нур Отан» (март 2015 г.) ознаменовался предложением президента страны Нурсултана Назарбаева серии реформ, которые будут способствовать модернизации государственной системы, ставить во главу угла правовую систему, закон-

ность, повышать конкурентоспособность страны, ее экономический рост, способствовать укреплению казахстанского национального самосознания [1]. В рамках государственной стратегии «100 конкретных шагов», которую выдвинул Назарбаев, было предложено создание Международного финансового центра (МФЦА/AIFC). В мае 2015 г. Президент издал указ «О Международном финансовом центре «Астана», который создавался по модели доказавшего свою эффективность международного финансового центра в ОАЭ (Дубай). Отметим, что «...ОАЭ очень быстро достигли высот в международном бизнесе, продолжают стремительное развитие и превращаются в один из мировых финансовых центров»¹. ОАЭ отличаются эффективной стабильной экономикой, сотрудничают с лондонским, нью-йоркским, гонконгским рынками капитала, а DIFC – это один из наиболее успешных проектов в стране. В 2004 г. Рашид Аль Мактум, премьер-министр ОАЭ, создал DIFC, когда подписал декрет об учреждении Финансового Центра. Сейчас можно говорить об успехе этого финансового центра, поскольку он занимает свою позицию в первой двадцатке среди мировых финансовых центров. В современном мире сейчас около 90 таких центров, причем самые развитые расположены в Великобритании, США, Японии, Канаде, Сингапуре и др.

5 июля 2018 г. в рамках Международной финансовой конференции Astana Finance Days в Конгресс-центре «Экспо» прошла церемония официального открытия Международного финансового центра «Астана» (МФЦА) – финансового хаба, который должен стать крупнейшим в регионе ЕАЭС и Центральной Азии поставщиком финансовых услуг. Ключевой особенностью МФЦА является юрисдикция общего английского права, являющаяся привычной и удобной для инвесторов; для резидентов действует льготный налоговый режим. Все это будет создавать удобную и комфортную среду для международного бизнеса, который Казахстан рассчитывает привлечь в регион.

Республика Казахстан столкнулась с необходимостью формирования МФЦА, поскольку на фоне снижения темпов экономического роста и цен на нефть в мире экономике республики требуются новые механизмы защиты от внешних колебаний, в связи с чем необходимо обеспечить привлечение международного капитала [2]. Потому основной миссией МФЦА является обеспечение содействия роста несырьевых экономических секторов. Среди иностранных эмитентов также привлекательными являются компании стран бывшего

¹ О Международном финансовом центре «Астана»: Конституционный закон Республики Казахстан от 7 декабря 2015 года № 438-V ЗРК // Ведомости Парламента РК. 2015. № 24. Ст. 175.

Советского Союза. В случае, если проведение IPO в РК для зарубежного предприятия обойдется недорого в сравнении с Шанхаем или Лондоном, удастся привлечь данный сегмент:

Чтобы претендовать на звание мирового финансового объединения, Астане необходимо привлекать международные капиталы с движением по валютным, кредитным, финансовым операциям, осуществлять сделки с ценными бумагами и золотом. В настоящее время данным требованиям соответствуют МФЦ: Париж, Лондон, Нью-Йорк, Токио, Люксембург, Франкфурт-на-Майне, Цюрих, Сянган, Сингапур. Дополнить этот список может Астана².

Астана может быть центром притяжения для стран-членов СНГ, поскольку обладает уникальным географическим расположением и фактическим устранением такого конкурента, как Россия, в связи с введением против нее различных финансово-экономических ограничений со стороны стран Запада, прежде всего в банковском секторе. Так как данные ограничения в виде санкций введены в отношении РФ, Республика Казахстан получает ощутимые конкурентные преимущества.

Регион Центральной Азии сегодня подвержен значительным изменениям как в политике, так и в экономике, меняется инфраструктура, привлекаются иностранные инвестиции, в связи с чем растет необходимость в новых финансовых хабах мирового уровня в этом регионе. В настоящий момент выходит на новый уровень экономика Узбекистана. Для развития стран региона огромное значение будет иметь вовлечение в китайский проект «Один пояс – Один путь», который будет способствовать росту товарооборота между странами и в целом развитию Центрально-Азиатского региона.

Говоря о Казахстане и России, следует отметить, что у обеих стран много общего. Казахстан и Россия являются членами Евразийского экономического союза, в рамках которого предпринимают значительные инициативы и усилия по укреплению интеграционного потенциала, пытаются находить возможности для преодоления сырьевой направленности экономики обеих стран. МФЦА активно налаживает контакты с Евразийской экономической комиссией, принимает и участвует в обсуждении единого финансового рынка ЕАЭС. Также разрабатываются различные механизмы сотрудничества с международными финансовыми центрами.

² Тулиндина Ж. МФЦ «Астана»: финансовый оазис в казахстанских степях? URL: <http://ia-centr.ru/expert/24312/> (дата обращения 15.10.2018).

Формирование МФЦ – это выбор развития сложного современного рынка, который способен привлекать внутренние и внешние инвестиции для экономики страны и предоставлять бизнесу России и других стран финансовые услуги на мировом уровне.

Дискуссии о перспективах формирования финансового центра в Астане, которые ведут профессиональные участники фондового рынка, содержат мнение о решении в первую очередь проблем финансовой системы страны, а также о достижении перечня важнейших задач:

- радикальная модернизация финансовой сферы и ее опережающего развития по сравнению с другими сферами экономики, которое должно быть четко структурировано со следующими областями – банки, страховые компании, банки, фондовые биржи;
- формирование и развитие товарных бирж в Казахстане, которые торгуют производными от экспортных контрактов – газ, металл, нефть, зерновые и т. д.;
- создание инвестиционного поведения у граждан страны и их финансовой грамотности для достижения стабильности доходов среднего класса, развития накопительной системы пенсионного обеспечения и расширения границ среднего класса; трансформация Астаны в первый город глобального уровня.

Приведенные задачи связаны между собой, хотя каждой присущ собственный алгоритм, согласно которому она может быть решена. Следовательно, решение каждой задачи предполагает собственные ресурсы, инструменты, сроки и распределение ответственности. В краткосрочной перспективе целесообразно осуществить их структурирование и распределять их согласно государственным программам и проектам. Иначе может произойти размывание цели формирования МФЦ узкопрофильными и ведомственными подходами.

Остается актуальным среднесрочное определение целей, которое касается увеличения темпов развития фондового рынка Казахстана:

Следует выделить задачи создания регионального международного финансового центра, поскольку это является первой ступенью становления, в форме отдельной программы, рассчитанной на период от 5 до 7 лет. Данная программа представляет собой стимул реализации конкретных действий для создания финансового центра в Астане³.

³ Азеев А.И., Аверьянов М.А., Евтушенко С.Н., Кочетова Е.Ю. Цифровое общество: архитектура, принципы, видение // Экономические стратегии. 2017. Т. 19. № 1 (143). С. 114.

Также путем составления данной программы будет облегчено использование существующих масштабных наработок в рассматриваемом направлении: консолидация инфраструктуры рынка, увеличение количества участников фондовых операций, формирование вертикально интегрированного биржевого холдинга, расширение состава инструментов, обеспечение решений на законодательном уровне и т. п. Также важным является отражение в программе вопросов стимулирования индивидуального инвестирования и развития пенсионной системы накопительного характера с обязательной и добровольной составляющей, в качестве самостоятельного финансового института.

Международный финансовый центр реализует свою главную функцию – привлекает в национальную экономику значительные дополнительные частные инвестиции, что не должно быть тесно связано с внутренней конъюнктурой.

Развитие международной арбитражной системы AIFC: потенциал и перспективы развития

В Указе о создании международного финансового центра «Астана» говорится о том, что в данном процессе обязательно сформировать систему финансовых судов, привлекать высоко квалифицированный состав судей из других стран и в судопроизводстве использовать английский язык. Все эти меры должны способствовать достижению максимально эффективного и справедливого разрешения возникающих инвестиционных споров. Также президентом обозначена важность исследования полученного в ОАЭ опыта в отношении работы МФЦА.

В Казахстане МФЦА формируется в соответствии с DIFC, потому инвестиционные споры – это предмет разбирательств независимого арбитража с судьями из разных стран. Вынесение решений должно основываться с учетом применения англосаксонской правовой системы, т. е. на имеющихся прецедентах, а именно уже вступившие в силу решения судов DIFC, Англии. Назначение судей нужно основывать на информации об опыте и репутации каждого претендента.

Стратегия «100 конкретных шагов»:

Современное государство для всех предполагает формирование для МФЦА соответствующего международного арбитражного центра, который будет создаваться по аналогии с дубайским арбитражем DIFC-LCIA. Опыт работы международного финансового центра в Дубаи позволяет применять на территории Казахстана

основы английского арбитражного регламента, который считается эффективным, и использовать услуги иностранных арбитров в работе международного арбитражного центра. Таким образом, международный арбитражный центр и финансовый суд МФЦА как идея вызвали положительную реакцию среди иностранных и казахских юристов, в том числе среди представителей крупных компаний в республике⁴.

На сегодняшний день Казахстанский международный арбитраж является самым крупным мозговым юридическим центром страны, который привлекает огромный штат юристов из разных стран мира. Следует отметить, что Казахстанский арбитраж стал партнером многих ведущих арбитражных иностранных учреждений. Благодаря созданию международного арбитражного центра в Астане, возникающие споры смогут быть решены в республике благодаря опыту международных арбитражей. Данный подход позволит создать дополнительную инфраструктуру инвестирования региона, привлечь капитал, развивать рынок юридических услуг в регионе, сформировать положительное представление о республике среди других стран.

Согласно законодательству DIFC:

...[независимо] от действующих международных договоров с другими государствами, решения их судов и арбитражей признают и исполняют в DIFC. Таким образом, Республика Казахстан вынуждена исполнять решения иностранных судов, если с этой страной заключен соответствующий договор. Поскольку РК заключила незначительное количество международных договоров, то исполнение решений иностранных судов в РК затруднено. К примеру, не исполняются решения, вынесенные судами США и Европы. Использование описанного опыта DIFC приемлемо для РК, однако признание и исполнение решений, которые вынесены иностранными судами, – это одностороннее преимущество для иностранных компаний. И речи о двухстороннем признании решений судов идти не может⁵.

Однако необходимо детально исследовать и оценить положительные и отрицательные стороны такого подхода именно для Казахстана, потому что копировать чужую практику – рискованно и опрометчиво, и может привести к серьезным последствиям.

⁴ *Генкин А.С., Михеев А.А.* ICO – новые экономико-правовые формы секьюритизации на базе технологии блокчейн // Современный юрист. 2017. № 3 (20). С. 91.

⁵ *Кутриянова Л.М.* Технология блокчейна и криптовалюта // Современный юрист. 2017. № 4 (21). С. 81.

Иными словами, «чтобы исполнять решения судов DIFC, следует основываться на механизме признаний и исполнений решений арбитражей. Также признавать и исполнять решения иностранных арбитражей в Казахстане можно согласно процедуре, которая предполагает возможность признания и исполнения в зависимости от возражений ответчика. Следовательно, не каждое иностранное арбитражное решение исполняется, и в значительной мере это зависит от судов на местах. Так, суды DIFC в признании и исполнении иностранных арбитражных решений достаточно квалифицированы, потому что их подход либерален и отличается от подходов других судов в эмирате Дубай. Как результат, степень вероятности признания и исполнения решений иностранных арбитражей через суды DIFC, чтобы в дальнейшем исполнить на территории ОАЭ, выше, чем признание и исполнение арбитражного решения через суды эмирата»⁶.

В апреле 2016 г. Казахстан принял закон «Об арбитраже». К основным изменениям и нововведениям нужно отнести следующее:

- понятие «третейского суда» и понятие «международного арбитража» (первые занимаются разрешением споров с резидентами, вторые – с участием нерезидентов) объединены в единый термин «арбитраж»;
- внедрение принципа «делимости» арбитражной оговорки;
- изменения в компетенции арбитража относительно гражданско-правовых вопросов;
- более жесткие требования к оформлению и содержанию арбитражной оговорки.

Реализация проекта «Великий Шелковый путь»

Создание финансового центра в Астане прежде всего рассчитано на привлечение китайских инвесторов. Сейчас особую актуальность получает возрождение проекта «Шелковый путь», по которому будет осуществляться движение товаров из КНР в Среднюю Азию, а также в Европейский союз и Россию.

Следует отметить, что «Шелковый путь» имеет глубокие исторические корни более чем 1700-летней давности. После Великих

⁶ Логинов Е.Л., Эриашвили Н.Д., Борталевич В.Ю., Логинова В.Е., Сорочкин Д.Д. Агентно-ориентированные подходы к мониторингу динамики биржевых и внебиржевых валютных операций в системе распределенных валютно-финансовых рынков // Образование. Наука. Научные кадры. 2017. Т. 2. № 2. С. 107.

географических открытий «Великий Шелковый путь» утратил свое былое влияние. Как известно, история циклична, и ей свойственно повторяться. Не исключено, что при возрождении «Великого Шелкового пути» вновь возродятся торговое и культурное сотрудничество государств региона.

Фундамент концепции Нового шелкового пути, которая была выдвинута Китаем в 2013 г., основан на взаимодействии нескольких компонентов:

Это единая инфраструктура, политическое взаимодействие, валютно-финансовые рынки, торговое и гуманитарное сотрудничество⁷.

Для создания и функционирования сухопутного пути и транспортной инфраструктуры необходимо привлечение значительных инвестиционных ресурсов. В Китае, который является главным инвестором, для осуществления этого проекта был создан многомиллиардный фонд Шелкового пути и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций.

Реализация технологии блокчейн в рамках ЕАЭС и те положительные эффекты, которые получает Республика Казахстан от данного проекта

Интеграционное объединение Евразийский экономический союз (ЕАЭС) в рамках углубления экономической интеграции должен сформировать четкую и понятную для всех стран-участниц структуру финансовых институтов и рынков, что в перспективе создаст возможности для использования технологии блокчейн как основы создания единого платежного пространства финансовых рынков стран Евразийского экономического союза.

Направление «финансовые технологии» предусмотрено в разрабатываемом проекте государственной программы «Цифровой Казахстан 2020» в рамках раздела «Цифровая индустрия». Предполагается, что будет создан центр блокчейн-технологий, а также организованы некоторые образовательные программы по финтеху. Национальный банк Республики Казахстан занимается разработкой нескольких проектов по криптовалюте⁸.

⁷ Сафронова Е.И. Новые моменты в экономической дипломатии Китая в Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе и региональная безопасность // Проблемы обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии: региональные измерения и российско-китайское сотрудничество. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 82–83.

⁸ Дюдикова Е.И. Перспективы внедрения криптовалюты в национальную платежную систему России / Е.И. Дюдикова, Н.Н. Куницына //

По мнению экспертов, распространение криптовалют на территории стран ЕАЭС вероятно в виде инвестиционного товара для виртуальной биржи. Сама торговая площадка могла бы находиться в юрисдикции стран-участниц ЕАЭС и функционировать на базе регионального финансового центра. По мере популяризации этого инструмента и повышения доверия к нему стало бы возможным его применение в качестве расчетной денежной единицы на территории ЕАЭС при условии свободной конвертации в национальные валюты стран-участниц. Дальнейшее развитие могло бы пойти по пути децентрализации эмиссии региональной криптовалюты либо разрешения хождения частных криптовалют, эмитентами которых выступали бы профессиональные участники платежной системы или коммерческие банки. В любом случае, организатором и регулирующим органом должен был бы стать наднациональный банк ЕАЭС, который может создать свое ПО с заложенными механизмами соблюдения законодательства. При этом наиболее подверженные рискам виды деятельности с криптовалютами «необходимо было бы сделать лицензируемыми и налогооблагаемыми»⁹.

Благодаря эффективному реформированию имеющейся финансовой структуры для применения единой электронной валюты в рамках ЕАЭС можно определить характеристики валютного пакета финансовых ресурсов, которые эквивалентны западным валютным пулам. Существует необходимость в налаживании и координировании операций, в которых единая электронная валюта ЕАЭС используется на биржах и глобальном валютно-финансовом рынке. Использование такой валюты осуществляется по согласованным с участниками союза правилами обмена российского рубля и иностранной валюты с применением российской криптографии. Также нуждаются в координации операции, предполагающие взаимодействие единой валюты ЕАЭС с цифровыми финансовыми активами, которые выпускаются децентрализованными организациями. В данном случае требуется применение четкой стратегии по сегментации структуры финансовых институтов и рынков в рамках союза, предполагающих совершение операций с цифровыми финансовыми активами. Причем речь идет и о структурах финансовых регуляторов в России и других государствах членов ЕАЭС, и о структурах финансовых регуляторов в других странах.

Актуальные проблемы функционирования финансового механизма регионов: материалы I всероссийской научно-практической конференции. Махачкала: ФГБОУ ВО ДГУ, 2016. С. 21.

⁹ Демидов О. Связанные одним блокчейном: обзор международного опыта регулирования криптовалют // Индекс безопасности. 2016. № 2 (113). С. 12.

Основываясь на этом, можно выбирать сертифицированные криптобиржи, которые осуществляют операции по обороту криптовалют, майнинг и ICO с преимущественным использованием единой электронной валюты в рамках Евразийского экономического союза. Благодаря государственной поддержке возможно усиление их позиций при формировании международной группы банков и финансовых компаний России и ЕАЭС. Причем делается это по согласованным участниками правилам обмена на национальную валюту Российской Федерации и иностранные валюты. Благодаря этому обеспечивается валютно-финансовая и общая экономическая безопасность с соблюдением коммерческих приоритетов в их деятельности. Выделение кластеров сертифицированных криптобирж целесообразно осуществлять путем построения модели оборота цифровых финансовых активов. Также для этого используется математический аппарат потоковых графов и нейромоделирование с учетом воздействия курсовых соотношений на ценовые колебания на биржевых рынках и вне бирж. Благодаря такому принципу выделения контура оборота цифровых финансовых активов биржами, банками и платежными системами, ведущими торговлю цифровыми активами, операции могут осуществляться и с использованием «центра эмиссии» в рамках ЕАЭС с применением блокчейн-технологии, и без этого центра. Такие же возможности будут у корпораций России и других государств-членов ЕАЭС, осуществляющих операции по майнингу и ICO, а также операции по обороту криптовалют, причем делаться все будет по согласованным участниками правилами обмена на национальные валюты с учетом экономической активности и валютных курсов. Применение данного механизма возможно к территориально обособленным экономически системам стран ЕАЭС, которые в то же время взаимосвязаны между собой. С его помощью легче включить в состав экономических союзов с участием России другие экономические системы, а также облегчается задача по регулированию криптовалют, майнинга и ICO на базе «центра эмиссии» с применением блокчейн-технологии в рамках Евразийского экономического союза.

Заключение

Чтобы успешно провести модернизацию и перейти к развитию, необходим базовый финансовый потенциал. Также для этого требуется наличие благоприятного инвестиционного климата, наличие стабильной политической и правовой системы. На плечи государства в данной ситуации ложится задача поддержать и простимулировать инвестиционную деятельность. Важно создать необходимые условия для инновационного развития националь-

ной экономики, а также достаточное финансирование, условно делящееся на две группы:

- 1) фундаментальные условия, помогающие в осуществлении предпринимательской деятельности;
- 2) инновационное кредитование для развития инновационной деятельности.

Это говорит о том, что перед государством стоит стратегическая задача по формированию условий для создания благоприятного инвестиционного климата на всех экономических уровнях, от микро до макро. Данное решение поможет в эффективном использовании отечественных инвестиционных источников. С его помощью создаются хорошие условия для привлечения иностранных инвесторов, а вывод капитала из государств-членов ЕАЭС станет невыгодным.

Литература

1. Ageev A.I., Loginov E.L., Makhutov N.A., Pobываев С.А. Формирование системных механизмов защиты российских валютно-финансовых ресурсов в условиях спекулятивного манипулирования мировыми финансовыми рынками // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 7 (54). С. 8–11.
2. Анализ таможенной инфраструктуры и рынка околотаможенных услуг стран Евразийского экономического союза: аналитический обзор // Евразийская экономическая комиссия. М., 2015.

References

1. Ageev AI., Loginov EL., Makhutov NA. Having visited SA Formation of system mechanisms of protection of Russian monetary and financial resources in the conditions of speculative manipulation of the world financial markets. *Competitiveness in the global world: economy, science, technology*. 2017;7:8-11. [In Russ.]
2. Analysis of customs infrastructure and customs services market of the Eurasian economic Union: analytical review. V: *Eurasian economic Commission*. Moscow, 2015. [In Russ.]

Информация об авторе

Ирина Е. Ханова, кандидат философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; ГСП-3, 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; irkh_76@mail.ru

Information about the author

Irina E. Khanova, Cand. of Sci. (Philosophy), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, GSP-3, 125993; irkh_76@mail.ru

УДК 339.9(430)

DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-124-130

Стратегия ФРГ
в отношении Шри-Ланки в начале 2000-х гг.:
на примере социально-экономической сферы

Людмила А. Печищева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; Институт востоковедения Российской академии наук,
Москва, Россия, lusa-85@inbox.ru*

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотреть сотрудничество между Индией и Шри-Ланкой на современном этапе. Экономика и научно-технические сферы стали одними из приоритетных направлений политики между Германией и Шри-Ланкой. С 1983 по 2013 г. остров был охвачен гражданской войной, принесшей не только многочисленные человеческие страдания, но и негативно повлиявшей на социально-экономическое развитие страны. В 2000-х гг. Шри-Ланка выстраивает долгосрочные политические и экономические отношения не только со своими южноазиатскими соседями и КНР, но и с ФРГ и странами ЕС. Правительство ФРГ и немецкий бизнес активно инвестируют в малые и средние ланкийские предприятия, развивают двусторонние экономические и научно-технические проекты.

Ключевые слова: Германия, ЕС, Шри-Ланка, Южная Азия, экономика, научно-технические проекты

Для цитирования: Печищева Л.А. Стратегия ФРГ в отношении Шри-Ланки в начале 2000-х гг.: на примере социально-экономической сферы // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 3. С. 124–130. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-124-130

Germany's strategy in Sri Lanka
at the beginning of the 2000s:
by the example of social and economic sphere

Liudmila A. Pechishcheva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, lusya-85@inbox.ru*

Abstract. The article is devoted to consider today's cooperation between Germany and Sri Lanka. Economics as well as scientific and technical areas have become one of the priorities of policy between Germany and Sri Lanka. From 1983 to 2013, the island was involved in the civil war, that brought not only numerous human sufferings, but also had a negative impact on the country's social and economic development. In the 2000s Sri Lanka has been building long-term political and economic relations not only with its South-Asian neighbors and China, but also with Germany and the EU. The German government and German business are actively investing in small and medium-sized enterprises in Sri Lanka as well as developing bilateral economic, scientific and technical projects.

Keywords: Germany; the EU; Sri Lanka; South Asia; economics; scientific and technical projects

For citation: Pechishcheva LA. Germany's strategy in Sri Lanka at the beginning of the 2000s: by the example of social and economic sphere. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, 2019;3:124-130. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-124-130

Глобализация сегодня превращает в узлы единой финансовой, торгово-экономической, промышленной и информационной системы отдельные страны и регионы. Не стал исключением и южно-азиатский регион, который играет в XXI в. одну из самых значительных ролей в геостратегическом плане. Благодаря включению стран Южной Азии в инициативу КНР «Новый Шелковый путь» (так называемый «Один пояс – один путь») можно наблюдать стремительное социально-экономическое развитие южноазиатских государств. Так, Китай построил уже крупный современный порт Хамбантота на Шри-Ланке, которая стала еще больше интегрирована в концепцию «Морского Шелкового пути», логически дополняющего сухопутную инициативу КНР «Один пояс – один путь» [1, с. 140]. Однако как ЕС, так и ФРГ не перестают активно инвестировать в экономику и туризм Шри-Ланки, таким образом продвигая различные программы, нацеленные в значительной степени на развитие проектов устойчивого развития страны.

Согласно системе классификации Всемирного банка, Шри-Ланка является страной с доходом ниже среднего. По Индексу человеческого развития ООН Шри-Ланка занимает 73 место из 187 стран (2013 г.). Средний ежегодный доход на душу населения в Шри-Ланке составил 2580 долл. США в 2011 г. Согласно исследованиям, уровень бедности в 2010 г. составил 8,9 % по сравнению с 26,1 % в 1990 г.¹ Однако доход распределен очень неравномерно между городским и сельским населением Шри-Ланки, поскольку приблизительно половина экономической продукции страны сконцентрирована вокруг столицы Коломбо. В отличие от этого много рабочих, выращивающих чай, производящих изделия из каучука и работающих на табачных плантациях, имеют небольшой заработок и находятся на уровне прожиточного минимума. В целом в 2015 г. Шри-Ланка достигла перспектив в программе «Цели развития тысячелетия» (Millennium Development Goals). Благодаря широкой сети школ и образовательных учреждений уровень грамотности на острове составляет 91 %. К тому же правительство Шри-Ланки планомерно выстраивает систему здравоохранения, гарантирующую свободный и всеобщий доступ к первичной медико-санитарной помощи.

Шри-Ланка находится в стадии преобразований и демонстрирует достаточно высокие темпы экономического роста. Валовой внутренний продукт (ВВП) в 2010 г. и в 2011 г. вырос приблизительно на 8 %. После окончания гражданской войны в стране постепенно возобновляется сельское хозяйство. Экспорт, в основном текстиля, чая и изделий из каучука, увеличился, возросло и число туристов. Около 9 % ВВП обеспечивается денежными переводами от рабочих-мигрантов, поскольку 1,8 млн граждан Шри-Ланки, больше чем одна пятая трудовых ресурсов, работают за границей².

С конца 1950-х гг. Германия была одним из основных «доноров» Шри-Ланки. После цунами 2004 г. Правительство ФРГ оказало финансовую гуманитарную помощь на восстановление инфраструктуры Шри-Ланки. После того как в 2006 г. гражданская война вспыхнула снова, германо-ланкийское сотрудничество было направлено на преодоление конфликта и восстановления городов³.

¹ Poverty in Sri Lanka. [Электронный ресурс]: URL: http://www.bmz.de/en/what_we_do/countries_regions/asien/sri_lanka/cooperation.html (Accessed 10 February 2019).

² Economy. [Электронный ресурс]: URL: http://www.bmz.de/en/what_we_do/countries_regions/asien/sri_lanka/cooperation.html (Accessed 13 February 2019).

³ Development potential. [Электронный ресурс]: URL: http://www.bmz.de/en/what_we_do/countries_regions/asien/sri_lanka/cooperation.html (Accessed 10 February 2019).

В настоящее время сотрудничество ФРГ и Шри-Ланки в целях развития отношений базируется на принципах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), где акцент делается на преодолении конфликтов (гражданских войн) и социальную интеграцию.

Между Германией и Шри-Ланкой были заключены следующие торгово-экономические соглашения:

- торговые соглашения (1950 г., 1955 г., 1958 г.);
- соглашение о стимулировании и защите инвестиций (2000 г.);
- рамочное соглашение о техническом сотрудничестве (1973 г.);
- соглашения о воздушном сообщении (1973 г. и 1995 г.);
- соглашение о двойном налогообложении (1979 г.)⁴.

Более того, Шри-Ланка поддерживает стабильные экономические отношения со странами ЕС. Соглашение о сотрудничестве между Шри-Ланкой и ЕС от 1975 г. было заменено новым договором, вступившим в силу 1 апреля 1995 г. В 2013 г. объем двусторонней торговли ЕС со Шри-Ланкой составил 701,6 млн евро, снизившись на 2,7 % по сравнению с 2012 г. Немецкий импорт сократился на 7,2 %, до 447,4 млн евро, а экспорт Германии в Шри-Ланку вырос на 6,4 % – 254,2 млн евро. Ключевыми статьями импорта из Шри-Ланки в Германию являются текстиль, каучук и чай, основные товары экспорта в Шри-Ланку – техника, электротовары, химическая продукция и автомобили.

Германия для Шри-Ланки традиционно является одним из наиболее важных партнеров в туристической сфере. Хотя из-за климатических катастроф на Шри-Ланке, а также с учетом сложной обстановки в ходе гражданской войны, которая закончилась только в 2009 г., количество туристов на острове в значительной степени уменьшилось. Однако с 2010–2013 гг. наблюдалось заметное увеличение числа немецких туристов на Шри-Ланку: 46 тыс. чел. – в 2010 г., 56 тыс. чел. – в 2011 г., 72 тыс. чел. – в 2012 г. и 85 тыс. чел. – в 2013 г. Начиная с 1978 г. 51 немецкая компания, которая инвестировала в Шри-Ланку, создала приблизительно 11700 рабочих мест для местного населения. В 2005 г. прямые инвестиции ФРГ в Шри-Ланку составили 61 млн долл. США, в 2012 г. – 9,1 млн долл. США. В 1999 г. был создан Ланкийско-германский деловой совет (насчитывающий 80 человек), в котором предприниматели из обеих стран нацелены на продвижение двусторонних экономических отношений⁵.

⁴ Economic relations. URL: <http://www.auswaertiges-amt.de/EN/Aussenpolitik/Laender/Laenderinfos/01-Laender/SriLanka.html> (Accessed 03 February 2019).

⁵ Ibid.

Даже после прекращения военного конфликта целью двустороннего сотрудничества по-прежнему оставалось постепенное улучшение ситуации на Шри-Ланке: создание хорошо функционирующих демократических институтов и выстраивание доверительных отношений между гражданами и правительством. Поэтому германо-ланкийское сотрудничество направлено на такие области, как социальная интеграция, образование, продвижение частного сектора и профессионального обучения, особое внимание уделяется северу и северо-востоку Шри-Ланки.

В настоящее время существует ряд совместных германо-ланкийских проектов по техническому сотрудничеству:

- продвижение социальной интеграции и преобразования в стране;
- профессионально-техническое образование и обучение на севере и востоке Шри-Ланки;
- развитие малых и средних предприятий⁶.

Проекты по техническому сотрудничеству, административной поддержке и реинтеграции внутренне перемещенных людей на севере и востоке страны были завершены в конце 2013 г. и находятся сегодня полностью под контролем правительства Шри-Ланки. Правительство ФРГ предоставляет низкопроцентные ссуды для социально значимых проектов на острове. К примеру, для поддержки немецкого проекта «Финансовое сотрудничество» (строительство нового родильного дома в Галле) правительство ФРГ выделило низкопроцентную ссуду в размере 28 млн евро⁷.

Шри-Ланка ратифицировала основные соглашения по правам человека. Однако из-за гражданской войны, продолжавшейся с 1983 г. по 2009 г., систематически нарушались права человека силами безопасности страны⁸. Это был период, когда укреплялись Вооруженные силы, полиция и спецназ, расходы на оборону значительно увеличились на Шри-Ланке. Судьба тысячи арестованных и интернированных тамиллов до сих пор неясна. Неправительственные организации, такие как Amnesty International и Human Rights Watch, и международное сообщество неоднократно призывали власти Шри-Ланки соблюдать права человека⁹.

⁶ Development cooperation. URL: <http://www.auswaertigesamt.de/EN/Aussenpolitik/Laender/Laenderinfos/01Laender/SriLanka.html> (Accessed 13 February 2019).

⁷ Ibid.

⁸ Human rights. [Электронный ресурс]. URL: http://www.bmz.de/en/what_we_do/countries_regions/asien/sri_lanka/cooperation.html (Accessed 13 February 2019).

⁹ Ibid.

В соответствии с директивой Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) для работы в конфликтных ситуациях немецкое сотрудничество сосредоточило свои усилия на решении конфликтных ситуаций и создании мира и стабильности на Шри-Ланке¹⁰. Правительство ФРГ совместно с немецкими неправительственными организациями пытается решить социально-экономические проблемы людей, которые стали жертвами гражданской войны на острове. Этим людям необходимо помочь возвратиться в их дома, а также достичь долгосрочной безопасности, обеспечив граждан страны работой и средствами к существованию, а также восстановить инфраструктуру страны. Людям, пережившим гражданскую войну на Шри-Ланке требуется и психологическая помощь. Поэтому в соответствии с принятой стратегией сотрудничества в целях развития со Шри-Ланкой правительство ФРГ в качестве приоритетных направлений выбрало помощь бедным регионам на севере и востоке Шри-Ланки¹¹.

Таким образом, перспективы Шри-Ланки довольно позитивны. В дальнейшем правительство Шри-Ланки стремится развивать сферы, важные для экономического процветания страны: производство чая, текстиля, развитие туризма и т. д.¹² Стабильное социально-экономическое развитие Шри-Ланки зависит и от решения религиозных и этнических разногласий в стране.

Правительство Шри-Ланки планирует сделать страну региональным торговым центром Южной Азии. Благодаря финансовой поддержке немецких и иностранных компаний на Шри-Ланке появились инвестиционные, развивающие масштабные проекты: строительство глубоководного порта и нового международного аэропорта, реконструкция дорог и железнодорожных сетей, улучшение инфраструктуры. Правительство приложило немало усилий для того, чтобы привлечь иностранных инвесторов, благодаря которым в 2012 г. были достигнуты значительные результаты в экономике¹³.

¹⁰ Priority areas of German development cooperation with Sri Lanka. URL: http://www.bmz.de/en/what_we_do/countries_regions/asien/sri_lanka/cooperation.html (Accessed 13 February 2019).

¹¹ Conflict transformation and peace building. [Электронный ресурс]. URL: http://www.bmz.de/en/what_we_do/countries_regions/asien/sri_lanka/cooperation.html (Accessed 05 February 2019).

¹² Development potential. [Электронный ресурс]. URL: http://www.bmz.de/en/what_we_do/countries_regions/asien/sri_lanka/cooperation.html (Accessed 10 February 2019).

¹³ Economy. [Электронный ресурс]. URL: http://www.bmz.de/en/what_we_do/countries_regions/asien/sri_lanka/cooperation.html (Accessed 10 February 2019).

Так, чтобы привлечь инвесторов на постоянной основе, необходимо минимизировать бюрократические проволочки, сделать управление транспарентным, уменьшить региональный дисбаланс в экономике и сократить уровень военных расходов на Шри-Ланке. Необходимо улучшить эффективность работы государственных учреждений, что позволит стране в дальнейшем конкурировать с другими южноазиатскими государствами. Кроме того, политические решения должны быть нацелены на долгосрочную перспективу и развитие страны. Путь диалога и согласования, а также эффективное сотрудничество с другими государствами, может привести к стабильному политическому и экономическому будущему на Шри-Ланке.

Литература

1. Хрисанфова Д.В. Отношения Китая и Шри-Ланки как часть стратегии «Нитка жемчуга» // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 403. С. 140–143.

References

1. *Khisanfova DV.* The relationship between China and Sri Lanka as a part of the String of Pearls strategy. *Tomsk State University Journal.* 2016;403:140-43. [In Russ.]

Информация об авторе

Людмила А. Печищева, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; ГСП-3, 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия; 107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12; lუსya-85@inbox.ru

Information about the author

Liudmila A. Pechishcheva, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, GSP-3, 125993; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 12, Rozhdestvenka str., Moscow, Russia, 107031; lუსya-85@inbox.ru

Некоторые особенности
персидской культуры поведения
в контексте историко-культурной идентичности
персидского народа

Никита А. Филин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, n.filin@rggu.ru*

Александр С. Ходунов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, nalim13s@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются особенности культуры поведения и менталитета современных персов в контексте исторических особенностей формирования их идентичности.

Приводится краткая история формирования персидской этнокультурной идентичности, которая имеет в себе несколько важных компонентов: иранский (индоевропейский, доисламский), арабо-исламский и тюркский. При Сефевидях в Иране утвердилась шиитская версия ислама, а при правлении династии Пехлеви была сделана попытка отказаться от арабо-исламских элементов во всех сферах жизни, что было одной из причин недовольства значительной части народа и Исламской революции 1979 г. В настоящее время все большее число жителей Ирана разочаровываются в исламском режиме и хотят, чтобы страна в культурном отношении развивалась по западному образцу.

В статье анализируются особенности персидской культуры поведения на основе наблюдений авторов и теории Р. Льюиса. Культура поведения персов относится к полиактивно-реактивному типу, поскольку в персидском национальном характере смешиваются полиактивные (неорганизованность, несобранность, привычка делать несколько дел одновременно, очень большая роль живого общения) и реактивные (умение слушать, смирение и уважительное отношение к собеседнику) черты. В этом смысле она весьма сходна с культурой поведения турок. В настоящее время в Иране происходит секуляризация, однако большинство населения сохраняет верность традиционной модели поведения. У заметной части персов-атеистов наблюдается кризис традиционной культуры.

Ключевые слова: Иран, персы, ислам, культура коммуникации, полиактивная культура, реактивная культура, вежливость, секуляризация

Для цитирования: Филин Н.А., Ходунов А.С. Некоторые особенности персидской культуры поведения в контексте историко-культурной идентичности персидского народа // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 3. С. 131–147. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-131-147

Some peculiarities of the Persian culture of behavior in the context of historical and cultural identity of the Persian people

Nikita A. Filin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia; filinnikita@yahoo.com*

Alexander S. Khodunov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia; nalim13s@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the characteristics of the culture of behavior and the mentality of modern Persians in the context of the historical features of the formation of their identity.

The article contains a brief history of the formation of the Persian ethno-cultural identity, which has several important components: Iranian (Indo-European, pre-Islamic), Arab-Islamic and Turkic. Under the Safavids a Shiite version of Islam was established in Iran, and under the Pahlavi dynasty an attempt was made to abandon Arab-Islamic elements in all spheres of life, which was one of the reasons for discontent of a large part of the people and the 1979 Islamic revolution. Currently, a large number of Iranians are becoming increasingly disappointed in the Islamic regime and wish the country to develop culturally according to a western pattern.

The article analyzes the features of the Persian culture of behavior based on the observations of the authors of R. Lewis theory. The Persian culture of behavior belongs to the multi-active – reactive type, since multi-active (disorganization, lack of coordination, the habit of doing several things at once, a very large role of live communication) and reactive (listening skills, humility and respect for the interlocutor) features are mixed in the Persian national character. In this sense, it is very similar to the culture of behavior of the Turks. Currently the process of secularization takes place in Iran; however, the majority of the population remains loyal to the traditional pattern of behavior. A noticeable part of Persian atheists is experiencing a crisis of traditional culture.

Keywords: Iran, Persians, Islam, communication culture, multi-active culture, reactive culture, politeness, secularization

For citation: Filin NA., Khodunov AS. Some peculiarities of the Persian culture of behavior in the context of historical and cultural identity of the Persian people. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, 2019;3:131-147. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-131-147

Введение

Персы – народ с весьма древней историей и культурой, о котором в России известно совершенно недостаточно. Их культурная идентичность сформировалась в результате многотысячелетнего взаимовлияния различных народов и религий. Особый интерес представляют особенности культуры поведения персов и их менталитета. Эта тема практически не затрагивалась в отечественной литературе. Среди западных исследователей, занимавшихся этой проблемой, можно отметить А.Х. Беттеридж [1] и Р.В. Гейбла [2].

В ходе посещения Ирана авторы имели возможность наблюдать за поведением многих персов. Результаты наблюдений будут рассмотрены согласно теории Р. Льюиса. Он, основываясь на собственных данных, делит культуры поведения на три типа:

- моноактивные, где люди подчиняются строгим нормам и правилам, не отвлекаясь при работе на что-то другое (Северная Европа),
- полиактивные, где принято делать несколько дел одновременно (Латинская Америка и Южная Европа, арабские народы),
- реактивные, где особую роль играет вежливость и умение слушать (страны Восточной Азии).

При этом в разных народах тот или иной тип культуры проявляется не одинаково, а с большей или меньшей интенсивностью. Р. Льюис отмечает, что у некоторых в целом полиактивных народов Азии, в том числе у турок, присутствуют и реактивные черты: так, турки могут внимательно и не прерывая выслушивать собеседников [3]. Американский ученый К. Гирц выдвинул концепцию «насыщенного описания» поведения человека, которое подразумевает не только очень подробное описание самих поступков и действий, но и их интерпретацию, так, чтобы они были понятны для остальных. С помощью такого описания, по его мнению, будут хорошо видны особенности той или иной культуры. При этом исследователям необходимо как можно глубже вникнуть в то, как сами носители культуры понимают данные действия, что, впрочем,

для иностранного ученого весьма сложно, и понять чужую культуру в совершенстве не удастся никогда¹ [4 с. 31–36]. В соответствии с этой концепцией далее будут приведены основные особенности коммуникативного поведения персов, выявленные в ходе той поездки.

Цель работы – провести исследование особенностей поведения современных персов, учтя при этом их историко-культурную идентичность и определить, к какому типу относится их культура поведения. Для этого были определены две задачи: 1) кратко рассмотреть культурно-историческое развитие персидского народа с древнейших времен до настоящего времени; и 2) провести анализ данных о культуре поведения персов.

Культурно-историческое развитие персидского народа с древнейших времен до настоящего времени

Персидский народ в целом относится к европеоидной расе. Если разделить эту большую расу на малые расы, то персы по этой классификации попадают в средиземноморскую или южноевропейскую малую расу и принадлежат к индоиранскому типу этой малой расы, преобладающему помимо Ирана также в Таджикистане, Афганистане, Пакистане и Северной Индии [5]. В языковом плане персы принадлежат к иранской группе индоевропейской языковой семьи. По религии они в основном – мусульмане-шииты, хотя есть небольшое количество христиан (протестантов) и зороастрийцев. Персы исторически преобладают в центральной и восточной части Ирана и составляют подавляющее большинство почти во всех городах-миллионниках (Тегеран, Мешхед, Исфахан, Шираз, Кередж, Кум), кроме преимущественно азербайджанского Тебриза и Ахваза с его смешанным персидско-арабским населением. По некоторым оценкам, в Иране они составляют 51% населения (42 млн человек²), не считая нескольких миллионов эмигрантов

¹ Середкина Н.Н., Кравченко Н.А. Методологические основания К. Гирца к исследованию культуры: метод плотного описания // VI Международная научно-практическая конференция «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI века: опыт и перспективы», сборник материалов. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2016. URL: <http://conf.sfu-kras.ru/ethnic-migration2016/participant/15434> (дата обращения 23 янв. 2019).

² CIA World Factbook. Iran. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ir.html> (дата обращения 23 янв. 2019); Terror Free Tomorrow. Ahmadinejad Front Runner in Upcoming

на Западе и в странах вокруг Ирана (точное их число невозможно определить). Численность персов в последние десятилетия росла исключительно быстро (3% в год) и с 1956 г. увеличилась в 5 раз (в этом году их насчитывалось всего около 9 млн. [рассчитано по: 6 с. 129]). Это произошло из-за очень высокой рождаемости, которая была намного выше, чем в целом в развивающихся странах, и сохранялась до середины 1980-х гг. (например, в 1984 г. в Иране она была равна семи детям на женщину), но к настоящему времени стремительно упавшей и достигшей уровня развитых стран – около двух детей на женщину³.

Этническая и языковая история персов вызывает очень большой интерес и в то же время недостаточно хорошо известна, поэтому на ней стоит остановиться подробно. Надо сказать, что в российском обществе очень распространено в корне неверное восприятие персов как арабского народа, подобного египтянам или алжирцам, а многие путают Иран и Ирак. На самом деле персы не являются арабами ни по языку, ни по самоощущению, ни по происхождению основной их массы. Хотя, впрочем, можно говорить о существенном влиянии арабов на все сферы жизни персидского народа, который при этом все-таки сохранил свою культурную идентичность, в отличие от тех же египтян или ассимилировавшихся берберов Северной Африки. Прежде всего, следует сказать, что в этногенезе современных персов приняли участие в основном две этнические группы: потомки переселенцев-индоевропейцев и местное автохтонное население. Индоевропейцы переселились в Иран в течение II тысячелетия до н. э. и смогли добиться положения элиты и навязать ему свой язык и культуру, однако поскольку их было намного меньше, они растворились в основной массе местного населения. В связи с этим возникла достаточно необычная ситуация, когда в основном восточное в своем происхождении население говорит на языке, который пришел из Европы. Сходную ситуацию, впрочем, можно обнаружить у северных индийцев, поскольку Индию в древности заселили те же индоевропейские племена, что и Иран [7]. В современном Иране можно встретить достаточно много людей европейской внешности – потомков индоевропейских завоева-

Presidential Elections; Iranians Continue to Back Compromise and Better Relations with US and West. Results of a New Nationwide Public Opinion Survey of Iran Before the June 12, 2009 Presidential Elections. URL: <http://www.terrorfreetomorrow.org/upimagestft/TFT%20Iran%20Survey%20Report%200609.pdf> (дата обращения 23 янв. 2019).

³ Ходунов А.С. Демографическая модернизация Ирана (вторая половина XX – начало XXI века) // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. № 2. С. 65–91. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i2.7104>

телей. Важно отметить, что персидский язык, как и другие языки иранских народов, гораздо ближе к славянским языкам, чем к языкам германской или романской группы [8 с. 30–33], а это значит, что иранские народы ближе к славянам, чем к народам Западной Европы.

Кроме того, в связи с исламским завоеванием в VII в. н. э. в Иран переселилось множество арабских племен, а в XI в. – еще большее количество тюрков, значительная часть которых ассимилировалась в персоязычной среде. Поэтому у заметного числа современных персов – арабское и тюркское происхождение. Сам персидский язык также испытал весьма значительное тюркское и, в гораздо большей степени, арабское влияние [9]. Но надо сказать, что арабские заимствования доминируют, прежде всего, в научной, религиозной, общественно-политической и исторической терминологии. В гораздо меньшей степени их можно встретить в языке художественной литературы. А основные распространенные в повседневной жизни персидские слова и грамматические черты в подавляющем большинстве остались индоевропейского происхождения. Поэтому смешения этих языков не произошло, и можно говорить лишь о культурном влиянии арабского языка (хотя и очень сильном).

Куда более сильным оказалось влияние завоевателей в религиозном плане: к XI в. персы в основном отказались от своей исконной религии – зороастризма, что во многом было связано с его сильнейшим внутренним кризисом, и перешли в ислам. Но, в отличие от арабов-суннитов, иранцы все же в основной массе приняли другую ветвь ислама – шиизм, который часто был подавляем и угнетаем властями. Кроме того, весьма большую популярность в персидском народе получил суфизм – исламский мистицизм, повлиявший и на персидскую поэзию. Впрочем, позиции суннизма в иранских городах, некоторых областях и среди иранских феодалов были очень сильны до начала XVI столетия, когда к власти пришла азербайджанская шиитская династия Сефевидов, которая с течением времени ввела шиизм во всех социальных группах и во всех поселениях персов. В некоторых городах было применено насилие, и часть суннитов была казнена. А суннизм остался религией национальных меньшинств Ирана – курдов и белуджей, близко родственных персам по происхождению и языку [10]. В целом, что касается культуры, религии и обычаев населения, Иран можно признать в значительной степени арабизированной страной, хотя, безусловно, при внимательном анализе видны очень существенные следы и доисламской культуры. Так, в Иране до сих пор все отмечают зороастрийский Новый год (Новруз), приходящийся на день весеннего равноденствия, перед которым по обычаю прыгают через костер, а во время исламского траурного дня Ашура, когда вспоми-

нают убийство имама Хусейна, многие прикасаются к решеткам с огнем в надежде на исполнение желаний [11 с. 96–109].

Средневековая персидская мусульманская культура дала миру ряд известных поэтов, многие из которых популярны и в Европе: Хафиз, Саади, Омар Хайям, Рудаки, Руми, Аттар; писателей: Низами Арузи, Мухаммад Кадири; богословов: Абу Хамид Аль-Газали, Мухаммад аль-Бухари, а также врачей и ученых: Абу-Райхан Бируни, Ибн Сина, Аль-Хорезми. Иранские купцы и духовенство мирным путем распространили ислам среди значительного количества народов мира, например индонезийцев и малайцев [12]. Влияние средневекового Ирана на соседние страны и народы было весьма велико, что можно видеть по объему заимствований из персидского языка в азербайджанском, турецком языках Средней Азии и особенно североиндийских языках, причем не только у мусульман Индии, но и индуистов. Кроме того, соседние народы переняли много элементов культуры, одежды, кухни, исламской архитектуры, искусства – прежде всего миниатюра – от персов⁴. Некоторое влияние Ирана можно видеть даже в российской культуре. Оно было достаточно сильным в XVI–XVIII вв. Так, узоры павлопосадских платков были взяты от персидских шалей, а формы куполов некоторых российских храмов воспроизводят формы куполов иранских мечетей и усыпальниц, например «Шах-Чераг» в г. Ширазе⁵.

Однако в XX в. в Иране во время правления династии Пехлеви (1925–1979 гг.) начались совсем другие процессы: власти, стараясь приблизить социально-экономическое и культурное развитие Ирана к Западу и видя исламскую культуру главным препятствием этого, стали бороться с арабскими и исламскими элементами в жизни страны, особенно с арабизмами⁶. При этом Реза-шах (1925–1941 гг.) в этой своей борьбе даже не останавливался перед геноцидом собственных граждан – по его приказу в 1936 г. были убиты и ранены 3 тыс. человек в Мешхеде только за то, что они не захотели отказаться от исламской одежды [13 с. 89]. В 1930-х гг. стало поощряться исповедание зороастризма. Только в 1979 г., после всенародного восстания и Исламской революции, это прекратилось.

⁴ *Shiloah A., Grabar O.* [et al.]. Islamic arts // *Encyclopædia Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/topic/Islamic-arts> (дата обращения 23.01.2019).

⁵ Телеканал «Россия – Культура». Что делать? Кто и почему не любит Иран? URL: https://tvkultura.ru/anons/show/episode_id/156241/brand_id/20917/ (дата обращения 23.01.2019).

⁶ Zia-Ebrahimi R. «Arab invasion» and decline, or the import of European racial thought by Iranian nationalists // *Ethnic and Racial Studies*, 2014. Vol. 37. № 6. P. 1043–1061. DOI: <https://doi.org/10.1080/01419870.2012.734389>

Однако в обществе возникли новые трения: все больше образованной молодежи под влиянием западных идей отказывается от официальной интерпретации ислама, а очень многие молодые горожане полностью отходят от религии и становятся атеистами, но в исламском государстве они вынуждены скрывать свои убеждения. Атеисты и светски настроенные мусульмане отказываются принимать исламский режим, который полностью основан на религии и велит всем гражданам, включая нерелигиозных, соблюдать многие исламские правила в быту. Так, женщины должны носить платки, им запрещено носить мини-юбки и одежду с короткими рукавами, а мужчинам – шорты; запрещено производить и продавать алкоголь, в то время как в любимых ими западных странах ничего подобного нет и самовыражение людей никак не ограничивается [11].

Иногда процесс секуляризации приводит к тревожным явлениям: среди радикально настроенной части молодежи распространяется неприязнь к арабам и исламской культуре собственной страны. Из-за арабского завоевания и отказа от зороастризма, как считают эти иранцы, страна очень сильно отстала в социально-культурном отношении от развитых государств. Эти идеи восходят еще к некоторым иранским интеллектуалам XIX – первой половины XX в., которые, в свою очередь, познакомились с идеями некоторых европейских ученых, убежденных в превосходстве индоевропейской (в том числе иранской) культуры и цивилизации над арабо-семитской. В работах некоторых иранских публицистов арабы изображались как народ, резко отстающий от персов в культурном развитии, который разрушил процветающую иранскую цивилизацию, силой навязал свою веру и погрузил страну во мрак. С их точки зрения, как и нынешних иранцев со схожими взглядами, все сложные социально-экономические проблемы Ирана можно решить простейшим способом: надо просто избавиться от всего арабского и от ислама и вернуться к доисламской культуре⁷. Такая молодежь всячески избегает использовать арабизмы, охотно заменяя их английскими заимствованиями, и презирует культурные достижения исламского периода страны, а в своей частной жизни она полностью отошла от исламских традиций. Старые культурные нормы ею отброшены, а новые конструктивные нормы культуры она так и не выработала. Тем не менее Иран в целом пока еще остается страной с относительно высоким уровнем религиозности, и полная деисламизация страны, подобная радикальной дехристианизации общества и культуры, как, например, в Швеции, где атеистами

⁷ *Zia-Ebrahimi R.* «Arab invasion» and decline, or the import of European racial thought by Iranian nationalists // *Ethnic and Racial Studies*, 2014. Vol. 37. № 6. P. 1043–1061. DOI: <https://doi.org/10.1080/01419870.2012.734389>

стали до 85% населения, в обозримом будущем здесь невозможна. По исследованиям, народы исламской цивилизации, к которой по своим социально-психологическим установкам и ценностям, безусловно, относятся и современные персы, отличаются весьма большой религиозностью и достаточно устойчивостью к секуляризации [14 с. 384–387].

Особенности культуры поведения персов

Говоря о культурных особенностях персов и, более узко – об их особенностях коммуникации, можно отметить, прежде всего, их очень большую вежливость, обходительность, тактичность, заботу об окружающих. В разговоре персы постоянно используют вежливые выражения, пытаются чем-то услужить, помочь собеседнику. В семьях мужа нередко помогают женам в их домашних обязанностях: ходят за продуктами, готовят еду, моют посуду⁸. С особенной заботой и интересом они относятся к иностранцам, весьма уважают представителей других религий и культур. Персам очень нравится, когда иностранцы пытаются говорить на их языке, они проявляют к ним искренний интерес. Особенно стоит подчеркнуть персидскую гостеприимность. В общении они очень легко идут на контакт и для них совершенно нехарактерна большая дистанция. Образованные иранцы с большим уважением относятся к России, а русских считают очень вежливым народом [11 с. 16]. В самом Иране на бытовом уровне существует весьма развитая культура вежливого общения, куда более сложная и витиеватая, чем у европейцев, и служащая для установления коммуникативного контакта (игнорирование правил общения считается недопустимым). Существует множество традиционно используемых речевых оборотов для выражения вежливости, практически перед каждым вопросом и каждой просьбой принято извиняться [16 с. 103–104]. Очень важную роль в деловом общении играет дарение подарков (в том числе при свадьбе, рождении ребенка, религиозных праздниках), которые могут быть разными в зависимости от социального статуса дарящего и принимающего подарок. Подарки служат для

⁸ Впрочем, в Иране, как и везде в мире, существует проблема семейного насилия (прежде всего среди слабо образованных или пренебрегающих традиционными нормами поведения иранцев), которая усугубляется очень большой экономической и социальной зависимостью в основном неработающих женщин от своих мужей. В то же время в семьях с высшим образованием, как и в высоко религиозных семьях, домашнее насилие случается очень редко [15 с. 120–122].

укрепления связей, а подчиненные при этом надеются на то, что начальник в свою очередь окажет им какую-то услугу и позаботится о них. Для персидской культуры очень важно уметь правильно выбрать и изящно преподнести (принять) подарок. В отличие от европейской традиции дарения, подарки не упаковываются, т. к. вне круга близких дарение воспринимается не как личное отношение, а как предписываемый ритуал, и даже выбор самих подарков определяет традиция. Но если речь идет о членах семьи и близких друзьях, то подарки зависят от их вкусов и желаний. Среди мусульман Ирана большим уважением пользуется благотворительность, и богатые люди отдают много денег для помощи бедным. Весьма ценится помощь нуждающимся людям со стороны обеспеченных женщин, оказываемая в виде шитья, приготовления пищи, воспитания сирот. Такую благотворительность не принято выставлять напоказ [1 с. 191–197]. В иранской культуре очень ценится смирение, когда человек скрывает, занижает или отрицает свои положительные качества и достоинства. Смирение подразумевает уважение к старшим по должности и возрасту, что отражается даже в персидском языке: для нейтральных слов употребляются их уважительные эквиваленты (при обращении к старшим, начальству) и скромные эквиваленты, использующиеся, когда люди говорят о самих себе. Например, вместо нейтрального «говорить» при обращении к начальнику/старшему персы обязательно употребят глагол со значением «извожить сказать», а говоря с ними о себе – глагол «нижайше докладывать» [17 с. 414–417]. Впрочем, у персов имеются и довольно распространенные недостатки, такие как забывчивость и, в некоторых случаях, необязательность. Иногда это можно оправдать тем, что персы часто стесняются отказать человеку в той или иной просьбе, которую заведомо не могут выполнить.

Авторам данной работы довелось побывать в Иране, в частности, в сентябре 2014 г., когда они провели в стране более трех недель и посетили несколько достаточно удаленных друг от друга городов, где преобладает персидское население. За это время им удалось близко познакомиться с некоторыми персами, преимущественно с водителями такси средних лет, но также и с представителями некоторых других профессий. Общение, в основном, происходило в такси, в отелях, в государственных учреждениях (главным образом музеях).

В целом, безусловно, можно сказать, что характерные черты менталитета и коммуникативного взаимодействия ярко проявились у тех персов, с которыми довелось общаться. Они были весьма гостеприимны, радушны, вежливы. Они охотно отвечали на вопросы о достопримечательностях своих городов, рассказывали об их истории и значении, возили в некоторые удаленные, но представ-

ляющие большой интерес места. Что касается более кратких эпизодов взаимодействия, можно отметить молодого продавца, который поправлял одного из авторов, рекомендуя ему не использовать в речи арабизмы и называя вместо них чисто персидские слова, которые следует употреблять.

Характерен для большинства иранцев и патриотизм, любовь к своей стране, истории и важным эпизодам борьбы против нападений, последнее из которых – агрессия иракского режима С. Хусейна, которая имела все признаки фашизма и ставила главной целью уничтожение мирного населения и его имущества, – произошла не так давно, в 1980–1988 гг. [18 с. 643–673]. Здесь следует привести в пример беседу авторов с одним персом, владельцем кафе, который оказался верующим мусульманином и воодушевленно рассказывал об ирано-иракской войне. По его словам, хотя Ирак в своей агрессии против Ирана применил все современные виды оружия: от авиации и ракет до тяжелой артиллерии и морского флота, а Иран был гораздо слабее оснащен в плане вооружения, все-таки иранцы выиграли войну, потому что «воевали духом, а не оружием». Несколько неожиданно для авторов было то, что режим активно критиковали и многие иранцы среднего возраста, которые оказались весьма светски настроены и считали, что Ирану нужно помириться со всем миром и выйти из международной изоляции, а также что религия должна быть добровольным делом людей и не должна навязываться. Это подтверждается и наблюдением ираниста В.И. Сажина, который в 2009 г. в ходе беседы с пожилым интеллигентным таксистом выяснил, что тот отказывается поддерживать любых кандидатов, поддерживающих исламский режим, и выступает за тесный союз с Англией и США⁹. Впрочем, авторам встречались и противоположные суждения. Так, весьма верующий перс лет сорока – администратор одного музея, полностью поддержал исламский режим, восхищался личностью Хомейни, с интересом рассказывал об особенностях шиизма и исламской культуры Ирана и сетовал, что молодежь в значительной степени отказывается соблюдать исламские заповеди, иначе Иран давно бы стал самой сильной и развитой страной. Можно отметить интерес и уважение иранцев к чужим странам и культурам: большинство из них спрашивало авторов о России, их интересовала история, политика, жизнь обычных людей. Уже упоминавшийся администратор музея с уважением отзывался об итальянской культуре и архитектуре, видя в ней сходства с персидской. Один таксист, много лет

⁹ Телеканал «Россия – Культура». Что делать? Кто и почему не любит Иран? URL: https://tvkultura.ru/anons/show/episode_id/156241/brand_id/20917/ (дата обращения 23.01.2019).

проживший в Японии, восхищался японским этикетом и говорил, что если на небе есть рай, то половину его обитателей, безусловно, составляют японцы.

Можно попробовать обработать полученный материал о взаимодействии с иранцами согласно теории Р. Льюиса.

Сразу можно определить, что персы относятся к смешанному полиактивно-реактивному культурному типу. Они весьма разговорчивы, словоохотливы, обычно ярко выражают свое отношение к предмету разговора, часто жестикулируют. Долгосрочное планирование дел встречается очень редко, а вот откладывание дел на потом – повсеместно. Решения принимаются часто исходя из интереса тех или иных людей, а не из целесообразности и логики. Отношения в организациях и фирмах, где работают персы, основаны на престиже и статусе, а не на четко определенных правах и обязанностях [2 с. 415–418]. Все это типично для полиактивных культур. Однако вежливость и уважение, умение слушать собеседника, как уже упоминалось, играет особую роль в персидской традиции общения. Хотя, после того как перс вежливо и молча выслушает монолог собеседника, он сразу же очень активно и эмоционально начнет ему отвечать, а иногда и спорить с ним – яркое проявление сочетания двух типов культуры. Например, один таксист вначале внимательно слушал утверждения одного из авторов о политических процессах в Иране, однако потом начал бурно и громко спорить с этим и доказывать, что в реальности дело обстоит совсем не так. Смирение и умаление своих достоинств, столь свойственное персам, тоже входит в список черт реактивной культуры. Кроме того, стоит отметить высокую степень толерантности персов к чужим взглядам, религиям, обычаям. Все это является ярким признаком реактивной культуры. Однако из-за весьма высокой впечатлительности и эмоциональности персов обязательно нужно проявлять уважение к важным для них особенностям культуры или религии: они могут сильно обидеться из-за неосторожно сказанных реплик, хотя они при этом очень отходчивы и быстро забывают обиды (а это уже полиактивная черта). Весьма характерно для персов причудливое сочетание полиактивных и реактивных черт и в организации своих дел. Так, в типично полиактивном ключе они строят множество планов, но при этом мало что выполняют; у них не в чести составление распорядка дня, они с удовольствием прерывают все важные дела для того, чтобы принять неожиданно пришедших гостей и получить радость от общения с ними, они иногда не выполняют данные другим обещания, хотя при этом (реактивная черта) не забывают поинтересоваться у человека, просьбу которого не смогли выполнить, как он себя чувствует и удобно ли ему, что очень характерно, например,

для иранских чиновников, отказывающих просителям в нужной бумаге. Такое поведение воспринимается представителями европейской культуры как оскорбление, однако сами персы считают это проявлением сочувствия и заботы [11 с. 40–41]. Неудивительно, что в плане сочетания черт этих двух типов с персами сходны турки: они веками находились под огромным влиянием иранской культуры. А арабы, с которыми у персов также весьма длительные культурные связи, все же в чем-то отличаются от персов: они, по-видимому, еще более эмоциональны и словоохотливы, гораздо чаще используют лесть, а реактивные черты и чувство «личного пространства» у них гораздо меньше выражены. Хотя нелюбовь к высокомерию, щедрость и исключительное гостеприимство одинаково свойственны обоим народам, что, вероятно, связано с очень сильным влиянием исламской культуры, которая накладывается на психологические особенности средиземноморской культуры¹⁰.

Интересное отличие можно отметить среди двух групп персов: тех, которые укоренены в своей исторической ирано-исламской культуре и тех, кто по каким-то причинам выступает против этой культуры. Приводимые ниже сведения основаны как на личных наблюдениях авторов, так и на беседе с некоторыми персами, а также взяты из статьи А. Решенина¹¹. В среде первых свойственные типичным персам полиактивно-реактивные черты выделяются особенно ярко, тогда как вторые в целом заметно менее охотно демонстрируют свои эмоции и больше погружены в себя. Хотя они резко оживляются, если речь заходит об их любимых темах, в частности об иранской истории и культуре, и тогда они начинают эмоционально доказывать, что исламское завоевание было катастрофой для страны. Конечно же, такое разделение весьма условно, и встречаются исключения. Например, авторам встречался удивительно молчаливый иранец, хотя он был весьма высоко религиозным, регулярно ходил в мечеть и в своей машине разместил множество атрибутов исламской религии. Как уже говорилось, враждебно настроенная к религии молодежь прохладно относится к тем культурным элементам, которые у религиозных персов вызывают восхищение (исламская архитектура, средневековые иранские ученые), хотя все же в основном позитивно воспринимает средневековые поэтические произведения светского характера. В то время как о доисламской зороастрийской культуре, которая должна была бы для них быть образцом,

¹⁰ О культурных особенностях арабских народов см. [3].

¹¹ Решенин А. Водка. Коран. Рок-н-ролл // Эксперт. URL: http://expert.ru/russian_reporter/2010/11/tegeran_2010/ (дата обращения 23.01.2019).

многие, как ни странно, имеют очень слабое представление. Эта молодежь во многом отказывается и от традиционных правил персидского этикета. Значит, процесс секуляризации в целом приводит у современных персов скорее даже не к полноценному изменению традиционного культурного типа на какой-то другой, а к его острому кризису, поскольку пока еще нерелигиозными персами не выработана собственная позитивная культурная модель, которая не отрицала бы полностью старые культурные традиции, а была бы толерантна хотя бы к некоторым ее проявлениям. Это произошло, например, на протестантском Западе, где уже в подавляющем большинстве нерелигиозные люди все-таки во многом переняли из протестантизма пунктуальность, аккуратность и трудолюбие, а также продолжают спокойно использовать слова, проникшие к ним из чужих языков – так, англичане вовсе не собираются отказываться от огромного пласта латинских слов, хотя они появились в результате принятия христианства, к которому у большинства современных жителей Англии нет серьезного интереса. Кризис может приводить и к негативным, разрушительным явлениям – прежде всего примитивизации собственного языка, когда некоторые персы в своей речи сознательно отказываются от многочисленных и существующих веками заимствований, используя придуманные кем-то «чисто персидские» слова, никак не укорененные в культурной традиции и часто совершенно неадекватно отражающие смысл тех или иных понятий. Также это приводит к резкому обострению конфликта «отцов и детей», когда молодежь демонстративно нарушает многие принятые правила поведения и полностью отказывается слушаться родителей, а многие пристрастились к вредным привычкам. Подобные разногласия детей и родителей, безусловно, характерны для всех культур и присутствовали во все времена, но в случае персов они могут проявляться особенно остро.

Заключение

Можно сделать вывод, что теория Р. Льюиса, основанная на его многолетних наблюдениях, достаточно хорошо позволяет определить основные особенности персидской культуры поведения: персы оказались народом со смешанным полиактивным и реактивным типом культуры. Полиактивные черты вообще свойственны народам арабо-исламской (и шире – средиземноморской) культуры, а реактивные (вежливость и уважительность) могут быть связаны с их очень древними традициями развитой государственности и этики.

Вместе с тем в настоящее время в среде молодых образованных персов происходят интенсивные процессы секуляризации, которые пока не привели к выработке новой позитивной светской культурной модели, признающей определенные достижения прошлого, а наоборот, приводят к острому кризису традиционно сложившегося этнокультурного типа, в результате чего у таких персов возникает неприязнь к отдельным весьма важным аспектам истории и культуры своей страны, приводящая к разного рода негативным последствиям (обеднение языка, обострение отношений с родителями и т. д.).

Литература

1. *Betteridge A.H.* Gift Exchange in Iran: The Locus of Self-Identity in Social Interaction // *Anthropological Quarterly*, 1985. Vol. 58. № 4. P. 190–202.
2. *Gable R.W.* Culture and Administration in Iran // *Middle East Journal* 1959. Vol. 13. № 4. P. 407–421.
3. *Льюис Р.Д.* Деловые культуры в международном бизнесе: От столкновения к взаимопониманию. Москва: Дело, 1999. 439 с.
4. *Гурц К.* Интерпретация культур / Пер. с англ. О. В. Барсуковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. 558 с.
5. *Алексеев В.П.* Становление человечества: В 5 т. Т. 1: Антропогенез. М.: Наука, 2007. 720 с.
6. *Зарубежная Азия: Общий обзор: Юго-Западная Азия* / Отв. ред. Н.И. Прошин. М.: Мысль, 1979. 381 с.
7. *Rashidvash V.* Iranian People: Iranian Ethnic Groups // *International Journal of Humanities and Social Scene*. 2013. Vol. 3. № 15. P. 216–226.
8. *Эдельман Д.И.* Иранские и славянские языки: исторические отношения. М.: Восточная литература, 2002. 230 с.
9. *Жигалина О.И.* Этносоциальная эволюция иранского общества. М.: Восточная литература, 1996. 264 с.
10. *Петрушевский И.П.* Ислам в Иране в VII–XV веках. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1966. 398 с.
11. *Ритинская П.* Эти поразительные иранцы. М.: АСТ; Астрель, 2007. 220 с.
12. *Мутаххари М.* Ислам и Иран: история взаимоотношений. СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. 480 с.
13. *Дорошенко Е.А.* Шиитское духовенство в современном Иране. М.: Наука, 1985. 228 с.
14. *Тищенко С.М., Халтурина Д.А., Коротаев А.В.* Социально-психологические особенности цивилизаций современного мира (по результатам проекта «Мировые ценности») // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. М.: ЛКИ/URSS, 2010. С. 379–410.
15. *Vakil M., Nadrian H., Fathipoor M., Boniadi F., Morowatisharifabad M. A.* Prevalence and Determinants of Intimate Partner Violence against Women in Kazeroon, Islamic Republic of Iran // *Violence and Victims*, 2010. Vol. 25. № 6. P. 116–127.

16. Ахмади З. Вежливость и понятие «таароф» в иранской культуре // Наука и школа. 2014. № 3. С. 102–106.
17. Sahragard R. A Cultural Script Analysis of a Politeness Feature in Persian // Kyung-Ja Park, Michiko Nakano (Eds.), Proceedings of the 8th Conference of Pan-Pacific Association of Applied Linguistics. Tokyo: PAAL Japan, 2014. P. 399–423.
18. Азиев А.А. Иран vs Ирак: история и современность. М.: Изд-во Московского ун-та, 2012. 768 с.

References

1. Betteridge AH. Gift exchange in Iran: The locus of self-identity in social interaction. *Anthropological Quarterly*. 1985;4:190-202.
2. Gable RW. Culture and administration in Iran. *Middle East Journal*. 1959;4:407-21.
3. Lewis RD. *Business cultures in the international business: from conflict to comprehension*. Moscow: Delo Publ.; 1999. 439 p. [In Russ.]
4. Geertz C. *The interpretation of cultures*. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2004. 558 p. [In Russ.]
5. Alekseev VP. *The becoming of the mankind*. 5 vols. Vol. 1: Anthropogenesis. Moscow: Nauka Publ.; 2007. 720 p. [In Russ.]
6. Proshin NI, ed. *Foreign Asia. Overall Review. Southwest Asia*. Moscow: Mysl' Publ.; 1979. 381 p. [In Russ.]
7. Rashidvash V. Iranian people: Iranian ethnic groups. *International Journal of Humanities and Social Scene*. 2013;15:216-26.
8. Edelman JI. *Iranian and Slavic Languages: a Historical Relationship*. Moscow: Vostochnaya literature Publ.; 2002. 230 p. [In Russ.]
9. Zhigalina OI. *Ethno-social Evolution of the Iranian Society*. Moscow: Vostochnaya literature Publ.; 1996. 264 p. [In Russ.]
10. Petrushevskii IP. *Islam in Iran in 8th – 15th centuries*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta Publ.; 1966. 398 p. [In Russ.]
11. Ripinskaya P. *These Amazing Iranians*. Moscow: AST Publ.; Astrel' Publ.; 2007. 220 p. [In Russ.]
12. Mutahhari M. *Islam and Iran: History of Relations*. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ.; 2008. 480 p. [In Russ.]
13. Doroshenko EA. *The Shia Clergy in Modern Iran*. Moscow: Nauka Publ.; 1985. 228 p. [In Russ.]
14. Tishchenko SM., Khaltrina DA., Korotaev AV. *Social and Psychological Peculiarities of the Modern World Civilizations (according to the Results of the "World Values" Project). The System monitoring of global and regional risks*. Moscow: LKI/URSS Publ.; 2010. P. 379-410. [In Russ.]
15. Vakili M., Nadrian H., Fathipoor M., Boniadi F., Morowatisharifabad MA. Prevalence and Determinants of Intimate Partner Violence against Women in Kazeroon, Islamic Republic of Iran. *Violence and Victims*. 2010;6:116-27.
16. Ahmadi Z. Politeness and Concept "Ta'arof" in Iranian Culture. *Science and School*, 2014;3:102-06. [In Russ.]

17. Sahragard R. A Cultural Script Analysis of a Politeness Feature in Persian. Kyung-Ja Park, Michiko Nakano, eds., *Proceedings of the 8th Conference of Pan-Pacific Association of Applied Linguistics*. Tokyo: PAAL Japan, 2014. P. 399-423.
18. Aliev AA. *Iran vs Iraq: History and Modern Time*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ.; 2012. 768 p. [In Russ.]

Информация об авторе:

Никита А. Филин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; ГСП-3, 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; n.filin@rggu.ru

Александр С. Ходунов, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; ГСП-3, 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; nalim13s@mail.ru

Information about the author:

Nikita A. Filin, Ph.D. in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, GSP-3, 125993; n.filin@rggu.ru

Alexander S. Khodunov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, GSP-3, 125993; nalim13s@mail.ru

Отношения между Китаем и Швейцарией на современном этапе

Анатолий В. Цвык

*Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия; tsvyk-av@rudn.ru*

Михаил М. Кузнецов

*Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия; evfenrir@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется развитие китайско-швейцарских отношений с момента первых контактов между государствами до настоящего времени. Исторический опыт китайско-швейцарских отношений, который характеризуется отсутствием периодов конфронтаций и конфликтов между государствами, стал благоприятной основой для развития сотрудничества двух стран на современном этапе. Швейцария выступает уникальным партнером для КНР, так как Берн в меньшей мере связан обязательствами с Европейским союзом в принятии решений в сферах торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества. Швейцария может обеспечить Китаю доступ к новым технологиям и европейским рынкам сбыта, лоббируя интересы китайских компаний в отношениях с Брюсселем. С другой стороны, Швейцария заинтересована в максимальном привлечении китайских инвестиций и продвижении своих товаров на китайском рынке.

Ключевые слова: Швейцария, Китай, двусторонние отношения, сотрудничество, экономика, инициатива «Один пояс, один путь»

Для цитирования: Цвык А.В., Кузнецов М.М. Отношения между Китаем и Швейцарией на современном этапе // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 3. С. 148–162. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-148-162

Relations between China and Switzerland at the present stage

Anatoly V. Tsvyk

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russia; tsvyk-av@rudn.ru*

Mikhail M. Kuznetsov

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russia; evfenrir@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the development of Sino-Swiss relations from the moment of the first contacts between the states to the present stage. The historical background of Sino-Swiss relations, which is characterized by the absence of periods of confrontation and conflicts between them, has become a favorable basis for the development of cooperation between the two countries at the present stage. Switzerland is a unique partner for China, due to official Bern is less influenced by the European Union in the spheres of trade, economic and investment cooperation. Switzerland can provide China an access to new European markets by lobbying the interests of Chinese companies in relations with Brussels. On the other hand, Switzerland is interested in increasing Chinese investment in its economy and promoting its products in the Chinese market.

Keywords: Switzerland, China, bilateral relations, cooperation, economy, the 'Belt and Road' Initiative

For citation: Tsvyk AV., Kuznetsov MM. Relations between China and Switzerland at the present stage. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, 2019;3:148-162. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-148-162

Введение

В XXI в. глобализация привела к повышению значимости двусторонних отношений между географически отдаленными государствами-партнерами. Так, по мере расширения международной торговли и закрепления КНР как глобального игрока в системе мирового хозяйства расширялись контакты Китая со странами Запада. Имея ряд противоречий в отношениях с ЕС и США, Китай уделяет особое внимание другим западным странам, способным удовлетворить китайские потребности в высоких технологиях и рынках сбыта. Одним из таких государств является Швейцария.

Китайско-швейцарские отношения имеют давнюю историю. Их актуальность стала возрастать в годы «холодной войны», когда Швейцария предоставляла площадку для переговоров

между многими странами и оказывала «добрые услуги» как для разрешения международных конфликтов, так и для развития связей между государствами, которые на тот момент не поддерживали дипломатические отношения. Так, до обмена дипломатическими представительствами китайские дипломаты встречались на территории Швейцарии со своими коллегами из Израиля, США, западноевропейских государств и др. и проводили с ними неофициальные переговоры, в первую очередь по торговым вопросам¹.

В настоящее время отношения между КНР и Швейцарией стремительно развиваются, прежде всего в экономической сфере. Китай рассматривает Швейцарию как важного партнера в торговле, инновациях и в рамках реализации инициативы «Один пояс, один путь». Несмотря на стратегическую важность китайско-швейцарских отношений, в научной среде их изучению уделяется мало внимания.

Исторический аспект китайско-швейцарских отношений

Для лучшего понимания китайско-швейцарских отношений на современном этапе необходимо сделать исторический экскурс в их развитие. Первые упоминания о китайско-швейцарских контактах приходятся на XVII–XVIII вв., когда на юге Китая зарубежными торговцами продавались швейцарские часы и музыкальные шкатулки, которые пользовались популярностью у местных элит. В то же время многие китайские товары также были востребованы у населения европейских государств, в том числе Швейцарии. Из Китая импортировались предметы роскоши: жемчуг, шелк, изделия из панциря черепахи и др.

В дальнейшем китайско-швейцарское взаимодействие получило развитие и в других сферах. Так, в XVII–XVIII вв. Швейцария направляла христианские миссии в Китай².

Таким образом, характер двусторонних отношений в тот период заложил положительную основу для их развития в будущем. Ввиду

¹ Presence Switzerland. Посредническая деятельность Швейцарии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eda.admin.ch/aboutswitzerland/ru/home/politik/die-schweiz-und-die-welt/die-guten-dienste-der-schweiz.html> (дата обращения 22.05.2019).

² Federal department of foreign Affairs FDFA. Bilateral relations Switzerland-China [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eda.admin.ch/eda/en/home/representations-and-travel-advice/china/switzerland-china.html> (дата обращения 22.05.2019).

того что уже в то время Швейцария была одной из богатейших стран Европы и не участвовала в колонизации и захватнических войнах в Америке, Африке и Азии, в дальнейшем между Китаем и Швейцарией никогда не возникало вопросов о неравноправных договорах, которые в настоящее время отрицательно влияют на отношения КНР с рядом европейских стран.

Швейцария всегда стремилась поддерживать дружественные отношения с КНР и уважительно относилась к китайскому суверенитету. Так, в 1918 г. между Швейцарией и Китайской Республикой был подписан Договор о дружбе³. В дальнейшем, когда в 1949 г. была образована Китайская Народная Республика, Швейцария одной из первых европейских стран установила с ней дипломатические отношения 17 января 1950 г.⁴ Обращает на себя внимание тот факт, что впервые КНР была представлена на международной арене именно в Женеве на Индокитайской конференции в 1954 г.⁵ В 1980-х гг., в связи с началом политики реформ и открытости Дэн Сяопина, развитие китайско-швейцарских отношений получило мощный импульс. Открытие китайского рынка для западных капиталов не осталось незамеченным в швейцарских деловых кругах, и в 1980 г. швейцарская группа «Schindler» с ее китайскими партнерами создала в Шанхае первое совместное промышленное предприятие, а вслед за этим последовали инвестиции сотен швейцарских компаний в КНР⁶.

Особенности китайско-швейцарских отношений на современном этапе

По нашему мнению, Швейцария является в настоящее время уникальным европейским партнером КНР. Это обусловлено рядом факторов.

Во-первых, Швейцария не является членом Европейского союза. Вопрос об участии Швейцарии в ЕС должен решаться путем национального референдума, но с учетом того, что больше поло-

³ Там же.

⁴ Federal department of foreign Affairs FDFA. Bilateral relations Switzerland-China [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eda.admin.ch/eda/en/home/representations-and-travel-advice/china/switzerland-china.html> (дата обращения 13.06.2019).

⁵ Там же.

⁶ Xinhuanet. China and Switzerland partners of 65 years [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/english/china/2015-09/14/c_134620939.htm (дата обращения 22.05.2019).

вины кантонов и населения настроены против вступления в ЕС, вопрос о том, когда и на каких условиях Швейцария вступит в ЕС, еще некоторое время останется открытым. При этом Швейцария является членом Шенгенского соглашения, а отношения Берна и Брюсселя регулируются отдельными договорами⁷. Такое уникальное положение Швейцарии значительно упрощает выстраивание отношений между Берном и Пекином, так как договоренности двух стран в меньшей степени зависят от позиции Брюсселя и не требуют согласования на наднациональном уровне [1].

Во-вторых, Швейцария проводит в отношении КНР довольно открытую политику, чего не позволяют себе страны ЕС. Например, в 2007 г. Китай и Швейцария подписали меморандум о взаимопонимании в целях активизации политических консультаций на высоком уровне и укрепления двусторонних отношений по широкому кругу вопросов. В том же году Швейцария стала первой европейской страной, признавшей Китай как страну с рыночной экономикой, чего себе не может позволить ЕС, в первую очередь опасаясь китайской экономической экспансии и отрицательного сальдо в торговле с Китаем [2]. Также примечательно то, что на ранних этапах экономического сотрудничества Швейцария подписала свое первое соглашение об избегании двойного налогообложения именно с КНР в 1990 г., а в 2013 г. оно было пролонгировано⁸.

В-третьих, Швейцария и Китай являются важными торговыми партнерами друг друга. С 2010 г. Китай стал крупнейшим торговым партнером Швейцарии в Азии, а Швейцария стала пятым крупнейшим торговым партнером Китая в Европе. В результате такой интенсификации торгово-экономических отношений Швейцария стала первой европейской страной, подписавшей соглашение о свободной торговле с КНР в 2013 году [3]. Соглашение содержит положения о торговле товарами и услугами, нетарифных барьерах, защите интеллектуальной собственности, а об устойчивом развитии⁹. Несмотря на сложности и длительные

⁷ Swissinfo. Внешняя политика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.swissinfo.ch/rus/%D0%B2%D0%BD%D0%B5%D1%88%D0%BD%D1%8F%D1%8F%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/34671532> (дата обращения 21.04.2019).

⁸ Lawyers Switzerland. Switzerland China double tax treaty [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawyersswitzerland.com/switzerland-china-double-tax-treaty> (дата обращения 22.05.2019).

⁹ Federal department of foreign Affairs FDFA. Bilateral relations Switzerland-China [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eda.admin.ch/eda/en/home/representations-and-travel-advice/china/switzerland-china.html> (дата обращения 23.05.2019).

переговоры, которые растянулись на девять раундов, данное соглашение получило высокую оценку со стороны руководства обоих государств и составляет основу китайско-швейцарского сотрудничества на современном этапе.

Приоритетные направления сотрудничества

В то же время Швейцария осознает важность торгового сотрудничества с КНР, являющейся второй экономикой мира и крупнейшим потребителем продукции швейцарской промышленности в Азии. В то же время Швейцария является 6-м торговым партнером Китая в Европе.

В 2018 г. Швейцария экспортировала в Китай товары на сумму 38,5 млрд долл. США. Китай же экспортировал в Швейцарию товаров на сумму в 4 млрд долл. США¹⁰. Основным показателем развития китайско-швейцарских торговых отношений выступает тот факт, что товарооборот между странами в период с 2013 по 2018 г. вырос в два раза (с 20,3 млрд долл. США до 42,5 млрд долл. США соответственно).

Другим стимулом для Швейцарии укреплять сотрудничество с КНР является тот факт, что ЕС оказывает некоторое давление на Берн по вопросам законодательства и экономики, а отношения со стремительно развивающимся китайским рынком очень важны в целях диверсификации швейцарской внешней торговли¹¹.

Торговля в области сферы услуг также показала существенный рост. Многие швейцарские поставщики услуг открыли офисы в Китае, среди них: банки, страховые компании, логистические компании, компании проверки качества, а также консалтинговые фирмы. Китайские провайдеры услуг также проявляют интерес к швейцарскому рынку. Швейцарский рынок привлекателен для КНР тем, что является удобной платформой для дальнейшего выхода на рынки стран ЕС [5]. Так, в 2015 г. в Швейцарии открылось отделение китайского строительного банка, а в 2017 г. соответствующее разрешение получил другой крупнейший банк КНР –

¹⁰ Switzerland's Top Trading Partners. World's top exports. [Электронный ресурс]. URL: <https://atlas.media.mit.edu/ru/profile/country/che/> (дата обращения 23.05.2019).

¹¹ Швейцария деловая. Евросоюз шантажирует Швейцарию санкциями [Электронный ресурс]. URL: <https://business-swiss.ch/2018/08/evrosojuz-shantazhruet-shvejcariju-sankcijami/> (дата обращения 23.05.2019).

Промышленный и коммерческий банк Китая¹². Другим свежим примером стало то, что в апреле 2018 г. китайская компания Ewatt, производящая дронов, решила открыть производство в Цюрихе, откуда планирует выйти на рынки стран Европы¹³.

Другой стратегически важной областью сотрудничества между двумя странами выступает сфера инноваций. В октябре 2015 г. КПК провозгласила инновации одним из главных направлений пятилетнего плана до 2020 г. Как отметил министр иностранных дел КНР Ван И, обе стороны согласились воспользоваться силой Швейцарии в области инноваций для инновационного развития Китая¹⁴.

Швейцарские предприятия уже установили различные каналы сотрудничества в области технологий и исследований со своими китайскими партнерами. Например, швейцарская компания Swissnex, занимающаяся вопросами образования, исследований и инноваций и играющая активную роль в укреплении Швейцарии в качестве лидера в области образования и инноваций, уже создала свое представительство в Шанхае¹⁵.

Многие китайские исследователи также проходят подготовку в швейцарских университетах и научно-исследовательских институтах.

Стоит отметить, что конкурентоспособность Швейцарии в области инноваций и технологий признана китайским правительством. Китайский премьер Госсовета Ли Кэцян заявил, что Швейцария имеет конкурентное преимущество в области инноваций и, таким образом, двустороннее инновационное сотрудничество имеет широкую перспективу. В рамках политики КНР Швейцария названа страной инноваций, поскольку она возглавляет глобальный индекс инноваций, публикуемый Всемирной организацией интеллектуальной собственности в течение шести лет подряд¹⁶.

¹² Швейцария деловая. Китайский банк получил от ФИНМА банковскую лицензию [Электронный ресурс]. URL: <https://business-swiss.ch/2017/12/kitajskij-bank-poluchil-ot-finma-bankovskuyu-litsenziyu/> (дата обращения 23.05.2019).

¹³ Швейцария деловая. Китайский Ewatt выбрал Швейцарию для экспансии в Европу [Электронный ресурс]. URL: <https://business-swiss.ch/2018/05/kitajskij-ewatt-vy-bral-shvejtsariyu-dlya-e-kspansii-v-evrope/> (дата обращения 23.05.2019).

¹⁴ People's daily online. China, Switzerland to Step Up Anti-Corruption Cooperation [Электронный ресурс]. URL: <http://en.people.cn/n3/2016/0116/c90000-9004716.html> (дата обращения 22.12.2018)

¹⁵ Swissnex network. Swissnex locations [Электронный ресурс]. URL: <https://www.swissnex.org/locations/> (дата обращения 23.05.2019).

¹⁶ Pakistan observer. China, Switzerland Vow to Upgrade Cooperation [Электронный ресурс]. URL: <https://pakobserver.net/china-switzerland-vow-to-upgrade-cooperation/> (дата обращения 23.05.2019).

Нельзя не отметить и сотрудничество Швейцарии с КНР в рамках создания альтернативных органов глобальной экономики. Самое примечательное – создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Создание АБИИ было инициировано КНР в 2013 г., а сам банк был создан в 2015 г., имея на тот момент 57 членов-основателей, включая половину государств-членов ЕС [4]. Важно отметить то, что с участием европейских стран АБИИ приобрел признаки международного финансового института, который в долгосрочной перспективе может составить конкуренцию Всемирному банку и другим действующим глобальным финансовым структурам. Данный фактор во многом стал причиной негативной реакции со стороны США. Так, когда 12 марта 2015 г. Великобритания согласилась присоединиться к проекту, а затем и Франция с Германией последовали примеру Лондона, Вашингтон обвинил Лондон в предательстве – редком случае в истории трансатлантического партнерства [2].

Таким образом, являясь членом АБИИ, Швейцария в очередной раз продемонстрировала решимость углублять сотрудничество с Китаем не только для укрепления двусторонних экономических отношений, но и для сохранения собственного статуса международного финансового центра [5].

Другим важным направлением сотрудничества между Пекином и Берном также является реализация инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП). Так, в ноябре 2016 г. состоялась официальная пресс-конференция Швейцарско-Китайской ассоциации содействия развитию «Одного пояса, одного пути». Ассоциация занимается выработкой подходов к развитию инновационных технологий, инфраструктуры, проектов по сохранению экологии и логистики в рамках инициативы ОПОП. Также ассоциация занимается проработкой реализации проектов не только на территории Швейцарии и КНР, но и на территории сопредельных Швейцарии стран: Германии, Франции, Италии. Примечательно то, что географическое положение Швейцарии делает ее ключевым партнером в Европе по инициативе «Один пояс, один путь», так как у страны в связи с этим фактором имеются перспективы стать важным логистическим и транспортным узлом в Центральной Европе. На данный момент Швейцария занимается повышением своей транспортной доступности и строит убыточные, по мнению ряда экспертов, тоннели через Альпы. Однако, как надеются в официальном Берне, в долгосрочной перспективе эти проекты себя окупят и принесут прибыль, ведь именно сотрудничество в сфере транспортной инфраструктуры считается китайской стороной наименее развитым направлением китайско-швейцарского сотрудничества в рамках

рассматриваемой инициативы КНР. Так, в составленном в 2018 г. Пекинским университетом и Институтом Тайхэ рейтинге стран, в наибольшей степени подходящих для сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь», Швейцария занимает лишь двадцать седьмое место. Данный индекс был составлен на основе вычислений по формуле, в основе которой лежат оценки каждой из 94 стран, присоединившихся к реализации инициативы, по более чем 40 показателям, объединенным в пять больших групп: политическое взаимодействие, взаимосвязь инфраструктуры (эти сферы, по мнению китайских исследователей, являются наиболее слабыми в сотрудничестве между Китаем и Швейцарией), бесперебойная торговля, свободное передвижение капитала и гуманитарное взаимодействие¹⁷.

Вместе с тем китайско-швейцарское сотрудничество развивается и в политической сфере. В сентябре 2017 г. президент Швейцарии Дорис Лойтхард заявила, что Швейцария готова выступить в качестве посредника в решении ядерной проблемы на Корейском полуострове. В том же месяце во время ежедневной пресс-конференции пресс-секретарь МИД КНР Гэн Шуан отметил, что «Китай обратил внимание на заявление, сделанное Швейцарией и приветствует все идеи и предложения, которые направлены на смягчение трений и конфронтации, укрепление взаимного доверия, возобновление диалога и скорейшее разрешение ядерной проблемы»¹⁸. Таким образом, КНР поддержала участие Швейцарии в решении ЯПКП.

Несмотря на то, что инициатива Швейцарии не получила пока должного развития, поддержка Пекина сыграла положительную роль для обновления репутации Швейцарии как «государства-мироотворца». В целом положительное отношение к инициативе Швейцарии свидетельствует об определенном уровне доверия, сложившемся между двумя странами в последние годы.

Другим важным аспектом деятельности Швейцарии как «государства-мироотворца» является то, что Швейцария действует как связующее звено между двумя конфликтующими странами и представляет дипломатические интересы одной страны в другой стране,

¹⁷ Taihe zhiku yu Beijing daxue lianhe fabu «yidai, yilu» wutong zhishu yanjiu baogao [Taihe Institut and Beijing University jointly released the «Belt and Road»'s index research report] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.taiheinstitute.org/Content/2018/12-24/0913043250.html> (дата обращения 23.05.2019)

¹⁸ Регнум. КНР поддерживает посредничество Швейцарии в решении корейского кризиса. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2317879.html> (дата обращения 23.05.2019).

обеспечивая таким образом минимальное прямое взаимодействие между ними.

В настоящее время Швейцария осуществляет такие функции по отношению к четырем странам, представляя Иран в Египте, США в Иране, а также Иран и Саудовскую Аравию на двусторонней основе. Таким образом, Швейцария оказывает косвенное влияние на ситуацию на Ближнем Востоке — стратегически важном для КНР регионе¹⁹.

Вместе с тем сближение со Швейцарией привлекательно для Пекина в долгосрочной перспективе, так как официальный Берн внес свою кандидатуру на место непостоянного члена в Совете безопасности ООН в 2023–2024 гг. Соответственно, если Швейцария получит этот статус, то в СБ ООН будет еще одно государство, благоприятствующее КНР²⁰.

Помимо этого, в Швейцарии располагаются мировые финансовые биржи и институты, что интересует КНР в рамках политики, направленной на интернационализацию юаня и превращения его в основную мировую резервную валюту. Одним из шагов в данном направлении стало создание 9 ноября 2015 г. Центральным банком Китая и национальным банком Швейцарии клирингового центра, в рамках которого китайский юань и швейцарский франк будут конвертироваться напрямую без посредничества доллара. Таким образом, швейцарский франк стал двенадцатой по счету валютой, для которой Китай установил прямой валютный курс²¹.

Регулярно проходят межгосударственные визиты руководства стран. Так, премьер Госсовета КНР Ли Кэцян посетил Берн в мае 2013 г. В ходе визита был подписан Меморандум о взаимопонимании в знак начала двустороннего диалога по финансовым вопросам между Национальным банком Китая и Государственным секретариатом Швейцарии по финансовым вопросам [6].

¹⁹ Presence Switzerland. Посредническая деятельность Швейцарии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eda.admin.ch/aboutswitzerland/ru/home/politik/die-schweiz-und-die-welt/die-guten-dienste-der-schweiz.html> (дата обращения 23.05.2019).

²⁰ Presence Switzerland. Международные организации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eda.admin.ch/aboutswitzerland/ru/home/politik/die-schweiz-und-die-welt/internationale-organisationen.html> (дата обращения 23.05.2019).

²¹ Швейцария деловая. Китайский юань и швейцарский франк обойдутся без доллара [Электронный ресурс]. URL: <https://business-swiss.ch/2015/11/kitajskij-yuan-i-shvejtsarskij-frank-bez-dollar/> (дата обращения 23.05.2019).

В январе 2015 г. Ли Кэцян вновь посетил Швейцарию, где проходил Давосский форум. Затем президент Швейцарии Йоганн Шнайдер в апреле 2016 г. совершил ответный визит в Китай, где встретился с председателем КНР Си Цзиньпином и премьером Госсовета КНР Ли Кэцяном²². В ходе данного визита Си Цзиньпин назвал Швейцарию «давним другом китайского народа» [7]. В то же время Ли Кэцян отметил важность двусторонних отношений, заявив, что Китай нацелен на углубление сотрудничества в сфере торговли, финансов, инноваций, а также сделать китайско-швейцарское примером для китайско-европейских отношений²³.

В ходе данного визита уровень китайско-швейцарских отношений был повышен с «стратегического партнерства» до «инновационного стратегического партнерства»²⁴. В этой связи стоит отметить важность формулировок «стратегических партнерств», устанавливаемых Китаем в рамках соответствующего внешнеполитического инструментария. Так, Швейцария стала первой страной, установившей партнерские отношения подобного типа с Пекином. На данный момент, помимо Швейцарии, отношения такого характера связывают КНР только с Израилем – другой страной, лидирующей в области инноваций [7].

Спустя год, в январе 2017 г., Си Цзиньпин совершил государственный визит в Швейцарию, где принял участие в Давосском форуме. В ходе данного визита лидеры двух государств подтвердили стремление развивать сотрудничество и поддерживать контакты по целому ряду вопросов.

Таким образом, тесные связи в сферах торговли и инноваций получают серьезную политическую поддержку со стороны руководств обеих стран.

По мнению китайских исследователей, европейские страны должны ориентироваться на пример китайско-швейцарских отношений. По словам Цуй Хунцзяня, директора департамента европейских исследований Китайского института международных исследований, Швейцария всегда была лидером в развитии дву-

²² Eurasia Info. President Schneider-Ammann Meets Chinese President Xi Jinping [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiainfo.ch/en/6308/> (дата обращения 23.05.2019).

²³ European Futures. Switzerland: China's old friend and innovative strategic partner [Электронный ресурс]. URL: <https://www.europeanfutures.ed.ac.uk/article-3177> (дата обращения 23.05.2019).

²⁴ Pakistan observer. China, Switzerland Vow to Upgrade Cooperation [Электронный ресурс]. URL: <https://pakobserver.net/china-switzerland-vow-to-upgrade-cooperation/> (дата обращения 23.05.2019).

сторонних связей с Китаем, в большей степени, чем многие другие европейские или западные страны²⁵.

Вместе с тем Швейцария не затрагивает на международном уровне такие чувствительные для КНР темы, как нарушения прав человека и Тайваньский вопрос. Однако стоит учитывать тот факт, что в Швейцарии находится вторая по величине тибетская диаспора за пределами Азии. Поэтому Швейцария проявляет большой интерес к ситуации в тех районах Китая, которые населены тибетцами²⁶.

С 1991 г. Китай и Швейцария ведут ежегодный диалог по правам человека. Последний раунд переговоров состоялся в Китае в июне 2018 г. В рамках этого диалога реализуются различные проекты и обсуждаются отдельные вопросы правозащитной проблематики между двумя странами, в том числе положение этнических меньшинств в КНР²⁷.

С другой стороны, Швейцария не политизирует свои контакты с тибетцами. Когда Далай-лама посетил Женеву и принял участие в конференции с лауреатами Нобелевской премии мира в марте 2016 г., ни один швейцарский чиновник не встретился с ним, что, по мнению экспертов, продемонстрировало понимание швейцарского руководства к столь чувствительному для Китая вопросу [7]. В результате несмотря на то, что конференция проводилась в Швейцарии, Китай подверг критике Соединенные Штаты Америки и Канаду, которые были организаторами конференции, а не швейцарское правительство, не имевшее возможности изменить программу мероприятия.

Тем не менее швейцарско-китайские отношения сталкиваются с рядом трудностей. В основном они относятся к проблеме качества китайских товаров, поставляемых на швейцарский рынок, а также к вопросу интеллектуальной собственности. В частности, в 2016 и 2018 гг. фиксировались случаи массового отравления китайским молоком, фруктами и другими потребительскими продуктами. Как

²⁵ China Institute of international studies. Xi's visit to further boost Sino-Swiss relations: expert [Электронный ресурс]. URL: http://www.ciiis.org.cn/english/2017-01/17/content_9291564.htm (дата обращения 23.05.2019).

²⁶ Federal department of foreign affairs FDFA. Bilateral relations Switzerland-Tibet [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eda.admin.ch/eda/en/home/representations-and-travel-advice/china/switzerland-china/bilaterale-beziehungen-schweiz-tibet.html> (дата обращения 23.05.2019).

²⁷ Federal department of foreign Affairs FDFA. Bilateral relations Switzerland-China [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eda.admin.ch/eda/en/home/representations-and-travel-advice/china/switzerland-china.html> (дата обращения 22.12.2018).

отмечали швейцарские эксперты, недостаточное качество китайской продукции обусловлено нарушением технологий сохранности и транспортировки продуктов²⁸. Также были зафиксированы случаи поставок в Швейцарию из КНР содержащих радиоактивные элементы ювелирных украшений. Как и в случае с продуктами питания, причиной этого был признан низкий уровень квалификации производителей²⁹. Наконец, отдельные компании КНР подрывают имидж качества швейцарских товаров, а также нарушают авторские права, используя в названии своих компаний отсылки на Швейцарию. В частности, такие компании как SwissGear, Swisswin и Swissbrand занимаются производством товаров в Азии и их продажей в страны Северной Америки, Индию, Россию и сам Китай. При этом качество производимых товаров очень далеко от швейцарского³⁰.

Также стоит отметить, что на внутриполитическом пространстве Швейцарии имеют место быть споры о целесообразности курса Берна в отношении Пекина. Национальный совет, Большая палата швейцарского парламента, от фракции социалистов Барбара Гизи весной 2018 г. выдвинула инициативу о проверке состояния и перспектив деятельности швейцарско-китайского диалога по правам человека. Инициатива объяснялась отсутствием практических результатов от существующего диалога по правам человека.

В то же время отдельные швейцарские чиновники заявляют о давлении со стороны посольства КНР. В частности, депутат Национального совета из партии либералов, ранее возглавлявшая в парламенте Комитет по внешней политике, Криста Мальквардер заявляла о регулярных телефонных разговорах с сотрудниками посольства КНР, в ходе которых те требовали публично не обсуждать вопросы о нарушении прав человека в Китае. Помимо этого, в Швейцарии присутствуют опасения по поводу того, что КНР не предоставляет швейцарским инвесторам тех возможностей, которыми обладают китайские инвесторы в Швейцарии³¹.

²⁸ Швейцария деловая: Китайская еда: ядовита и очень опасна! [Электронный ресурс]. URL: <https://business-swiss.ch/2016/06/kitajskaya-eda-yadovita-opasna/> (дата обращения 23.05.2019).

²⁹ Швейцария деловая. В Конфедерации продавали радиоактивные украшения из Китая [Электронный ресурс]. URL: <https://business-swiss.ch/2018/05/v-konfederatsii-prodavali-radioaktivny-e-ukrasheniya-iz-kitaya/> (дата обращения 23.05.2019).

³⁰ Швейцария деловая. Подделки из Китая: не всё то швейцарское, что с крестиком [Электронный ресурс]. URL: <https://business-swiss.ch/2018/04/poddelki-iz-kitaya-ne-vsyo-to-shvejtsarskoe-chto-s-krestikom/> (дата обращения 23.05.2019).

³¹ Swissinfo. Switzerland ponders response to China's expansion [Электронный ресурс]. URL: <https://www.swissinfo.ch/eng/emerging-world->

Таким образом, в результате рассмотрения китайско-швейцарских отношений мы можем сделать вывод о том, что отношения между странами обладают стратегической важностью не только в рамках европейского вектора внешней политики КНР, но и в рамках глобальной стратегии Китая. Благодаря отсутствию негативного исторического фона и спорных вопросов Швейцария в полной мере реализует свои конкурентные преимущества в развитии отношений с КНР. В то же время официальный Берн не боится открывать двери китайскому капиталу, что положительно оценивается китайским руководством.

Важность Швейцарии как ключевого китайского партнера обуславливается рядом факторов:

- во-первых, географическое положение Швейцарии позволяет ей стать в перспективе мощным транспортно-логистическим хабом в рамках реализации инициативы «Один пояс, один путь». Более того, за счет своих тесных связей с ЕС, Швейцария рассматривается Китаем как трамплин для экономической экспансии в Европу;
- во-вторых, осознавая роль Швейцарии в качестве одного из лидеров в системе мирового хозяйства, а также основной площадки для размещения мировых бирж и банковских структур, сотрудничество с официальным Берном представляется для Китая важным направлением деятельности на пути к дальнейшей интернационализации юаня и превращении его в мировую валюту;
- наконец, Швейцария служит важным источником инноваций для КНР в области здравоохранения, химии, точной аппаратуры и других областях. В свою очередь, Швейцария заинтересована в объемном китайском рынке, который поможет Берну не только увеличить доходы, но и снизить свою зависимость от европейского рынка.

Литература

1. *Носов М.Г.* ЕС и Китай: торговля или стратегия // Современная Европа. 2018. № 6. С. 5–17. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620180517>
2. *Жданова Ю.Д., Истомин Ю.А.* Реакция ЕС на экономическое возвышение КНР. // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 5 (56). С. 91–113. DOI: [10.24833/2071-8160-2017-5-56-91-113](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-5-56-91-113)
3. *Lanteigne M.* The China–Switzerland Free Trade Agreement and Economic Identity-Building. *Journal of Contemporary China*. 2019. DOI: [10.1080/10670564.2018.1557949](https://doi.org/10.1080/10670564.2018.1557949)

power_switzerland-seeks-response-to-china-s-expansion/44451844 (дата обращения 23.05.2019).

4. Цвык А.В. «Один пояс, один путь»: взгляд из Европы // Современная Европа. 2019. № 1. С. 104–112. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope12019104112>
5. Сведенцов В.И. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций как фактор политики «мягкой силы» КНР в странах Азиатско-Тихоокеанского региона // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 3. С.172–187.
6. Samuel S., Rajiv C. Israel–China Ties at 25: The Limited Partnership // Strategic Analysis. 2017. № 4. P. 413.
7. Wang Shichen. Sino-Swiss Strategic Partnership: A Model for China-Europe Relations // China Quarterly of International Strategic Studies. 2017. Vol. 03. № 02. P. 267.

References

1. Nosov M. EU and China: trade or strategy. *Sovremennaya Evropa*. 2018;84(6):5-17. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620180517>. [In Russ.]
2. Zhdanova Ju.D., Istomin Ju.A. EU reaction on economic rise of PRC. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2017;5(56):91-113. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-5-56-91-113. [In Russ.]
3. Lantigne M. The China–Switzerland Free Trade Agreement and Economic Identity-Building. *Journal of Contemporary China*. 2019. DOI:10.1080/10670564.2018.1557949
4. Tsyk A. “One belt, one way”: view from Europe. *Sovremennaya Evropa*. 2019;87(1):104-12. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope12019104112> [In Russ.]
5. Svedencov VI. Asian bank of infrastructural investments as a factor of “soft power” policy of PRC in countries of Asian Pacific region. *Problemy nacional'noj strategii*. 2017;3:172-87. [In Russ.]
6. Samuel S., Rajiv C. Israel–China Ties at 25: The Limited Partnership. *Strategic Analysis*. 2017;4:413.
7. Wang Shichen. Sino-Swiss Strategic Partnership: A Model for China-Europe Relations. *China Quarterly of International Strategic Studies*. 2017;3:267.

Информация об авторах

Анатолий В. Цвык, кандидат исторических наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2; tsyk-av@rudn.ru

Михаил М. Кузнецов, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2; sevfenrir@yandex.ru

Information about the authors

Anatoly V. Tsyk, Cand. of Sci. (History), Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia; bld. 10/2, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia; tsyk-av@rudn.ru

Mikhail M. Kuznetsov, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia; bld. 10/2, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia; sevfenrir@yandex.ru

УДК 94(436)(049.32)

DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-163-169

Рецензия на книгу:

Janda K. The emperor and the peasant:
Two men at the start of the Great War
and the end of the Habsburg Empire
[Император и крестьянин:
картины из жизни Австро-Венгрии
накануне Первой мировой войны
и в конце эпохи Габсбургов].

Jefferson, North Carolina: McFarland & Company,
Inc., Publishers, 2018. X + 277 p.

Михаил Н. Грачев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, grachev.m@rggu.ru*

Ключевые слова: Австро-Венгерская империя, Первая мировая война, словаки, эмиграция из Европы в США в начале XX в., национальное самоопределение.

Для цитирования: Грачев М.Н. Рец.: *Janda K.* The emperor and the peasant: Two men at the start of the Great War and the end of the Habsburg Empire [Император и крестьянин: картины из жизни Австро-Венгрии накануне Первой мировой войны и в конце эпохи Габсбургов:]. Jefferson, North Carolina: McFarland & Company, Inc., Publishers, 2018. x + 277 p. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 3. С. 163–169. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-163-169

Review:

Janda K. The emperor and the peasant:
Two men at the start of the Great War
and the end of the Habsburg Empire

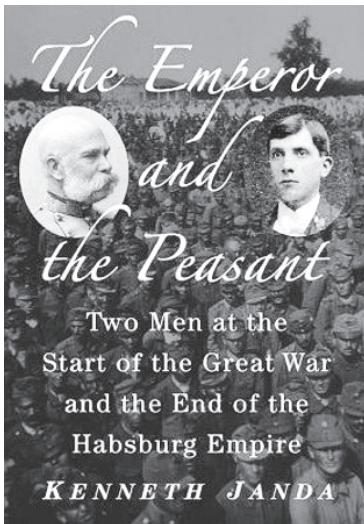
Jefferson, North Carolina: McFarland & Company, Inc.,
Publishers, 2018. x + 277 p.

Mikhail N. Grachev

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, grachev.m@rggu.ru

Keywords: Austro-Hungarian Empire, World War I, Slovaks, European immigration to USA in the beginning of XX century, national self-definition

For citation: Grachev MN. Review: *Janda K.* The emperor and the peasant: Two men at the start of the Great War and the end of the Habsburg Empire. Jefferson, North Carolina: McFarland & Company, Inc., Publishers, 2018. x + 277 p. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, 2019;3:163-169. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-163-169

Имя Кеннета Джанды хорошо знакомо российским политологам и другим специалистам в области социально-гуманитарного знания. Почетный профессор Северо-Западного университета (Иллинойс, США), он получил широкую известность как автор одного из самых масштабных сравнительных исследований деятельности политических партий, охватившего 53 страны [1]. С 1995 по 2014 г. К. Джанда был соредактором специализированного международного журнала «Партийная политика» (“Party Politics”), посвященного исследованию политических партий и партийных систем. Другая

область научных интересов видного американского политолога – система государственного управления и механизмы принятия политических решений в США. Написанное им с соавторстве

с другими известными исследователями учебное пособие «Вызов демократии: государственное управление в Америке» выдержало за 30 лет уже 14 изданий, последнее из которых вышло в свет в 2018 г. [2]. На русский язык переведены такие его работы, как «Сравнение политических партий: исследования и практика» [3] и сокращенный вариант учебного пособия по системе государственного управления в США, подготовленный вместе с Дж. М. Берри, Дж. Голдманом и К. В. Хулой [4].

Новая книга К. Джанды не похожа ни на одну из его прежних работ, ориентированных либо на специалистов-политологов, либо на студентов, изучающих политические науки. Она адресована более широкой аудитории, объединяя в себе историческое повествование о восточном театре боевых действий Первой мировой войны и личный рассказ о жизни тех, кто был вынужден сражаться по воле своих императоров.

В книге рассказываются параллельные истории двух человек, живших в одной стране, но в разных, не пересекавшихся обществах, расположенных на противоположных полюсах социальной иерархии того времени. События, описываемые Джандой, разворачиваются в Австро-Венгерской империи в конце XIX – начале XX в., а главными героями повествования выступают император Франц Иосиф I и один из его подданных, словацкий крестьянин Самуэл Мозолак, дед жены автора книги.

Император и крестьянин никогда не встречались друг с другом и жили, по сути, в параллельных мирах, что подчеркивает композиция книги: история Франца Иосифа начинается в первой главе и продолжается в нечетных главах, а вторая и последующие четные главы рассказывают о жизни Самуэла Мозолака, который, мечтая разбогатеть и вернуться в родную деревню состоятельным человеком, отправился на заработки в США, приехал домой буквально перед самым началом мировой войны, был мобилизован в имперскую армию и погиб на итальянском фронте. Автор проводит мысль о том, что простой крестьянин, как и многие другие его соотечественники, никогда не предпринимал и не собирался предпринимать какие-либо действия, способные причинить ущерб императору, тогда как Франц Иосиф, объявив войну, по сути, единолично принял решение, стоившее жизни сотням тысяч своих подданных. Рассказ об императоре полностью основывается на исторических документах, история Самуэла Мозолака – на материалах семейного архива и личных свидетельствах словацких иммигрантов, позволяющих связать воедино представления и факты об их жизни в последние годы существования Австро-Венгерской империи и в Америке.

Джанда во многом разделяет точку зрения историков, считающих Франца Иосифа весьма заурядным государственным деятелем.

лем, «хорошим образцом среднего правителя» [5 р. 23], не обладавшим какими-либо выдающимися способностями. Отсутствие у императора таланта полководца наглядно продемонстрировало унижительное поражение австрийской армии в войне с Пруссией и Италией летом 1866 г., предопределившее объединение немецких земель в единое государство под властью прусского короля и без участия Габсбургской монархии. Однако за время своего длительного правления, продолжавшегося почти 68 лет, постаревший Франц Иосиф стал восприниматься многими своими подданными как гарант и живой символ общественной стабильности. По словам С. Цвейга, когда в 1910 г. императору исполнилось 80 лет, «повсюду распространилась уверенность, что после его кончины процесс распада тысячелетней монархии станет неудержимым» [6 с. 197].

Франц Иосиф, называвший себя «последним монархом старой школы», отличался консерватизмом, ему было присуще повышенное внимание к этикету и традициям. Однако при этом, как подчеркивает Джанда, император практически ничего не знал о жизни и действительных устремлениях своих подданных. Эту характеристику автор книги распространяет и на других полновластных монархов основных воюющих государств – немецкого кайзера Вильгельма II и русского царя Николая II, которые в равной степени оказались не готовы должным образом управлять своими народами в наступившем XX столетии. Несмотря на то, что они практически не имели необходимых представлений об истинном положении дел в своих странах, у них были полномочия объявить войну. И они это сделали, руководствуясь не столько здравым смыслом и государственными интересами, сколько представлениями о собственной монархической чести и достоинстве.

В работах, посвященных Первой мировой войне, основное внимание, как правило, уделяется событиям, которые разворачивались на Западном фронте, где армии государств Антанты противостояли войскам кайзеровской Германии. Однако боевые действия фактически начались на Восточном фронте, когда 28 июля 1914 г., спустя месяц после убийства в Сараеве наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда, император Франц Иосиф объявил войну Сербии. По сравнению с Западным фронтом Восточный фронт имел большую протяженность, и, поскольку равнинный рельеф театра военных действий представлял очевидные удобства для развертывания и применения значительного количества войск, именно на восточном направлении происходили наиболее крупные и кровопролитные сражения Первой мировой войны.

Командование австро-венгерской армии допускало серьезные просчеты в подготовке и осуществлении военных операций, а также в снабжении войск боеприпасами и продовольствием, что в конеч-

ном счете привело к неоправданно высоким потерям. Обращаясь к статистическим данным, представленным на сайте изучения курса истории в рамках действующей в Великобритании программы обучения в выпускных классах средней школы (The General Certificate of Secondary Education, GCSE) и программы предвуниверситетской подготовки (A-Level) [7], Джанда показывает, что количество убитых, раненых, попавших в плен и пропавших без вести составило в сумме почти 90 % от общего числа мобилизованных в австро-венгерскую армию в 1914–1918 гг. Это – самый высокий относительный показатель потерь среди армий государств, участвовавших в Первой мировой войне.

Уже осенью 1914 г. австро-венгерские войска были физически истощены и не могли оказывать серьезного сопротивления русской армии, успешно наступавшей на юго-востоке Польши и в Прикарпатье. И хотя в первой половине мая 1915 г. в результате совместной наступательной операции германской и австро-венгерской армий, получившей название Горлицкого прорыва, русским войскам пришлось оставить территории, занятые в ходе осенней кампании, в том же месяце Италия объявила империи Франца Иосифа войну, тем самым вынудив ее вести боевые действия еще на одном фронте. После того как в декабре 1917 г. советское правительство, пришедшее к власти в России в результате Октябрьской революции, заключило перемирие с Германией и другими государствами Четверного союза и начало переговоры о мире, Австро-Венгрия получила возможность усилить группировку своих войск, противостоявших итальянской армии. В одной из перебросенных к границе с Италией воинских частей служил уже дважды раненый и представленный к боевой награде Самуэл Мозолак, которому суждено было погибнуть в сражении у реки Пьяве в июне 1918 г.

История Самуэла представляет собой нить, которая связывает воедино панораму крестьянской жизни на окраинах Австро-Венгерской империи в предвоенное время и после начала Первой мировой войны. Среди миллионов подданных императора, покинувших страну в поисках лучшей жизни, были сотни тысяч словаков и представителей других народов, которые отправились в Америку. Почему они решили уехать, как им удалось обустроиться в Новом Свете и что побудило некоторых из них вернуться в родные места? На эти и на многие другие вопросы автор пытается дать ответ в своей новой книге.

По ходу своего повествования Джанда представляет крупные планы войны, дополняя их неизвестными многим современным читателям подробностями. Сегодня, например, трудно представить, с какими сложностями пришлось столкнуться австро-венгерской армии в плане установления воинской дисциплины из-за

того, что солдаты, мобилизованные из разных частей страны, говорили на разных языках. Заслуживают пристального внимания и размышления автора о неоднозначности процессов, связанных с формированием после окончания войны новых государств по национально-этническому признаку, поскольку между народами, проживавшими в бывших империях, никогда не было четко обозначенных границ.

Книга К. Джанды, несомненно, заслуживает внимания читателей, интересующихся историей Австро-Венгерской империи, событиями, происходившими на фронтах Первой мировой войны, а также тем, как складывались в США судьбы эмигрантов из стран Центральной и Восточной Европы в начале и первой половине XX в.

Литература

1. Janda K. *Political Parties: A Cross-National Survey*. New York: Free Press; London: Collier Macmillan, 1980. XVIII, 1019 p.
2. Janda K., Berry J.M., Goldman J., Schildkraut D., Manna P. *The Challenge of Democracy: American Government in Global Politics*. 14th Edition. Boston, Massachusetts: Cengage Learning, 2018. 656 p.
3. Джанда К. Сравнение политических партий: исследования и теория // Современная сравнительная политология / Науч. ред. Г.В. Голосов, Л.А. Галкина. М.: ЗАО «Первый печат. двор», 1997. С. 84–143.
4. Джанда К., Берри Д.М., Голдман Д., Хула К.В. Трудным путем демократии: Процесс государственного управления в США. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 656 с.
5. Redlich J. *Emperor Francis Joseph of Austria: A Biography*. Hamden, CT: Archon Books, 1965. XVI, 547 p.
6. Цвейг С. *Вчерашний мир*. М.: Радуга, 1991. 544 с.
7. First World War Casualties [Electronic resource] // The History Learning Site. Mode of access: <https://www.historylearningsite.co.uk/world-war-one/world-war-one-and-casualties/first-world-war-casualties/> (date of access: 15.06.2019).

References

1. Janda K. *Political Parties: A Cross-National Survey*. New York: Free Press; London: Collier Macmillan; 1980. XVIII, 1019 p.
2. Janda K., Berry J.M., Goldman J., Schildkraut D., Manna P. *The Challenge of Democracy: American Government in Global Politics*. 14th ed. Boston, Massachusetts: Cengage Learning; 2018. 656 p.
3. Janda K. The Political Parties Comparison: Research and Theory. V: Golosov G.V., Galkina L.A., eds. *The Modern Comparative Political Science*. Moscow: The First Print Yard Publ.; 1997. p. 84-143. [In Russ.]

4. Janda K., Berry JM., Goldman J., Hula KW. *The Laborious Path of Democracy: The Government Process in the USA*. Moscow: The Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) Publ.; 2006. 656 p. [In Russ.]
5. Redlich J. *Emperor Francis Joseph of Austria: A Biography*. Hamden, CT: Archon Books; 1965. XVI, 547 p.
6. Zweig S. *The World of Yesterday*. Moscow: Raduga Publ.; 1991. 544 p. [In Russ.]
7. *First World War Casualties* [Electronic resource]. The History Learning Site. Mode of access: <https://www.historylearningsite.co.uk/world-war-one/world-war-one-and-casualties/first-world-war-casualties/> (date of access: 15.06.2019).

Информация об авторе

Михаил Н. Грачев, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; ГСП-3, 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; grachev.m@rggu.ru

Information about the author

Mikhail N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science) professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, GSP-3, 125993; grachev.m@rggu.ru

Дизайн обложки

Е.В. Амосова

Корректор

Ж.П. Григорьева

Компьютерная верстка

М.Е. Заболотникова

Подписано в печать 27.09.2019.

Формат 60×90¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 11,16. Усл. печ. л. 10,63.

Тираж 1050 экз. Заказ № 639

Издательский центр

Российского государственного

гуманитарного университета

125993, Москва, Мнусская пл., 6

www.rggu.ru

www.knigirggu.ru